

Бэрт Ансон
ИНДЕЙЦЫ МАЙАМИ

Bert Anson. The Miami Indians. Norman, 1970
пер. А.В.Зорина

1. РАННЯЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНИ МАЙАМИ

Жан Николь возглавил французское проникновение к западу от района Великих озер и в 1634 году стал первым европейцем, который вступил в контакт с новыми, но дружественными племенами великой алгонкинской языковой семьи. Его возможности были ограничены, так как после 1649 года западные племена - оттава и гуроны – стали подвергаться беспристанным нападениям Пяти Наций ирокезов, копивших меха для торговли с голландскими и английскими купцами. Но, несмотря на это, французы увеличивали число своих торговых постов и миссий к западу от озера Гурон. В 1670-х годах они также были вовлечены в десятилетие войн своих союзников чиппева, оттава и гуронов против сиу. Эти войны породили французских солдат, которые были замечательными исследователями и дипломатами пограничья. Прошло совсем немного лет до того, как эти люди, совместно со своими партнерами, миссионерами-иезуитами, завершили проникновение, начатое Николем. В ходе него в историю вошли многие племена коренных американцев.

Одним из них была часть иллинойской ветви алгонкинского семейства, в конечном итоге ставшая известной, как *майами*. Первым европейцем, услышавшим о них, был отец Габриэль Дрейет, в 1658 году получивший от чиппева сообщение о небольшом племени, которое они называли *умамик*, или «народ полуострова», недавно переселившимся на оконечность Грин-Бэя. Позднее, в том же году, когда Дрейет находился у устья Фокс-Ривер, впадавшей в эту бухту, он сообщал, что не встретился тут с этой новой группой. Однако он полагал, что Пьер Радиссон и Жан Батис де Грозейе посещали ее в 1654 году. Историк Жюль Тэлан также мог слышать о майами в 1654 году от Николя Перро, но Тэлан полагал, что они недавно двинулись к селению, находившемуся примерно в 60 милях вверх по Фокс-Ривер у волока на Висконсин. Баквиль де ла Патри, служивший вместе с Ле Муаном д'Ибервилем в борьбе против Компании Гудзонова залива и бывший королевским представителем в Новой Франции, оспаривал это, заявляя, что умамики, совместно с двумя группами маскутинов и кикапу оставались около устья Фокс-Ривер примерно до 1668 года. В 1649 году начались опустошительные вторжения военных отрядов ирокезов и в селении на Грин-Бэй собрались остатки этих трех вытесненных племен. По меньшей мере одна группа майами пересекла Миссисипи, но вернулась на восток после столкновений с сиу. Другие группы нашли себе временное убежище близ устья Иллинойса, в то время, как некоторые бежали, вероятно, к северу от Гранд-Ривер в Мичиган, чтобы избежать встреч с ирокезами.

Отец Клод Алоиз был в 1669 году послан к Грин-Ривер к миссии, которую он называет Сен-Френсис-Ксавье, а обычно называемой Ла Байе. Он начал сообщать историю майами в своем донесении отцу Клоду Даблону, главе ордена иезуитов в Квебеке. Когда Перро посетил обнесенное частоколом селение у волока с Фокс-Ривер в 1671 году, он нашел там отдельные группы кикапу, маскутинов и майами, а вождь майами Тетиншуа приветствовал его церемонией, достойной короля.

Отец Жак Маркет, который достиг селения в 1673 году в ходе своего важного путешествия с Луи Жойе, расширил скудную информацию относительно майами. Он был поражен их внешностью, умом и характером, которые называет превосходящими по сравнению с их союзниками в том же селении – вероятно, из-за того, что они вежливо выслушивали его проповеди. Позднее два воина умамик служили проводниками на волоке к реке Висконсин.

Даблон обычно относил все племена, находившиеся к югу и западу от озера Мичиган до Миссисипи к иллинойсам. Группируя их так для собственного удобства, он, однако, оказался довольно точен. Многие эти племена принадлежали к иллинойской ветви центрального подразделения алгонкинской семьи и были тесно связаны между собой. В этом отношении предположения могли смениться точными сведениями только приблизительно к 1700 году. К тому времени стали известны особенности отдельных племен, а применительно к одному из них из многих названий утвердилось имя *майами*.

Майами способствовали разладу среди иллинойских племен. В 1683 году, будучи союзниками французов, они основывают крупное селение близ форта Сен-Луи около Голодной Скалы на р.Иллинойс, где Анри де Тонти собирал своих иллинойских союзников и группу беженцев шауни. Большинство майами сопротивлялось ирокезам и считается, что один из их военных отрядов уничтожил силы ирокезов близ современного Терре Хонт на Уобаше в 1690 году. Даже если это и так, то часть майами (около 100 воинов) все же стала союзниками сенека и онондага, которые в том же году подвергались набегам людей Тонти. Ла Патри описывает уединенное селение майами, где приветствовали военный отряд шауни, возвращавшийся с пленными ирокезами, но после ухода шауни то же селение направило двух послов с армией ирокезов к озеру Онтарио. Француз де Куртеманш возглавил военный отряд майами в походе против ирокезов. Майами входили и в созданную Ла Салем антиирокезскую конфедерацию западных племен, хотя и были при этом наименее надежным ее членом.

В последнем десятилетии XVII века гегемония ирокезов на Западе начала терять свою силу, хотя влияние ирокезов здесь никогда не исчезало. Действия губернатора Луи де Буаде, графа де Фронтенака, внутреннее истощение из-за завоевательных войн, а также мощное сопротивление вооружаемых и возглавляемых французами индейцев, стали причинами сокращения активности ирокезов после 1684 года. Итог долгой вражды подвел великий совет 1701 года в Монреале, где оратором от майами был Чичикатало. Пять Наций позволили переселение в район южнее озера Эри групп собственной конфедерации, а также

шауни, вайандотов и делаваров. В то же время иллинойские племена, которые отступали на запад и север, начинают теперь возвращаться на территорию современных южного Мичигана, Иллинойса, Индианы и Огайо.

Майами возглавили это движение на восток, поддерживаемое их французскими союзниками. Выбор их передовых позиций не принадлежал полностью им самим. Западнее озера Мичиган майами были пришлыми чужаками даже среди своих родичей и союзников. Войны, которые вели чиппева, сиу, сауки и фоксы, сделали этот район неуютным убежищем. Кроме того французы нуждались в пушной торговле, а наиболее богатые пушниной места находились между Великими озерами и Огайо. потаватоми и кикапу также мигрировали на восток с переполненных границ Миссисипи. Отдельные группы часто двигались совместно. Рассеянные индейцы возобновляли организацию, существовавшую у них до бегства от ирокезов.

Майами, вероятно, меньше боялись ирокезов, чем их союзники иллинойсы, но их движение на восток было медленным, что делает сомнительным их позднейшие претензии на долгое пребывание на Уобаше и в долине майами. Маркет, Даблон и Ла Саль называют современную реку Сент-Жозеф, впадающую в Мичиган с востока, «рекой майами», так как в ее устье в 1669 году находилось селение майами. Это был восточный аванпост племени, когда Ла Саль зимой 1679-1680 годах выстроил форт майами. Когда французы основали здесь миссию Сен-Жозеф, они дали реке ее современное название. Между 1686-1693 годами другая миссия Сен-Жозеф и форт были построены у излучины реки в 60 милях от ее устья. Селение майами и потаватоми возникло тут примерно в четырех милях вниз по реке от переправы Грейт-Саук-Трэйл, где теперь находится Найлс, штат Мичиган. Это селение оставалось главным центром майами на протяжении четверти столетия.

В 1690 году на месте современного Чикаго располагалось другое селение майами – вероятно, локальной общины веа. Комендантом небольшого гарнизона, расположенного здесь же, был сьер де Монте, а отец Пьер Франсуа Пине служил при миссии Ангела-хранителя. В следующем году группа майами сопровождала Тонти к проливу между озерами Эри и Гурон, поселившись близ селения оттава. Сьер де ла Дюрантей говорил в 1687 году, что майами имели единственное селение у проливов и находились в нем, когда он путешествовал от р.Иллинойс к форту Детруа и соседнему форту Сен-Жозеф под командованием Даниэля Грейсолана.

Майами не были наивными орудиями французской колониальной политики. Их переселение было лишь одной из частей взаимодействия. Нет возможности выявить все причины временного разочарования майами во французах в то время, как позднейшая политика концентрирования солдат и торговцев в немногочисленных постах, которые индейцы начали посещать в 1696 году, повлекла увеличение числа селений оттава и чиппева в район Детройта (Детруа). Антуан де Ла Мот Кадильяк, в 1701 году основавший Детройт, восхищался майами, но под влиянием длительной вражды между ними и оттава, которая вспыхнула после нападения сиу на первых из них, он был вынужден в 1707 году послать военные силы для их устрашения. Он назвал майами «превосходным

народом, гуманным и учтивым», но настолько склонным к межплеменным войнам, что он оказался на грани вымирания. Племя признавало справедливость упрека и часть майами во главе с Жаном Батисом Биссо, сьером де Винсенс, поддержала коменданта Шарля Рено Дюбюиссона, когда в 1712 году Детройту угрожала осада фоксов. Но майами были нерасположены принимать французское господство без сопротивления и детройтская группа вскоре отошла на юг к истокам Моуми, получив прозвище «озерные майами». Тем временем группа веа собралась в селениях на среднем Уобаше между устьями Типпекану и Вермилион, а группы пианкишо двинулись на восток к берегам нижнего Уобаша. Одно время крупное племя потаватоми теснило майами в охотничьих угодьях южнее озера Мичиган и на реке Сент-Джозеф.

Общины майами неохотно передвигались из окрестностей Великих озер примерно в то же время, когда их дальние родственники шауни и делавары проникли в район восточнее р. Сайото. Эти восточные племена, вскоре ставшие союзниками майами, хотя и оставались еще под влиянием могущественных ирокезов, принесли им образцы товаров, получаемых от английских торговцев. Первые контакты майами с англичанами состоялись, вероятно, в верхней части Великих озер в 1685 году.

Быстро росло число посещений чиппева и оттава в районе Детройта. Они заполняли здешние охотничьи угодья. Хотя нельзя утверждать наверняка, но можно предположить, что майами занимали часть региона восточнее Уобаша перед вторжением ирокезов. Это были богатые земли и селения майами быстро продвинулись на восток до самой р. Сайото, так что к 1725 году майами столь прочно утвердились в этой области, что вскоре стали именовать ее своей исторической родиной.

Благодаря французским сообщениям о майами за период до 1712 года, когда они достигли Моуми, антропологи и этноисторики составили довольно сносное описание племени. Работа по различению индейских племен отнюдь не легка. Их собственные сообщения, лингвистические связи, политическая организация, обычаи и, особенно, их система родства, составляют материальную базу для подобной идентификации. Большинство информации относительно майами из наблюдений ранних французских торговцев, исследователей и священников было собрано У. Верноном Киницем и Джорджем Ирвином Квимби. О более позднем периоде имеются многотомные труды Генри Р. Скулкрафта (о чиппева и их алгонкинских сородичах). Описания майами после периода долгого контакта с белыми, с европейской культурой, содержатся в случайных наблюдениях комиссионеров при заключении договоров, а также в работах таких художников, как Джордж Винтер и Джеймс Отто Льюис.

Майами не имеют преданий и мифов относительно ранних миграций. Маленькая Черепаха часто повторял утверждение о том, что «мои отцы зажгли первый огонь у Детройта, затем расширили свои пределы до истоков Сайото, а потом до ее устья, затем вниз по Огайо к устью Уобаша, после чего к Чикаго над озером Мичиган», но оно может относиться только к периоду около 1700 года. Предпочтение, оказываемое майами региону Великих озер после исчезновения

угрозы со стороны военных отрядов ирокезов, бросает тень сомнения на их заявления, будто племя ранее занимало район между Сайото и Уобашем.

Для подкрепления заявления о раннем заселении могут быть привлечены данные лингвистики. Другие иллинойские племена – каскасия, кахокиа, мичигамеа, тамароа, моингвена, пеория – использовали диалекты, почти идентичные языку майами. Однако другие алгонкинские племена, такие, как меномини, шауни и делавары, имели диалекты, очень сходных характеристик, особенно в таких общих понятиях, как «мать», «отец», «зло», «брат», «сестра», «супруг». Родственный диалект использовали и нантикоки (штат Мэриленд). Кристофер Джист наблюдал в 1751 году, как один из его проводников могикан из колонии Нью-Йорк был способен служить ему переводчиком с языка майами.

Однако лингвистические сравнения ненадежны и нет путей, чтобы оценить степень связей в этой области. Антрополог Роберт Уайтчоп говорит: «Дело здесь не идет далее подбора сходно звучащих слов. Другие, напротив, анализируют базу лингвистической структуры, ее фундаментальный тип, природу ее идиом и грамматики, подобие звучания и значения не только целых слов, но и их частей, корней и грамматических форм. Определенное число случайных звуковых совпадений может быть названо между двумя любыми языками, родственны они друг другу или нет».

Так обстоит дело с лингвистическими свидетельствами расселения и миграций в предшествующие столетия. делаварский «Валам Олум» или «Красная Кожа» называет майами «Вемиамик» или «Бобровый Народ». Делавары встречались с вемиамиками в ходе их восточной миграции. Джордж Хайд решился предположить, что майами могли быть даже севернее Огайо и войти в контакт с людьми культуры Миссисипи, от которых заимствовали некоторые ритуалы и политические формы.

Политическая организация майами сходна с организацией племен саук, фокс, потаватоми и оттава. Понимание политических и социальных форм организации майами нуждается в кратком определении терминов. Племя являлось суверенной политической единицей, во главе которой стоял верховный племенной совет из представителей всех общин. Община была подразделением племени, в первую очередь (но не только!) географическим. Общины жили в селениях, обычно добывая себе средства к существованию в смежных районах. Когда индейские общины состояли только из членов тотемных кланов, они назывались фратриями. К этому типу подгрупп близки были веа и пианкишо. Селения общины направляли своих представителей на совет общины, который в свою очередь посылал своих делегатов на племенной совет.

Социальная система майами базировалась на патрилинейной клановой системе. Вожди кланов, также как и вожди селений, являлись важными политическими фигурами. По мнению Квимби в доконтактный период майами фактически не имели общего вождя для всех отдельных общин. Данные из французских источников указывают, что в 1740-х годах Ле Пье Фруа (Холодная Нога) рассматривался, как вождь всех майами, в то время, как Ле Гри (Серый) возглавлял племя в 1780-1790-х годах.

В период ранних контактов с французами существовало шесть общин майами: атчачакангуен, килатика, менгаконкиа, пепикокиа (тепикон), веа и пианкишо. Первые три так перемешались в исторические времена, что имена их были вытеснены общим термином «майами». Веа и пианкишо, вероятно, поглотили пепикокиа и часто ошибочно принимались за отдельные племена. К 1818 году они уже долго не посылали своих представителей к кострам совета майами. Фактически, они основали свои собственные племенные советы и жили независимо. Вскоре после этого они сформировали конфедерацию со своими родственниками пеория и каскаска. Отдельные члены различных общин, бежавшие от вторжения американцев, собрались в стране веа и образовали временную группировку, известную как «индейцы реки Ил» или «Торнтаунская группа». В начале 1800-х годов она частично слилась с майами на верхнем Уобаше и р. Ил.

Многие историки приписывают общинным вождям равную силу, а Хайд, используя наблюдения Перро, пришел к выводу, что они пользовались ею, как если бы она имела божественное происхождение. В 1671 году, когда Перро находился в гарнизоне Сен-Жака у селения майами на волоке р. Фокс, он был с честью принят их племенным вождем Тетиншуа, чья власть показала Перро чрезвычайной и удивительной. Француз говорит, что это селение, заключавшее в себе почти 20,000 человек, недавно – после получения известий о мире с ирокезами, переселилось восточнее Миссисипи. Хайд заключает, что майами заимствовали традиции «короля-солнца» в результате культурных контактов со строителями миссисипских курганов-маундов или же с племенами юго-запада, откуда вожди майами и получили обладание столь великой властью. Это могло быть и результатом их собственных способностей. Единая племенная организация с одним вождем могла и не распространяться на все общины во времена первых контактов с европейцами, когда племя было рассеяно по довольно большой территории. Однако к 1750 году майами уже имели общего для всего племени гражданского (или верховного) вождя и единого военного вождя.

Членство в племени обычно базировалось на клановых родственных связях. Усыновление чужаков требовало санкции совета племени. Селения были крупными и включали в себя семьи из числа большинства кланов и общин. Семьи часто переходили из одного селения в другое, даже другого клана или общины. Вождь селения избирался советом селения, состоявшим из делегатов небольших советов каждого клана или общины. Совет селения включал в себя глав всех семейств клана. Совет общины включал в себя вождей селений и кланов данной отдельной общины. Очевидно, что каждый из этих предводителей мог быть также и военным вождем.

В 1700 году в селении на р. Сент-Джозеф состоялся великий совет вождей селений, общин и кланов. После 1712 года он всегда проводился у истоков Моуми. В течении XVIII века веа и пианкишо неоднократно отказывались осуществлять любое важное политическое решение, пока его не утверждал племенной совет на этом месте. Хотя название Кисканон или Кекионга применялось к селению племенного совета, временами имелось сразу семь

селений майами в пределах нескольких миль от истоков Моуми и советы всегда проводились строго в одном из них.

Племенная, общинная или клановая власть вождя не была наследственной. Титул военного вождя даровался только воину, возглавлявшему серию удачных набегов. Майами редко признавали воином или просто взрослым человека до 25-30 лет, когда и становились вождями те, у кого было больше способностей и меньше неудач. Французский исследователь Луи Делиэт, племянник Тонти, в подробностях описал военные обычаи майами, начиная с ритуала перед уходом в набег и до праздника или траура после возвращения военного отряда. Его сообщения показывают, что военные обычаи майами мало отличались от обычаев других алгонкинских племен. Имеется лишь одно необычное замечание Маркета – он описывает майами, как почти неизменно удачливых воинов, отдавая должное их храбрости и проницательности. Частота и удача набегов майами определяли престиж военных вождей. В течении периодов широких военных действий племенной военный вождь становился главной фигурой на советах и при заключении договоров. Мирный вождь часто обращался к совету через «оратора». Военный вождь редко поступал таким образом, поскольку его лидерство во многом зависело от его личного магнетизма.

Моравский миссионер Давид Цейсбергер описывает личные обязанности гражданского (верховного) вождя делаваров, требовавшие от него таких личных качеств, как мудрость и самообладание. Его сообщение, вероятно, суммирует все требования к этой должности, предъявляемые и среди майами:

«Вождь не может полагать, что он будет господствовать над людьми, так как в подобном случае он будет немедленно покинут всем племенем, а его советники откажутся следовать за ним. Он должен снискать себе расположение людей и поддержку своих советников. Следовательно, все вожди должны быть дружелюбны, милосердны, гостеприимны, общительны, любезны, а их дом открыт каждому индейцу. Даже чужак, пришедший по своим делам, направлялся в дом вождя, где ему оказывался самый наилучший прием... Обязанностью вождя было поддерживать мир так долго, как это возможно. Не в его силах было начать войну до тех пор пока к этому нерасположены *капитаны*. Без их согласия он не мог принять пояса войны. Если он и получал его, то на условиях, что должен будет вернуть его *капитанам* для обсуждения. Вождь должен оберегать мир всей своей возможной силой. Если *капитаны* бывали единодушны в объявлении войны, то он был вынужден передать заботу о своем народе в их руки, поскольку они были воинами».

Это описание можно оценить должным образом, если мы вспомним, что небольшие, независимые ни от кого военные отряды проводили набеги даже когда в селении оставались лишь немногие молодые люди, нуждавшиеся в опыте и доверии воинов. Если набег карал далекого традиционного врага, например чикасо, мирный вождь не сталкивался с дипломатическими трудностями. Однако, иногда неудачливая группа, проведя в лесу месяцы, захватывала скальпы членов дружественного племени, случайно оказавшихся на их тропе. Тогда верховный вождь бывал вынужден приложить все усилия, чтобы предотвратить войну с союзным племенем.

Нет общего мнения о числе и названиях кланов майами. Некоторые, вероятно, были утеряны при воссоединении племени после 1700 года. Член племени говорил в 1969 году, что всего было 15 кланов, но майами Индианы используют для ежегодного церемоний 12 названий. Ранние французские сообщения дают 10 или даже менее того имен. Обычными символами, обозначающими общих предков, были орел, журавль, черепаха, лось, волк, гагара, канюк, пантера, индюк, енот, гусь, лиса, медведь, олень, желудь и рыба. В 1736 году Мишель М.Шовинье классифицировал майами, как индейцев с тотемами лося и журавля, угатону (веа) – с тотемом змея, пианкиша (пианкишо) – с тотемом желудя. Фредерик Уэбб Ходж пишет о двух тотемах – лосе и журавле, но говорит, что использовались также символы черепахи и медведя. Он также упоминает 10 кланов, где наиболее важным был журавль. В более поздних документах отсутствуют канюк, желудь, лось и енот.

То, что клановая принадлежность была жизненно важна для майами, иллюстрируется тем фактом, что каждая клановая группа в селении имела своего вождя. Клановые вожди были наиболее важными членами совета селения и один из их числа избирался гражданским вождем. Предводители кланов обычно посещали племенные советы.

Членство в кланах майами обычно затрагивало систему родства, которая подобна системе сауков и фоксов. Браки внутри своего клана запрещались. Происхождение детей шло односторонне по мужской линии от брата матери, но ребенок всегда был членом клана своего отца. У майами братья матери и их мужское потомство все были «дядьями», дочери «дядей» были «матери», а дети «матерей» - «братьями» и «сестрами». Такая система увековечивала мужскую семейную линию матери и часто указывала на оседлое, довольно богатое запасами пищи, общество. Система, поддерживавшая жизнь селения, состояла в пребывании детей с их матерями. Так как крупные селения содержали в себе несколько кланов, неженатым взрослым всегда представлялась возможность найти себе партнера из другого клана. Небольшие селения теряли своих мужчин (обычно временно), так как те искали себе жен из других кланов в других селениях.

В 1900 году Габриэль Годфруа засвидетельствовал, что старейшие майами иногда использовали свою систему родства, хотя они уже долго употребляли термины белого человека, чтобы избежать недоразумений со своими соседями. Система майами отличалась от принятой у чиппева и потаватоми, которые выделяли поколения. Сложность ее толкования приводила к трудностям при разборе родословных майами.

Идея матрилинейности и признание самого отдаленного родства указывает на отвращение майами к инцесту или браку между даже дальними родственниками. Такое ограничение не только помогало сохранять клановое членство, но также поддерживало достоинство и свободу женщин майами, управлявших домашним хозяйством. Мужчины и женщины равно широко располагали сексуальной свободой до брака (обычно заключавшимся на исходе третьего десятилетия жизни), но после него приписывалась строгая супружеская верность.

Родственники пары выступали инициаторами брачных переговоров. Майами практиковали ограниченную полигамию и на роль вторых жен предпочитались сестры жены. При разводе почти всегда жена отделялась, забирая из домашнего хозяйства свою часть имущества. Развод со стороны мужа был редок, так как обычно вызывал возмездие со стороны мужской половины родственников покинутой жены. Измена жены была редким явлением для общества майами и каралась отрезанием носа или ушей. Измена мужа оставалась безнаказанной, разве что служила жене основанием для развода.

Хотя женщины майами и управляли домашним хозяйством, отец Пьер Франсуа Ксавье де Шарлевуа считал их хозяйничание весьма сомнительным благом:

«Одно омерзение хижин и зловоние, которое естественно из них проистекает, уже есть сущее наказание для любого, но не для дикаря. Легко можете посудить, как далеко то и другое может зайти среди людей, которые никогда не переменяют своего белья или платья, каковое спадает с них по частям, и которые не заботятся о том, чтобы постирать это. Летом они купаются каждый день, но немедленно натирают себя маслом или жиром сильнейшего запаха. Зимой они проводят в своей грязи и во все времена года никто не может войти в их хижины не будучи при этом почти отравленным.

Все они едят не только без каких-либо приправ и вообще весьма безвкусно, но господствующая в их пище неряшливость превосходит всякое описание. То, что я видел и слышал, напугает вас. Имеется немного животных, питающихся столь же нечисто...

Культура майами лишь некоторыми характеристиками отличалась от культуры родственных племен. Хотя большинство наблюдений Скулкрафта, относящихся к алгонкинскому семейству, применимо к майами, а большая часть труда Киница, относящаяся к племени, основана на исследованиях иллинойсов, отличительные племенные характеристики майами, выделяющие их среди других племен, более важны, чем черты их сходства с ними.

Англичанам майами впервые стали известны, как «татуированные» или «нагие» индейцы. Несомненно, мужчины племени заслуживали подобные эпитеты. Несмотря на суровую погоду района Великих озер, зимой они носили только кожаные рубахи, ноговицы и мокасины. Летом они носили только набедренную повязку и мокасины, что давало им возможность выставить напоказ затейливую татуировку, которой с возрастом покрывалась вся их кожа. В описаниях постоянно варьируется слово *Твайтви*, которое может быть английской интерпретацией выражения майами, означающего «крик журавля», но, что вероятнее, происходит от алгонкинского слова «тава» или «нагой». Мартин Шартье, спутник Ла Саля и Тонти, был вместе с группой шауни вытеснен из Иллинойса в 1692 году именно «нагими индейцами» - *виттовви* или *твайтви*. Он нашел себе убежище в английских колониях, одно время проживая со своими индейцами в Мэриленде. Его показания Мэрилендскому колониальному совету предоставили англичанам первую информацию о майами.

Большую часть времени мужчины майами носили грубые шкуры без украшений, одеваясь утилитарно. Шитое бисером и иглами дикобраза платье с бахромой они надевали только по праздникам. Женщины обычно слегка татуировали свои щеки или подбородок. Описываемые, как «полностью одетые» во все времена года, они носили одежду, достигающую колен – в суровую погоду ее дополняли шали, капоры и ноговицы. Кожи были тщательно выделаны, прокопчены, сделаны мягкими и орнаментированы. Белые люди на фронтире никогда не могли воспроизвести индейского мастерства в выделке шкур, но даже лучшие индейские образцы были отброшены майами, когда они смогли обеспечить себя европейскими тканями.

Другой замечательной характеристикой майами было их обладание мягкой белой кукурузой, которая совершенно отличалась от жесткой кукурузы их соседей. Тот факт, что она не была найдена у других окрестных племен, поддерживает гипотезу о ранних контактах майами с индейцами Юго-Запада, где совершенствовались различные виды этого злака. Кукуруза была главным блюдом в диете майами и ее сбор отмечалась осенним праздником. Производимая превосходная мягкая мука и ее важность для племени частично объясняют, почему майами в конце концов покинули реку Сент-Джозеф с ее неисчерпаемыми запасами осетров и изобилием бизонов на ее лугах, почему они оставили рыболовные угодья и торговые пути Великих озер и пересекли сотни миль, охотясь и ловя рыбу на сотнях озер и болот, чтобы осесть в плодородных долинах Уобаши и трех рек майами.

В то время, как кукуруза являлась базисом многих сторон их культуры, майами выращивали также дыни, кабачки, тыквы и бобы, использовали лесные плоды и ягоды. Они сушили фрукты и злаки, запасая их у себя дома. Кукурузу на зиму укрывали в подземных хранилищах. Там хранился запас в пять бушелей кукурузы, что, вдобавок к другой пище, обеспечивало нужды семейства на зиму и весну. Перро сообщает, что майами предпочитали мясу растительную пищу.

Лето было временем стабильности, особенно для племен, способных сохранять пищу, чтобы избежать скудных времен ранней весны, когда голод преследовал тех, кто зависел от диких плодов и злаков. Хотя женщины майами обрабатывали огороды и готовили пищу, мужчины расчищали поля и помогали собирать урожай. В течении периода зимней охоты разделение труда основывалось не столько на полах, сколько на умении и физических способностях. Мужчины были способны преследовать и доставлять в лагерь дичь, где женщины и дети разделывали ее, обрабатывали мясо и шкуры. Если в лагере было недостаточно женщин, в этой работе помогали мужчины, что вовсе не считалось зазорным. Подобно всем алгонкинским племенам, майами признавали различные классы людей, основываясь в первую очередь на способностях и происхождении, но они не выработали у себя кастовой системы.

Майами были более светлокжими, чем другие иллинойские племена, но обычно несколько ниже ростом. Мужчины носили короткие волосы, исключая длинные пряди, которые свободно свисали перед и позади ушей. Они были племенем воинов и во время своих переселений имели частые конфликты со своими союзниками. Однако, обычно они решали основные вопросы в ходе

долгих миротворческих советов. Майами представляют собой отличную иллюстрацию утверждению Гарольда Драйвера о том, что антропологи называют «индейскими модальными индивидуальными образцами», что у историков соответствует «характерным национальным составляющим» племени. Их самоуверенность и господствующее положение среди соседей могли быть отчасти и следствием их стабильной и расчетливой оседлой жизни, базирующейся более на земледелии, чем на охоте.

Ежегодный сбор урожая праздновался с песнями, плясками, музыкой барабанов, трещеток, флейт, свистков, зазубренных костей и палок. Имелся и второй праздник, во многих отношениях даже более важный: возвращение майами с зимней охоты с мехами и кленовым сахаром. Этим отмечалось возвращение к нормальной жизни в селениях, которые частично покидались на эти месяцы. Временами мир нарушался внезапными вспышками военных действий. По меньшей мере один европеец, отец Шарлевуа, нашел в 1721 году жизнь майами в их селениях на р.Сент-Джозеф около озера Мичиган далекой от идиллии:

«Дикари в этих краях сущие воры и считают доброй добычей все, что они могут захватить. Действительно, если мы обнаруживали, что потеряли какую-либо вещь, следовало только сообщить об этом вождю и вскоре ее возвращали. При этом мы должны были дать вождю что-либо большей ценности, чем та вещь, далее он требовал какой-либо пустячок для личности, нашедшей ее, то есть для вероятного вора. Со мной произошел такой случай через день после моего прибытия и они показались мне отнюдь не любезными. Эти варвары будут скорее вовлечены в войну, чем сделают хоть малейшую попытку в этом отношении...

Многие дикари двух наций, живущих на этой реке, как раз вернулись из английских колоний, куда они ходили продавать свои меха и откуда принесли с собой огромное количество бренди. Его поделили соответственно обычаю; говорят, что они каждый день раздавали определенному числу людей каждому так много, как тому было потребно, чтобы напиться и пили так восемь дней. Они начинали пить в двух селениях с заходом солнца и каждую ночь окрестности оглашались ужасными криками и воем. Можно было сказать, что это дьяволы вырвались из ада или же, что в обоих селениях режут друг другу глотки. Двое мужчин покалечились. Я встретил одного из них, сломавшего руку при падении, и сказал ему, что несомненно в другой раз он будет благоразумнее. Он ответил, что это несчастье – ничто, что скоро он исцелится и начнет пить вновь, как только добудет себе еще бренди».

Удобства постоянных поселений ускорили возвращение майами из их рассеянных зимних охотничьих стойбищ, что, в свою очередь, уменьшало страх перед нападением враждебных военных отрядов. В течении апреля и мая засеивались поля; в июне юноши планировали набеги, которые должны были повысить статус до положения взрослых воинов. Заключались браки, дети обучались порядкам племенного общества, проводились пляски и соревнования. Лучше же всего была возможность принимать гостей из других племен. Делегации вождей могли требоваться в других селениях для обсуждения важных дел и тогда их сопровождали целые семьи.

Религиозная практика и верования майами были всепроникающими. Когда приближалось время рождения ребенка мать помещалась в отдельной хижине, уединяясь от супруга. Она оставалась здесь под присмотром нескольких женщин еще около 15 дней после рождения ребенка, затем она купалась и возвращалась в хижину мужа, в которой раскладывался новый костер. Запеленутый ребенок помещался в дощатую колыбель, где проводил большую часть времени до возраста 2-3 лет. Затем ему давалось имя. Оба пола укрепляли себя ко времени достижения половой зрелости. Девушки на некоторое время уходили из селения, мальчики искали видений, в которых им мог явиться их дух-покровитель, а также начинали приучать себя к воздержанию и усталости. В это время могло смениться и имя.

Мальчик майами рос в раю вседозволенности. Он учился в соревнованиях и на своих ошибках. Не существовало никаких физических наказаний. Из-за особенностей системы родства майами он редко бывал вне поля зрения любящих взрослых родственников, которые оберегали его, делали замечания и помогали ему. В результате он достигал зрелости хорошо осведомленным о нравах и обычаях племени, полным стремления достичь положения полноправного воина. Его набегам предшествовала тщательно продуманная ритуальная подготовка. После каждого набега неизменно должным образом соблюдались соответствующие церемонии – траур, пытки и сожжение пленников, усыновление или обращение в рабство. Если его поведение в нескольких набегам оказывалось приемлимым, он продвигался к статусу полноправного воина и исполнению своих обязанностей в совете племени, а также начинал готовиться к вступлению в брак. Многие обычаи майами были важны для благоденствия племени, селения и клана, отчего и сопровождалась искупительными ритуалами.

Ранние наблюдатели редко соглашались между собой относительно того, до какой степени простиралась у майами вера в духов. Однако кое-что может дать изучение мужских союзов майами в рамках великого колдовского общества Медавин (или Медевивин). Под разными названиями оно имелось у всех североамериканских племен. Меда или мета – жрец или колдун, практиковавший искусство целительной магии и пророчеств через связь с духами. Сверхъестественной силой для майами было солнце, создатель и хозяин жизни, в то время, когда манито было силой, доброй или злой, находящейся во всех вещах, одушевленных и неодушевленных, включая человека. Меда взывал к манито в неодушевленных объектах, чтобы высвободить их скрытую энергию, которую затем использовал для умиротворения или изгнания зловредных духов, где бы они не находились. Общество, членство в котором было свободным, независимым от происхождения, имело четыре степени членства, predeterminedенные опытностью члена. Хотя церемонии общества были публичными, посвящение в ритуалы было частным. Меда обычно призывался, когда целители или шаманы терпели неудачу в излечении болезни. Поздние, считавшиеся ухудшившимися, меда ограничивались использованием лекарственных растений и терапией менее могущественной, чем дух манито. Майами знали и широко применяли травы. Киниц приводит длинный перечень

коры, ягод и корней, описывая изготовление их для лечения отдельных болезней и ран.

Среди алгонкинов существовал также класс жрецов Джесакивин, не объединенных в особое организованное сообщество. Одиночка-джесакивин жил уединенно, занимаясь пророчествами и предсказаниями. Подобно меда, он взывал за силой к духу манито. Сила эта проявлялась через амулеты и фетиши.

Скулкрафт и губернатор Территории Мичиган Льюис Касс, присутствовавшие при церемонии Медавин среди майами близ форта Уэйн в 1821 году, искали подтверждение слухов о каннибализме, практиковавшемся майами на недавних собраниях Вабено. Не будучи ни в чем уверены, они однако подозревали, что собрание Вабено, извращенные ритуалы Медавин – это полночные оргии, предназначенные для умилостливления одних только злых духов, на самом деле иногда сопровождались человеческими жертвоприношениями.

Художник Джордж Винтер, обобщив наблюдения белых поселенцев за духовной жизнью майами, говорил, что они суеверны, в то время, как потаватоми – религиозны. Однако утверждение Винтера относится ко временам, когда большинство потаватоми обратилось в католичество. Мнение майами, что дух манито находится равно в одушевленных и неодушевленных объектах, не принималось белыми. Майами представляли себе душу плывущим призраком, подобием умершего, который отправляется в мир, более приятный, чем этот. Умершие искренне оплакивались, проводились предписанные траурные и погребальные обряды. Хоронили обычно в могиле, над которой устанавливались шести, но иногда погребали в полом бревне или на настиле-подмостках. Но ко всем местам погребения относились благоговейно. Различия в погребальном обряде не имеют отношения к социальной структуре майами. Они говорят лишь о том, что тип погребения предопределялся географическим расположением или просто его удобством в данных условиях.

В течении хаотического периода перед 1700 годом, племя было затронуто значительными переменами. Ранее оно владело орудиями каменного века и довольно стабильной культурой, основанной на благоприятной экологической адаптации, но когда оно проникло в долину Уобаша и майами у него появилось железное оружие и инструменты. Привнесение всего этого европейцами сильно повлияло на культуру майами. Когда их враги овладели ружьями, ножами, капканами и удобной одеждой, майами, чтобы выжить, также требовалось получить все это. Раз эти экономические связи (главным образом с французами) были установлены, это привело почти к тотальной зависимости индейцев от белого человека из-за товаров, без которых они не могли уже обойтись. С тех пор, как меха лесных животных стали использоваться для получения европейских товаров, ритуальные связи майами с этими животными подверглись жестокому удару. Кроме того, французские торговцы сопровождалась миссионерами, которые постоянно нападали на старые индейские ценности и привносили новую религиозную систему.

Было бы нереалистичным полагать, что изменения в социальных ценностях майами стали встречаться только после контакта с белыми или что майами

переживали периоды, в которых не имелось сил, работающих для изменения общества. Однако мы можем сказать с некоторой уверенностью, что ко времени их первой встречи с французами майами обладали определенной культурной моделью. Социальные и политические изменения встречаются и много раньше – когда майами получили свою мягкую белую кукурузу, когда они более тесно связались с другими алгонкинскими группами, когда они мигрировали в новые условия окружающей среды, но наша оценка этого может быть лишь предположением. Эти моменты могут быть названы не более чем медленной адаптацией, контакт же с белыми, особенно после 1700 года, требовал адаптации быстрой.

В 1700 году французы были уже во всех селениях майами. Миссионеры, торговцы или солдаты, они были смелыми и дерзкими молодыми людьми из Канады, владевшими познаниями белого человека, которых будоражила свобода пограничной жизни и ее опасности. Эти люди и их потомки были хорошо подготовлены к лидерству среди индейцев и к проведению изменений в их племенной жизни.

2. ФРАНЦУЗСКИЙ ПЕРИОД В ИНДИАНЕ, 1700-1763

В начале XVIII века майами двинулись в район, ограниченный реками Огайо, Уобаш, Моуми, Грейт-майами и Литтл-майами. Первое столетие, проведенное ими в этом месте, было для них Золотым Веком, а затем последовало полвека упадка и разложения.

XVIII век отмечен значительной переменой в политических отношениях майами. Они развивали полугосподарскую культуру, сохраняя непоколебимый союз со своими соседями и поддерживали прочную связь между своими племенными группами. Новые отношения возникали из эволюции концепции майами о себе, как о бесспорных хозяевах долины Уобаша и Моуми, что поддерживалось их удачными действиями по сохранению этих земель.

Плодородная долина обеспечивала идеальные природные условия, в которых они могли развивать земледельческие стороны своей общественной жизни. Леса были полны дичи, а реки рыбы, но охота и рыболовство были лишь приятными развлечениями, а не трудным способом существования. Леса давали кленовый сахар, различные плоды, ягоды и орехи. Это была более гостеприимная среда обитания, более подходящая для образа жизни майами, чем прерии Иллинойса или сосновые леса близ озера Мичиган. Когда майами достигли долины Уобаша-Моуми, они стали упорно противиться попыткам французов убедить их вернуться на север и запад. Привлекательность английских товаров тянула их на восток вплоть до рек Грейт-майами и Литтл-майами. Этот регион становился (вероятно, во второй раз) их «домом с незапамятных времен».

Так как география имела решающее влияние на культуру и политику майами, то следует вкратце, но последовательно, рассмотреть все выгоды и невыгоды расположения их нового дома. Хотя французский форт в Детройте был не более

чем в ста милях, сухопутные дороги были практически непроходимы из-за болот, так что майами недолго находились у порога французской власти. Подобные болота путешественник встречал и поднимаясь по р. Литтл-Сент-Джозеф со стороны Моуми. Долгий водный путь начинался как приятное путешествие на каноэ вниз по Моуми, но непредсказуемые и рискованные столкновения ожидали путника прежде, чем он выходил в озеро Эри. Путешествия из Кекионги в Детройт не предпринимались в течение периода сильных бурь.

Южнее Моуми лежало Черное Болото. Его можно было пересечь только на каноэ по реке Оглейз, впадающей в Моуми с юга, или же пешком во время необычайной засухи или сильных морозов. Из-за этих преград Кекионги можно было достичь единственным путем с востока – по Моуми.

Более доступной была Кекионга с юго-востока. Река Сент-Мари была основным путем от ее волоков к реке Оглейз или к притокам Грейт-майами. Две реки майами текли параллельно до самого впадения их обеих в Огайо, а притоки их легко преодолевались волоком. Ранние французские карты отмечают их, как Ривьер де ла Рош и Ривьер Бланш, чтобы избежать смешения их с Уми – Моуми, Рекой озера Эри.

Сэламони, Миссистнева и оба развилка Уайт-Ривер в Индиане были коротки. Это были пути для каноэ через болотистые земли, являвшиеся прекрасными охотничьими угодьями. Поэтому местопребывания майами сделало их в равной степени торговцами и опытными, хотя и не истыми, гребцами на каноэ.

Восточнее долины Литтл-Миссури тропы вели через холмы к рекам Сандаски и Сайто, окрестности которых стали новой родиной для делаваров и шауни. Болота и холмы восточнее р. Оглейз и Литтл-майами были естественным барьером, разделяющим эти охотничьи угодья и, как показывает карта Томаса Хатчинса, в 1764 году у майами не было селений за Литтл-майами.

В первой половине XVIII века между Огайо и истоками Уайт-Ривер Индианы не имелось индейских селений. Племя майами было слишком невелико, чтобы заселить этот, испытавший ледник, регион. Древние земляные укрепления прошлых американских культур были давно покинуты, а мосопелеа, осейджи и другие сиуязычные группы ушли из долины Огайо. Позднейшая миграция шауни протекала восточнее р. Сайото. В равной степени важные, эти сотни миль ледникового кряжа и ширь Огайо предоставили майами некоторую защиту от набегов с юга военных отрядов маскоги.

Наиболее населенные, но уязвимые селения майами находились на нижнем и среднем течении Уобаша. Группа пианкишо, хотя и смешалась со своими родичами пеория и каскаскиа, обитала на краю иллинойских прерий менее чем в ста милях от Миссисипи. Поэтому они были наиболее уязвимы для нападений военных отрядов чикасо, а также для льстивых испанских торговцев с запада и английских купцов из долины Камберленда.

веа, которые занимали середину долины Уобаша от р.Ил к устью р.Вермилион, переселились сюда из своего селения у форта Чикаго и с западного побережья Мичигана в первой четверти XVIII века. Около тысячи воинов жило в пяти селениях на «Убаше»: четыре из них французы называли Уиатанон, Петитскотиа, Ле Гро и Пианкишиа. Последнее из них было, вероятно, селением пианкишо, смешавшихся с веа, так как обычно это название использовалось французами именно для обозначения пианкишо. Веа концентрировались ниже устья Типпекану у точки, наиболее доступной путешественникам с востока, запада или севера. Это были ворота в западные прерии, земли кикапу, маскутинов, сауков и фоксов. Типпекану была обычным путем к озерным охотничьим угодьям потаватоми, которые перевозили свою пушнину вниз по реке или вниз по р. Ил к Уобашу.

Соседним племенам было суждено оказаться под политическим влиянием веа и пианкишо. Сауки и фоксы жили на р. Иллинойс примерно в 125 милях западнее веа в то время, когда кикапу и прерийные потаватоми или маскутины располагались несколькими милями выше Вермилиона. Охотничьи племена сохраняли обычаи, оставленные к тому времени майами, включая сварливость, из-за которой они пользовались любым предлогом для организации военного похода. Следовательно, французы быстро научили майами низовой Уобаша быть более склонными к ссорам, чем их родственники у Кекионги.

Одежда и обычаи веа, по описанию французов, говорят о небольших изменениях в их племенной жизни. Мужчины еще предпочитали скудную одежду, а веа оставались единственной группой иллинойсов, которые еще отрезали носы своим неверным женам. Еще более неожиданным было то, что селения веа оказались «необычайно чистыми».

Главные общины, «недавно» двинувшиеся от р.Сент-Джозеф и озера Мичиган к Кекионге, находились у истоков Моуми. Поэтому новый центр племенного совета был защищен, но не изолирован. Он находился на достаточном расстоянии равно и от французов и от англичан, на границе между племенами, союзными этим европейским нациям.

Верхний Уобаш и р. Ил примерно 15 миль текли порознь, но параллельно, пока не сливались у современного Логанспорта, штат Индиана. Селения потаватоми усеивали область озер севернее реки Ил, в то время, как майами населяли долину двух рек и берега восточных притоков Уобаша – наиболее укромную часть страны майами. Восьмимильный волок отделял Малый Уобаш от истоков Моуми, где Сент-Мари почти сливается с р. Сент-Джозеф (Индиана).

Так как майами заняли лучший путь между Канадой и Луизианой, французы боялись вовлечения их в войны или союзы, которые подвергли бы опасности этот путь и угрожали бы самим французским поселениям. Но майами были истощены своими войнами XVII столетия и племенной престиж – даже само его наличие – зависел от способности приспосабливаться к малоконтролируемым событиям. Из них наиболее важными были изменения экономических и политических обстоятельств в результате имперских стремлений Англии и Франции.

Кадильяк описывает политическую тактику майами, находившихся на пути к полному вымиранию. Первый подсчет их численности Дрейетом – 24,000 – основывается на фрагментарной информации из-за его трудностей в различении языковых вариаций среди иллинойсов. Подсчет в 4,500 человек для майами на 1695 год более реалистичен, но это число может включать в себя и пеория. Европейские болезни и военные отряды ирокезов нанесли им тяжелые потери во второй половине XVII века, хотя некоторые и бежали от ирокезской резни, укрывшись у своих союзников. Капитан Томас Хатчинс, участник экспедиции полковника Анри Буке в 1764 году к реке Маскингам, насчитал в силах воинов майами 250 пианкишо, 400 веа и 350 собственно майами, так что численность майами к исходу французского периода примерно в 2,000 человек кажется наиболее точной. Последние 50 лет они были народом рассеянным и переселенческим. Они постоянно пребывали в состоянии войны – с врагами, друзьями, родичами – и противодействовали французам. В XVIII веке майами изменили свои драчливые привычки. Вместо внутреплеменных склок и безответственных войн с соседями они теперь развили сильные союзы и дипломатические тонкости, сослужившие им хорошую службу.

В 1696 году французы усвоили новую индейскую политику, из которой майами извлекли политические выгоды. Так называемая «политика сосредоточения» была направлена на ограничение активности *coureurs de bois*, торговцев без лицензий, которые доставляли меха английским и испанским купцам - чтобы получить пушнину, они усиленно потчевали индейцев виски. Отец Шарлевуа утверждал, что майами у миссии Сен-Жозеф уже в 1721 году были развращены. Однако «политика сосредоточения» неизбежно повлекла за собой долгие, а потому редкие путешествия майами к Детройту, что лишило их удобного доступа к необходимым товарам. Священники недолго проживали в селениях майами, а посещения миссионеров были редки. Хотя майами теряли французские товары, они избежали французского политического и религиозного контроля.

Было бы ошибкой использовать понятия «французские» и «английские» племена применительно к событиям этого периода. Хотя белые люди и были способны предоставить индейцам приманки торговли, они не могли укрепить их лояльность, так как индейцы в первую очередь преследовали свои собственные интересы. Поэтому регион Великих озер оставался во всех отношениях индейской страной.

Племена, не находившиеся под присмотром французов, были весьма восприимчивы к английским торговцам или их эмиссарам из числа шауни, делаваров и ирокезов. Французы вскоре начали осознавать слабость своей торговой системы и в 1714 году исправили прежнюю политику строительством новых постов и возобновлением работы старых. Это было важно, поскольку вело к более тесному сближению с майами. Три из наиболее важных постов – форт майамис, Винсенс и Уятанон – располагались на территории майами на тщательно оберегаемом торговом пути в Луизиану. Различные рапорты торговцев и комендантов постов после 1714 года полны полезной информации о

майами. Большинство этих людей были способными личностями, делавшими многое, чтобы повлиять на ход истории майами.

Человеком, который начал пробуждать в майами осознание индейской политики французов и их собственной в ней роли, был Жан Батист Биссо, сьер де Винсенс. В 1699 году он сопровождал Анри де Тонти к Миссисипи, в 1696 году был послан к майами на р. Сен-Джозеф губернатором Фронтераком. В 1712 году он возглавил военный отряд майами для освобождения Детройта, осажденного фоксами во время Первой Войны Фоксов, а около 1715 года он сопутствует майами в их миграции к истокам Моуми. В его обязанности входило снабжать племя французскими товарами, удерживать совет и воинов от стычек с оттава, которые служили посредниками в пушной торговле, а также упрочать мир, заключенный Кадильяком между этим племенем и майами. Ему также было приказано установить, желают ли охотники потаватоми к северу от Уобаши иметь дело с английскими торговцами и использовать воинов майами против них, если они такую попытку предпримут. В 1722 году у Кекионги был выстроен форт Сен-Филип (позднее форт майамис). Возможно, что это сделал Винсенс перед своей смертью в 1718 или 1719 году, так как все еще не известно ничего определенного ни о том, кто выстроил его, ни о том, кто приказал его основать.

Селения веа были более важны, чем деревни на Моуми. Франсуа Пикот де Белестр, посланный, чтобы основать форт Уитанон, рассчитывал, что это будет временный пост, так как французы все еще надеялись убедить майами вернуться к форту Чикаго и в район реки Сент-Джозеф. Они также надеялись уговорить шауни поселиться на Моуми и Уобаши, чтобы оторвать это племя от союза с ирокезами. Это был практичный план для торговых путей на Великих озерах и растущего склада пушнины в Маккинаке, где майами оказались бы в подчинении у могущественного союза «Трех Огней» - оттава, чиппева и потаватоми. Лучше всего, однако, было бы переместить майами от ориентированных на англичан племен, обитающих к западу от Аппалачей. В 1718 году Белестер был заменен младшим Винсенсом, Франсуа Мари Биссо, который родился около 1700 года и присоединился к своему отцу в Кекионге, когда ему не исполнилось и года. Ему было суждено стать наиболее влиятельным французом среди майами. Некоторые исследователи, правда, идентифицируют Винсенса-младшего с Франсуа Марганом, племянником Жана Батиста Биссо. Затем к майами отправился Рено Дюбюиссон, принявший на себя общее командование над двумя небольшими гарнизонами торговых постов на Уобаши.

Майами отвергли все побуждения французов переселиться на север и запад. Они несомненно понимали, что периодические войны станут неизбежны, если они смешаются с северными племенами. Французские коменданты следовали инструкциям начальства в продвижении этого проекта, но сомнительно, были ли их аргументы действительно столь весомы, как они о том думали. Майами всегда имели тенденцию к раздорам при встречах с северными племенами, с чем французские власти ничего не могли поделать. При этом позиция французов походила на позицию индейских гражданских вождей – они пытались убеждать, но были слишком мудры, чтобы командовать.

В 1727-1742 годах Вторая Война Фоксов изменила многие французские планы: пути в Луизиану через Грин-Бэй и Иллинойс были перекрыты и единственно безопасным оставался Уобаш. Война не только привела к отчуждению западных племен, но и сделал неизбежной лояльность майами, как раз в то время, когда французы менее всего могли надеяться на дружбу со стороны этого племени. На совещании западных вождей в Монреале в 1731 году губернатор Шарль де Ла Буш, маркиз де Боарнуа, пытался убедить майами удалиться в окрестности озера Мичиган. Он также добивался от племени, особенно от группы веа и вайандотов, выгодного позволения допустить рассеянные группы шауни в долину Уобаша. Винсенс пригласил на совещание главного вождя майами из Кекионги и трех вождей веа, но губернатор не добился серьезной поддержки своему плану.

После отказа племени уйти на север, оставив свои группы на нижнем Уобаше открытыми для нападений с юга, Винсенс был передан под юрисдикцию колониальных властей Луизианы. От них ему поступил приказ выстроить форты на нижнем Уобаше, чтобы защитить пианкишо и закрыть доступ чикасо в низовья Огайо. Он заложил этот форт зимой 1731-1732 годов. На следующий год он заявил, что нуждается по меньшей мере в 30 солдатах для обороны этого поста и для того, чтобы держать в благоговейном страхе майами и соседствующих с ними иллинойсов. Действия французов выглядели маловпечатляющими, поскольку чикасо захватили в набеге шестерых французских солдат, а французские флотилии на Миссисипи продолжали подвергаться опасности.

В 1736 году Винсенс и иллинойский комендант Пьер д'Артакиет возглавили небольшие силы французских солдат и союзных индейцев, включая сильную группу пианкишо, в походе вниз по Миссисипи. Они надеялись оттеснить чикасо под удар французских сил, наступающих из Луизианы. Южный отряд задержался, но северное подразделение отказалось дожидаться его, атаковало неприятеля и было разгромлено. Винсенс был захвачен в плен и сожжен у столба – так французы потеряли своего наиболее способного эмиссара среди майами. Его преемники никогда не были в состоянии оказывать такое же влияние на племенных советах или среди вождей майами.

Французская политика в тот момент может быть определена, как политика убеждений, равноправия и братства с индейцами. Хотя она и может считаться наиболее близкой по духу французскому темпераменту и наиболее продуктивной для их колониальных планов, она была также политикой вынужденной из-за их ограниченных ресурсов и нехватки людей в их обширных колониальных владениях. Когда было необходимо, они вели безжалостные военные действия, как, например, против фоксов. Тем не менее, Винсенс или Алоиз служили их основным целям более успешно, чем то могли бы сделать более многочисленные силы.

Однако в этот период пришлось столкнуться с новым проникновением в район верхнего Огайо британских торговцев. Предводители майами, сознающие, что их экономические интересы только выиграют от усиления франко-английского

торгового соперничества за индейскую пушнину, породили для французов политический кризис – французы в этом соревновании оказались в невыгодном положении. Кэдуладер Колден отмечал в 1724 году, что дешевый муслин и основная ткань, покупаемая индейцами, стоит британскому торговцу в Олбани 10 ф.ст., а французский купец платит за них в Монреале 25 ф.ст.. Указанные данные показывают, что индейцы могли получать некоторое количество товаров от английских торговцев за меньшее количество мехов, чем от французов. Кроме того, ирокезы и их племена-сателиты были неизменно победоносны в войне и потенциальный союз майами с ними был привлекателен потому, что они служили посредниками в получении британских товаров. Майами недолго полагали, что европейская торговля неизбежно влечет за собой войну или, что они могут усилиться в торговых союзах. Их частичное усвоение французской культуры отнюдь не подразумевало лояльности к французской власти, если она вредила какой-либо стороне их собственного суверенитета.

Майами наконец убедились, что их ранние войны против шауни, оттава, других иллинойских племен и между собой, были бесплодны. Отдельные охотничьи угодья, племенное единство и мирные союзы приносили большее количество пушнины и более представительные встречи на советах. Совещания, подобные тому, что устроил в 1703 году губернатор Филип де Ригс, маркиз де Водрейль, убедили майами в том, что все индейцы могли извлечь пользу из инспирированных белыми «Бобровых войн», в ходе которых различные племена добивались контроля над богатыми пушниной регионами. Они приготовились развить эту новую точку зрения.

К концу первой четверти XVIII века майами верхнего Уобаши достигают больших успехов в улучшении своих отношений с восточными племенами. В 1727 году они приняли пояс войны против англичан, присланный им восточными группами делаваров и ирокезов. Делавары намеревались отомстить британским поселенцам, так как в колонии Нью-Джерси те повесили одного из их вождей. Однако подобные конфликты были обычным делом на границе и делавары с ирокезами вскоре успокоились. Тем не менее, участие в этом деле майами – знаменательный факт. Было важно, что они находятся в союзе с восточными племенами в то самое время, когда их страны достигло наибольшее число британских торговцев и было положено начало торговли с ними. Поэтому ценность имел любой союз с ирокезами, даже если они противостояли британцам. Кроме того, если такая война терпела неудачу, возмездие должно было в большей мере пасть на восточные племена, а не на отдаленных майами. Между тем их молодые воины могли при этом добыть желаемые опыт и славу, сражаясь вместе с ирокезами, которых после присоединения около 1715 года тускарора, стали называть Шесть Наций.

План нападения на поселенцев был раскрыт, когда пенсильванский торговец Джеймс Ле Торт, планировавший в 1728 году экспедицию к майами, получил от мадам Монтур предупреждение о том, что летом на западной Границе начнется война. Отважная «королева ирокезов» некоторое время жила среди майами, а ее сестра, жена вождя, еще оставалась с племенем. Ле Торт объявил об этом замысле и причастности к нему майами, после чего губернатор Патрик Гордон предупредил о том Пенсильванский Совет.

Губернатор Канады Боарнуа был человеком дальновидным. Он знал, что делавары и ирокезы скоро примирятся с британцами из-за их экономической выгоды, как посредников, требовавшей такого же политического союза. В 1733 году он послал сьера Деснойе собрать майами для совета в Кекионге, чтобы решить вопрос о переселении их к озеру Мичиган и в район Детройта. Деснойе оказался более удачлив, чем предполагалось: на совет отказалось явиться только три общины. Это были: Ле Бариль с устья Литтл-майами – наиболее далекое из поселений, община с Кипигоне или Типпекану, и община из селения близ Индюшиного озера в 20 милях к северу от р. Ил в стране потаватоми. Большинство майами после встречи вернулось к своим селениям, но некоторые остались на Моуми. Все были рады собраться на общеплеменной совет, но предложения Деснойе о французском покровительстве и более удобных торговых постах восприняли, как и обычно, хотя лицензионная система после 1714 года довольно успешно применялась у Кекионги и Уятанона.

По лицензионной системе торговцу позволялось держать на своем посту столько товаров, сколько можно погрузить в 4 каноэ. Он содержал своих собственных лодочников, сам снабжал себя товарами и вел торговлю на своем посту. Для защиты торговца власти строили небольшой форт с гарнизоном. Лицензионный контракт был ограниченным и отчеты торговца тщательно проверялись. Согласно рапортам комендантов, торговцы использовались, в основном, для постоянного наблюдения за индейцами. Майами удовлетворяли цены, качество и количество поставляемых французами товаров, пока они не встретили лучшего предложения.

Группа майами, оставшихся у Кекионги, относительно спокойно жила на протяжении почти целого поколения. Полуизолированные от чрезмерного французского военного и религиозного вмешательства и практически не достигаемые для военных отрядов южных племен, они были в мире со всеми своими соседями. Даже когда возникали разногласия, французы оказывались способны достаточно легко сгладить их. Одной из таких вспышек стала Война веа 1734 года, когда эта группа ограбила собственный торговый пост. Для подавления восстания у Детройта собралось французам, вайандотов и оттава в количестве 324 человека, но когда они достигли Кекионги, чтобы пополнить число воинов, им сказали, что между торговцем и воинами веа уже раскурена трубка мира. В другом случае майами из Кекионги едва не начали войну с веа, когда в 1740 году вождь веа Ле По Бланш (Белая Кожа) убил воина майами. В конце концов майами были умиротворены французским комендантом Уятанона, который дал им подарки, чтобы «покрыть тело».

Одним из результатов таких конфликтов было возобновление попыток французам разместить среди веа селения шауни, чтобы они служили противовесом агрессивным иллинойсам и кикапу на реке Вермилион. Шауни, союзные ирокезам, рассматривались западными племенами почти с тем же почтительным страхом, что и сами Шксть Наций. Попытки отколоть шауни от англичан предпринимались с осознанием того, что британские торговцы могут последовать за ними и к веа. Однако положение было одобрено всеми племенами и шауни охотно приняли возложенную на них роль, расселившись

среди веа в 1741 году. В результате кекионгские общины существовали более стабильно, чем жители низовий Уобаши и были более преданы французам. Всеобщему миру способствовали и два других фактора: племенные советы проходили именно у Кекионги и именно из этих подразделений племени происходили верховные и военные вожди, признанные французами.

Период стабильности длился примерно в течении жизни одного поколения. Даже развивающееся единство майами не могло продлить гармонию среди различных общин. Веа и пианкишо начали беспокоиться из-за неудачных попыток французов эффективно противостоять набегам чикасо. Они имели частые контакты с британскими и испанскими торговцами и были причастны к Войне Фоксов. Они выражали некоторое недовольство кекионгскими советами, еще пользовались прерийными охотничьими угодьями, хранили связи с другими иллинойскими племенами и со своими союзниками кикапу, с которыми были перемешаны где-то до 1734 года. Они были наиболее многочисленным подразделением племени майами, но их возмущало подчиненное положение в советах на Моуми.

Наиболее тяжелый кризис в единстве майами начался в 1747 году, как часть франко-британской империалистической борьбы. Это был спор за господство, в котором майами на первых порах играли значительную роль. Британская морская блокада прервала снабжение товарами, которыми Франция поддерживала своих индейских союзников на западе (Война короля Георга, 1740-1748 годы). Напротив, восточные племена снабжались английскими товарами, более дешевыми и изобильными из-за того, что индустриальная революция позволила увеличить выпуск продукции текстильных и железоотделочных мануфактур. Все большее количество подобных товаров пересекало Аппалачи на вьючных лошадях торговцев Пенсильвании и Вирджинии.

Франция пыталась решить эту проблему сдачей постов в аренду частным торговцам, которые извлекали выгоду из монополии, служа, как агенты по индейским делам. Сьер Шарль Сен-Анже ежегодно платил 3,000 ливров за монополию на всю торговлю у форта майамис и на «Белой Реке» (вероятно, в Индиане) с 1747 по 1750 год. Условия соглашения требовали, чтобы он снабжал коменданта поста жильем, дровами, переводчиком, транспортом и подарками для майами. Майами не имели других источников снабжения необходимыми товарами, не имели других скупщиков своей пушнины и не могли извлечь возможную выгоду из такой системы, так как стоимость товара тут не имела значения. Сен-Анже определенно получал немалую выгоду.

Восстание против этой системы в 1747 году возглавил вождь пианкишо Ла Демуазель («Девушка»). Его селение после 1734 года находилось в районе Кекионги, но теперь, неудовлетворенный французами и под влиянием вождя вайандотов Николаса, он перенес его к месту пониже слияния Лорами-Крик и Грейт-майами, у начала одного из волоков на Сент-Мари. Новое селение, Пиккавиллани, находилось под покровительством делаваров и шауни. Британские торговцы могли легко добраться до него, как с караванами вьючных лошадей, так и по Огайо на каноэ. Оно стало притягивать к себе английских

купцов, которые называли его вождя Старым Британцем, Королем Пианкишо или Великим Королем майами. Хотя он не был верховным вождем майами, но, вероятно, являлся вождем общины пианкишо нижней долины Уобаша. Тот факт, что он был вождем пианкишо, не исключает возможности предводительства им всего племени, но французы, хорошо информированные о внутренних делах майами, называют верховным вождем Ле Пье Фруа («Холодная Нога») из Кекионги, а военным вождем – Ле Гри («Серый») из селения Тепикон.

Действия Ла Демуазеля угрожали нарушить почти столетний союз между майами и французами. Также это создавало вероятность насильственного раскола племени. Сьер Дувиль, комендант форта майамис, в августе 1747 года взял двух кекионгских вождей в Детройт для обсуждения кризиса. Вожди поведали тревожную историю: Ла Демуазель решил вместе с сенекай убить Дувилья и Поля Жозефа Ле Муана, шевалье де Лонгей, - коменданта Детройта. Последний немедленно направил своего наиболее доверенного офицера, прапорщика Жозефа Гюйона Дюбюиссона-младшего, принять командование над фортом майамис и удерживать его любой ценой. Это было своевременное решение, так как майами ограбили этот торговый пост во время отсутствия Дувилья, но Дюбюиссон легко восстановил порядок.

Губернатор Новой Франции Ролан Мишель Баррин, маркиз де Ла Галиссоньер, сообщал в Париж в ноябре 1747 года, что Ла Демуазель является сердцем проанглийских племен в Огайо. Уходу майами предшествовало перемещение виандотского селения у Детройта, когда вождь Николас переселился на новое место у бухты Сандаски. Большая часть поселения на Сандаски скоро переместилась на Моуми, ближе к покровительству Детройта, но к Николасу присоединились некоторые воины майами. Губернатор также сообщал, что майами захватили 8 французских торговцев у их поста – форта майамис.

Такое развитие событий на фронтире побуждало к активности торговцев из Пенсильвании и Виргинии, которые продолжали свои операции даже после того, как завершилась европейская фаза «Войны короля Георга». Во главе их стояли Джордж Кроган из Пенсильвании и Кристофер Джист из Виргинии. Они пересекали Аппалачи с караванами вьючных лошадей, чтобы продолжать свою торговлю с западными ирокезами (минго), делаварами и шауни. Свою базу Кроган заложил у Логстауна – примерно в 14 милях ниже слияния Мононгахелы и Аллегейни, которые вместе и образуют Огайо. Джист был агентом Огайской Компании, основанной в 1748 году (и гарантированной королевской грамотой) для продажи земли, дарованной к западу от Аппалачей.

Ла Демуазель просил ирокезов устроить общий совет с пенсильванскими комиссионерами в 1747 году, но их вожди советовали ему подождать. 20 июля 1748 года комиссионер Ричард Питерс, сопровождаемый Эндрю Монтуром, Конрадом Вайзером и Джорджем Кроганом, заключил договор у Ланкастера, по которому англичане обязывались послать торговцев к западным племенам, если индейцы обеспечат эффективную защиту их вьючным караванам. Хотя Ла Демуазель и не присутствовал, дорогой был заключен с тремя вождями майами из Пиккавиллани, вождем сенека, двумя могауками двумя онейда и тремя шауни. Вождями майами были Акуенакква, Навекква и Ассеспанса (позднее

прозванный Молодым Королем Пианкишо – вероятно, он был сыном Ла Демуазеля). Присутствие здесь Акуенакквы, майами с реки Ил и отца будущего военного вождя Маленькой Черепахи, является доказательством того, что даже в этот ранний период не все майами у Пиккавиллани были пианкишо. Вожди майами пытались поддержать свое влияние в глазах комиссионера заявлением, что 12 других племен Уобаша и Иллинойса заинтересованы в присоединении к союзу. Комиссионеры потом говорили, что майами и их союзники имеют 1,000 воинов в 20 селениях на Уобаше.

Ирокезы дали согласие на союз, а делавары были уверены в присоединении шауни. Английское проникновение на запад совершилось, но оставался вопрос – присоединятся ли к союзу другие группы майами? Если они сделают так, то несомненно, что за ними последуют и другие иллинойские племена, а английское торговое и политическое влияние будет распространяться в Луизиане и Новой Франции.

Смешанная община Ле Конта («Граф») веа и пианкишо из окрестностей Уятанона соединилась со своими родственниками у Пиккавиллани и, несмотря на мольбы Ле Пье Фруа, вожди Ле Пан и Ле Сак а Петэн («Сумка Петэна») также пришли со своими людьми с Моуми. Наконец, в 1750 году, за ними последовала и община Ле Пье Фруа, оставив у Кекионги только самого верховного вождя и его семью. Пиккавиллани присвоило себе господствующее влияние Кекионги, костер совета которой потерял свое объединяющее значение.

Капитан Шарль Д.Раймон, комендант форта майамис в 1749-1750 годах, был заменен Луи Кулон де Вилье, чтобы сдерживать майами. В письме, наглядно рисующем французские действия по контролю над своими индейскими союзниками, Раймон протестует против своего смещения и подробно излагает собственные успехи.

В 1749 году генерал отрядил его (Раймона) из команды гарнизона (Ниагары) и приказал ему отправиться и взять под командование пост майамис, где он задержал Ле Пье Фруа, Великого Вождя нации майами, и всю его общину, которая была готова покинуть тот пост и уйти к англичанам. Продолжением своих действий, бдительностью и заботой он взял на содержание шпионов среди Мятежных майами и их союзников, обнаружил интриги заговора, воспрепятствовал их планам и сорвал их выполнение. Оный заговор замыслился «пиангишиями, уятанонами общины Ле Конта, мятежными майами, шауанонами и некоторым числом ренегатов-ирокезов, которые удалились к Бель-Ривьер и втягивали в свой заговор нации страны иллинойсов. Письмо по этому поводу от Господина Бенуа, коменданта иллинойсов, он направил Господину де Ла Жонкьеру, который установил, что его следует переслать к Вашей Светлости. Копия этого к тому прилагается». Этими переговорами он (Раймон) склонил на свою сторону семьи Ле Пана и Ле Сак а Петэна, предводителей мятежных майами. Их возвращение к посту повлечет за собой назад оставшуюся часть оной нации и восстановит повсюду Гармонию. Он руководил всеми делами в этом случае и имел основания, чтобы надеяться на удачный результат, когда его неожиданно и необоснованно отозвали, что поразило оную нацию, став причиной внезапного изменения их положения, а дела стали от того времени

такими неудовлетворительными, что они были в отчаянном состоянии и без какого-либо шанса на улучшение.. (де Вилье) не достиг ничего, кроме того, что община Пье Фруа оставила пост майамис и ушла к англичанам, а он был не в состоянии остановить их. Здесь со съером де Вилье у поста остались только Ле Пье Фруа и его семья, три или четыре хижины. Семьи Ле Пана и Ле Сак а Петэна, которые как раз пришли к майамису, чтобы соединиться с ним (Раймоном), будут недолго слушать Возвращающих, когда узнают о его отзыве. Если бы он был сохранен у поста, они будут приходить сюда и он будет иметь пользу для себя от их влияния на остальных Мятежных майами, чтобы побудить их к возвращению. А община Ле Пье Фруа, которую он укрепит в их лояльности, по их прибытию не оставит более оный пост.

Но, несмотря на усилия коменданта, никто не мог уже обратить вспять миграцию к новому городу.

Тем временем французы послали Пьера Жозефа Келерона с военной силой вниз по рекам Аллегейни и Огайо, чтобы внушить страх индейцам и вытеснить британских торговцев. Но он практически не имел успеха. Даже селение вождя Ле Бариль («Бочонок») из шести хижин отказалось покинуть свое место в устье Литгл-майами и вернуться к Уобашу. Келерон достиг Пиккавиллани 13 сентября 1749 года, но не сумел убедить Ла Демуазеля и его 50-60 воинов уйти оттуда назад. Келерон собрал совет, на котором только Ла Демуазель и Ле Бариль получили подарки. Видимо именно это побудило одного из младших вождей, Ле Пана, пожаловаться Раймону, что «уятаноны были до сих пор верны, но приведены в уныние скудностью полученного от господина генерала, который едва взглянул на них и позволил им остаться без чего бы то ни было большего, чем просто безделушки». Затем Келерон направился к Кекионге, где оставался Ле Пье Фруа, и далее в Детройт.

В 1750 году французы потерпели новую неудачу в связи с планом размещения фортов на путях через Аппалачи в целях изоляции племен долины верхнего Огайо от британских торговцев. Замысел не удался, так как делавары и ирокезы отказали в позволении укреплять истоки Огайо.

Французская дипломатия терпела неудачи и, по мере того, как Пиккавиллани выросло в торговый центр, где обитало по меньшей мере 400 воинов и не одна дюжина английских торговцев, неизбежной становилась и откровенная враждебность. Вначале по отношению к французам она выражалась в беспокойстве и угрозах. В 1750 году в Огайо французами было захвачено несколько английских торговцев. Среди них был и Джон Паттен из Пенсильвании, плененный близ Кекионги и отправленный вначале в Детройт, а затем в Квебек и Париж. Он был освобожден в Париже, вернулся в Англию, а затем обратно в Париж. Паттен сообщал, что в Пиккавиллани в то время проживало около 200 воинов. Торговец Хью Кроуфорд сообщал губернатору Пенсильвании Джеймсу Гамильтону, что майами сопротивляются всем угрозам и приманкам французов, склоняющих их к тому, чтобы покинуть англичан. Французы у форта де Шартре на Миссисипи распространяли слухи о том, будто шауни и майами планируют нападения на иллинойские племена.

Находясь у Логстауна в ноябре 1750 года, Джордж Кроган рассказывал, что Ла Демуазель оставался непреклонным и желал перейти к Огайо. Он убеждал Пенсильванскую ассамблею укрепить верховья Огайо, но совету не последовали из-за проводимой колонией политики экономии или, точнее, скупости. Затем племена верхнего Огайо просили выстроить среди них британский форт, но годом позже они уже начали осознавать смысл планов Огайской Компании – занять поселениями земли к западу от гор, так как в 1750 году компания выстроила в Мэриленде форт Камберленд.

В феврале 1751 года Кроган вместе с Джистом направился в Пиккавиллани, чтобы заключить новый договор с индейцами. Присутствуя на Пенсильванской Ассамблее, он пытался убедить противящуюся тому группу в том, что западные племена более могущественны, чем ирокезы. Колония отказалась признать договор, но упорный торговец продолжал поддерживать английский престиж, зависящий от деятельности его торгового поста в селении Ла Демуазеля. Несмотря на такие предосторожности, быстрое английское продвижение на запад могло привести к губительным последствиям. Несмотря на бездеятельность Ассамблеи, в мае Кроган держал совет с индейцами у Логстауна. Он говорил им, в том числе и делегатам от майами, что Пенсильвания ратифицировала договор, заключенный тремя месяцами ранее.

Пьер Жак де Таффенель, маркиз де Ла Жонкьер, губернатор Новой Франции, занимал свой пост вплоть до самой своей смерти в начале 1752 года. В рапорте от 25 июня 1751 года на имя французского морского министра Антуана Луи Руйе, графа де Жуи, он описал сложившуюся ситуацию. Он обвинял вождей пианкишо Ля Муш Нуар («Черная Муха») и Ле По Бланш («Белая Кожа») в создании союза с Ла Демуазель и говорит, что они решили объединить свои группы. Веа Уятанона также колебались, а обе группировки низовой Уобаша находились в контакте с ирокезскими агентами британцев. Жонкьер выражал опасения, что любое племя южнее Уобаша есть реальный или потенциальный враг французов – хороший комплимент энергии британских торговцев.

29 октября Жонкьер подвел итог своим усилиям в борьбе с угрозой со стороны майами. Он как раз только что потерпел неудачу в третьей попытке уничтожения Пиккавиллани. В первом случае действовали силы милиции Келерона, но после 20-дневных совещаний со своими индейскими союзниками он оставил планы атаки. Следующими пытались достичь Пиккавиллани небольшие силы индейцев адирондаков, но оттава вынудили их повернуть назад.

В своей последней попытке Жонкьер приказал Франсуа Писот де Белестру разрушить Пиккавиллани, отправив его туда во главе с экспедицией примерно из 50 канадских ниписсингов и нескольких воинов других племен. Выступив из Детройта, большинство индейцев дезертировало у Сандаски после того, как оттава и чиппева пригрозили нападением в случае, если будет причинен вред майами. Несмотря на это Белестр повел оставшихся к Пиккавиллани, но нашел селение практически покинутым – женщина оттава поспешила вперед, чтобы предупредить Ла Демуазеля о приближении врага. Чтобы утешить свою гордость, ниписсинги убили одного мужчину и одну женщину. Кроме того, майами обвинили их в том, что на обратном пути они скальпировали близ

Кекионги дружественного война майами. Томас Кресап слышал практически то же самое сообщение от сына Ла Демуазеля, исключая лишь то, что майами считали воинов Белестра канадскими адирондаками. Майами вскоре оплатили за эту экспедицию скальпированием двух французских торговцев и полномасштабная война казалась неизбежной.

Шарль Ле Муан, барон де Лонгей, исполняющий обязанности губернатора Новой Франции, сообщал в апреле 1752 года о ходе этой необъявленной войны. Пианкишо захватили пять французских скальпов близ р. Вермилион, а воины Ла Демуазеля добыли на два больше у Кекионги, однако французы убили по меньшей мере 30 воинов майами. Его собственные солдаты были слишком малочисленны, чтобы служить в гарнизонах и в то же время восполнять полевые силы. Поэтому он был вынужден обратиться к соседним племенам, чтобы получить разведчиков и вспомогательные войска, но система союзов и родства майами оказалась непреодолимым препятствием для такого плана действий. Лонгей имел все основания сожалеть о переменах, произошедших со времен Николая Перро, когда многие племена приветствовали бы войну против майами. Поэтому теперь надежды губернатора основывались главным образом на текущей эпидемии оспы, даже если бы она унесла двух наиболее лояльных вождей майами – Ле Гри и Ле Пье Фруа. Вспышка болезни лишала индейцев возможности и способности вести войну. Лонгей считал, что это будет эффективнее военных экспедиций.

К 1752 году Пиккавиллани становится важным торговым центром, откуда английские торговцы путешествуют к индейским селениям современного Огайо и даже к берегам Уобаша в Индиане. Индейцы признавали стратегическую ценность этого поста в гораздо большей степени, чем Пенсильвания. Даже ирокезы на совете у Логстауна в июне 1752 года наконец решили позволить Вирджинии основывать поселения западнее гор, но эта уступка ради защиты маленького аванпоста была сделана слишком поздно.

Хотя Ла Демуазель и его последователи вели себя согласно индейским обычаям и нормам поведения, результат этого был предопределен условиями французской и английской политики. Французы наконец обратились к индейским союзникам, стоящим вне влияния системы майами, чтобы положить конец как миграции майами, так и британской торговой экспансии. Полукровка Шарль Ланглад, франко-индейский торговец с западного берега озера Мичиган, который даже не состоял во Французской Индейской Службе, разрушил Пиккавиллани 21 июня 1752 года. С отрядом из двух французов и 250 ниписсингов из района Маккинака он прибыл к Детройту, прошел, избегая селений, вдоль Моуми и без потерь в своем отряде захватил город. Было убито 14 индейцев, включая самого Ла Демуазеля, и два белых человека. Пятеро английских торговцев попали в плен, а их товары были конфискованы. Еще раз выдающийся французский предводитель взял верх над британскими колониями со всеми их величайшими возможностями.

Ла Демуазель был сварен и съеден – либо в знак уважения к его личным качествам, либо в виде угрозы всем прочим майами. Разрушение Пиккавиллани относится к числу наиболее эффективных на фронтире видов практической

дипломатии. Британцы и их союзники были поражены и предпринимали отчаянные усилия, чтобы восстановить свой престиж. Торговец Берни бежал при нападении и принес вести о нем союзникам майами и в Пенсильванию. В июле партнер Крогана Уильям Трент вместе с Берни, 20 шауни и ирокезами добрался до Пиккавиллани. Селение было заброшено. Большинство майами вернулись к Кекионге или на восточные притоки Уобаша, но Молодой Король Пианкишо или Ассеспанса и Черепаха бежали с небольшой группой к селениям шауни. Там был устроен совет и среди ораторов находилась вдова Ла Демуазеля. Делавары, шауни и ирокезы обещали майами отомстить за них.

«Проблема Пиккавиллани» была решена, но Лонгей опасался ответных действий. Когда Мишель Анже, маркиз Дюкесн де Менневиль, стал в августе 1752 года губернатором Новой Франции, он просил пенсию в награду Лангладу, но комендант Детройта в то же время сообщал, что майами стали еще опаснее. Они скальпировали двух французских солдат близ Кекионги, а пианкишо убили на семь больше, не считая одного французского поселенца и трех рабов.

Решительные действия британцев Пенсильвании или Вирджинии, объединенных со своими индейскими союзниками, могли в 1752 году начать пограничную войну, поскольку майами со своими союзниками и родичами уже были готовы к мщению. Но эпидемия оспы, несомненно, вызвала хаос в племени, а надежд на успех в борьбе против французов без значительной поддержки не было.

Поддержка оказывалась, но отнюдь не материальная. Губернатор Вирджинии Роберт Динвидди в ноябре 1752 года послал майами лишь письмо с выражением соболезнования по поводу потери ими своего вождя. 31 мая 1753 года Пенсильванская Ассамблея проголосовала за выделение 200 фунтов стерлингов для подарков майами и 600 фунтов на «предметы первой необходимости» для других племен Огайо. Совет, устроенный в Карлайле 23 октября пенсильванскими комиссионерами Ричардом Питерсом, Айзеком Норрисом и Бенджамином Франклином для ирокезов и западных племен, показал, что майами все еще надеются на британскую помощь против французов.

В Карлайле индейцы показали свое понимание стратегической ситуации и своих собственных нужд. Они теперь требовали основания трех сильных английских торговых центров западнее Аппалачей и прекращения торговли виски. Но так как еще не существовало британской имперской политики относительно индейцев, а Пенсильвания была несклонна или же неспособна на такой шаг, совет оказался бесплодным. Хотя Огайская Компания и основала в 1750 году на верхнем Потомаке форт Камберленд, даже эта группа дельцов уклонялась теперь от прямой конфронтации с французами.

Французы же были более предприимчивы. Они выстроили форты у Песк-Иль на озере Эри и форт Ле Беф на Французском Ручье – в 1753 году, а затем достигли р.Аллегейни, основав форт Машо близ устья Французского Ручья. Когда британцы начали строить форт у Огайо-Форкс, французы немедленно блокировали округу и основали форт Дюкесн.

Непокорные майами и пробританские племена начали тревожиться и требовать военной помощи. Когда же ее не последовало, то возмущенные ирокезы двинулись обратно в район Нью-Йорка, таким образом оставив свою поддержку британцев и влияние среди западных племен. Майами, которые вернулись в регион Уобаша-Моуми, не имели теперь иного выбора, кроме как принять французские товары и торговцев со всей возможной по обстоятельствам любезностью. Французское господство над западными племенами казалось полным, а те группы майами, которые верно поддерживали этот союз, усиливались воинами, покинувшими Пиккавиллани. В первое время селение майами у Кекионги насчитывало больше воинов, чем деревни нижнего Уобаша.

Попыток покарать мятежников не было. Те майами, которые были вынуждены мигрировать или создать конфедерацию иллинойских племен, оставались определенной угрозой для французов. Если враждебность Фоксов стоила французам людей, торговли и союзов, то враждебность майами могла оказаться для них губительной. Майами могли создать действительно грозную индейскую конфедерацию, которая могла включать в себя, вероятно, шауни и делаваров вместе с иллинойскими племенами. В то же время майами были достаточно предприимчивы, чтобы обеспечить многообещающие торговые преимущества, однако терпели неудачи из-за нерешительности британских колоний. Теперь они вернулись в долину Моуми-Уобаша, чтобы возобновить сношения с французами. Они гордились своим влиянием. Они определенно являлись силой, которую нельзя было игнорировать.

Французы извлекли хороший урок из своих попыток подчинить или поставить под контроль индейские племена, потворствуя межплеменным войнам. В 1755 году они перешли к новой политике мира и умиротворения своих союзников. Отход ирокезов к Нью-Йорку и робость британских колоний в 1752 году расчистили дорогу для позднейших французских связей с шауни, делаварами, оттава и вайандотами. Восстановление дружеских связей с майами также помогло в отношениях с этими племенами и сохранило французское верховенство над иллинойской конфедерацией.

Последние битвы Франко-индейской войны 1754-1763 годов происходили далеко на востоке, но расстояние не помешало западным племенам присоединиться к французам. Хотя их ближайшие соседи, потаватоми, были активны в этой войне, майами принимали в ней, вероятно, небольшое участие, исключая кампанию 1755 года, когда 250 воинов майами сопровождали Белестра в походе из форта Дюкесн против генерала Эдварда Брэдока. Майами, вероятно, не стремились сражаться против ирокезов – союзников британцев, как и против союзных французам алгонкинов Великих озер. Они не были уверены ни в том, что смогут избежать французского контроля над собственной торговлей, ни в том, что британцы смогут надежно контролировать торговлю в долине Огайо. Их действия соответствовали французским нуждам. Французам на востоке не были нужны воины майами, они нуждались в сильном и лояльном племени на Уобашском пути в Луизиану.

События 1752 года оставили на майами свой отпечаток и в других отношениях. Влияние кекионгской группы усилилось. Веа и пианкишо все больше

совещались с ней и следовали ее советам, исключая времена вторжения Джорджа Роджерса Кларка поколением позже. Нижние общины понесли тяжелые потери престижа и лидеров у Пиккавиллани и теперь они вернулись к Кекионге или же ушли к потаватоми, кикапу и иллинойсам, ища там поддержки. Некоторое ухудшение нравов и обычаев веа, отмеченное в 1779 году губернатором Генри Гамильтоном, было результатом именно этих моральных потерь группы. Недолго она была крупнейшей и наиболее воинственной группой майами, а тем более беспорочной!

С 1700 года до времени завершения французского господства южнее Великих озер в 1763 году с племенем майами произошли отчетливые перемены. С 4,500 человек в начале его движения на восток, к 1764 году племя сократилось приблизительно до 1,750. И дело было не столько в войнах, сколько в болезнях – племя перенесло по меньшей мере три эпидемии оспы – в 1715, 1733 и 1752 годах. В последнем случае болезнь приняла характер эпидемии.

Возросло смешение культуры майами с французской. До 1700 года контакты между ними были ограничены. Во-первых, лишь небольшой контингент французских солдат и торговцев вместе с их служащими допускался в селения майами – такова была особенность французской политики. Эти резиденты находились в слабых, неопределенных отношениях с индейцами. Власти надзирали за ними с бесчисленными инструкциями и предписаниями, в селениях не было действующих церквей, а война, фактически, тянулась годами. В течении первых тридцати лет в Индиане имелось немного смешанных браков между французами и майами. Церковные записи Винсенса, начинающиеся с 21 апреля 1749 года, отмечают мало браков и крещений индейцев, а мы можем не сомневаться, что римско-католические миссионеры всегда фиксировали такие события.

Французские имена, упоминающиеся до 1750 года, показывают мало лиц, пользующихся влиянием среди майами, за важным исключением Годфруа и Ришарвиля. Жак Годфруа командовал постом веа в 1735 году, а Жозеф Ришарвиль – в 1748. Они также служили и на других постах вдоль Уобаша. На посту Уятанон с 1746 по 1754 год проживало около 20 французских торговцев со служащими и солдатами. Этот пост был наиболее доходным на Уобаше, но также и наиболее чувствительным к индейским интригам. Он не стал притягательным для возвращающихся путешественников и солдат, каким стал Винсенс.

Отец Жозеф де Боннекампе, сопровождавший Келерона в экспедиции 1749 года, писал, что в это время у форта майамис имелось восемь «жалких хижин» и 22 больных лихорадкой французов. Когда в следующем году Джон Паттен был здесь в плену, французские силы состояли из капитана, прапорщика и примерно 50 рядовых. У Кекионги постоянно жило всего девять или десять поселенцев.

Прибежищем французской общины в глубине дебрей стал расположенный среди пианкишо пост Винсенс. В 1758 году здесь постоянно проживало около 75 мужчин и женщин, среди которых было «18 или 20 добрых жителей, растивших

пшеницу, табак и кукурузу». Это был аванпост французов среди остатков пианкишо.

К 1760 году семьи удачливых охотников майами одевались в платье из европейской ткани – по крайней мере, временами. Женский домашний инвентарь «модернизировался» за счет железных котлов, иголок, ниток, стальных ножей. Мужчины отказались от традиционных боевых дубинок в пользу низкокачественных ружей, стальных ножей и железных топориков. Чтобы сберечь боеприпасы, на охоте использовали лук, стрелы и силки. Значимость охоты и заготовки шкур возросла, так как запасы мехов являлись денежной единицей в торговле. Однако майами имели также источник дохода и в кукурузе, запасаемой ими для торговцев, солдат и других племен. Они оказались в состоянии оценить важность своего контроля над волоками и один из них, между реками Литтл-Уобаш и Сент-Мари, стал их наиболее ценным владением.

Овладев топорами, мотыгами и ножами, майами стали тратить меньше времени на расчистку земли для новых полей, на строительство хижин и лодок, приготовление мяса. Увеличение досуга использовалось для игр, плясок, встреч на советах, которых они так жаждали. Традиционные торжества обществ Медевивин и Джисукевин занимали теперь больше времени, чем то бывало ранее.

Однако наиболее важным изменением стал рост политического опыта майами, большая их искушенность в политике. Майами узнали, что земля, которую они занимают, более ценна своим местоположением, чем плодородием. Они больше узнали о ценности своих мехов, торговых путей и соперничества между французами и британцами. Более же всего они узнали о ценности союзов, мудрого руководства, единства и, особенно, осторожной предусмотрительности.

Новая серия потерь для французов последовала в 1759 году, когда был захвачен форт Ниагара и они утратили контроль над Западом. Представитель суперинтенданта по индейским делам Джордж Кроган держал совет с западными племенами, включая майами, в 1758, 1759 и 1760 годах. В 1760 году майор Роберт Роджерс занял Детройт, а в декабре следующего года был послан первый отряд с целью занять форт майамис. Так было возведено о наступлении нового периода в историческом развитии майами.

3. БРИТАНСКИЙ ПЕРИОД, 1760-1783

Эра британского суверенитета познакомила майами с новой стороной европейской цивилизации – с частной наследственной собственностью на землю. Британские имперские власти взяли на себя «бремя белого человека» по опеке индейцев, объявив, что право собственности на индейские племенные земли принадлежит Британской Короне. Французы не осмелились сделать такое

объявление пред передачей земли британцам. Парижский договор 1763 года дал индейцам понять, что европейская торговля была всего лишь способом, с помощью которого французы и британцы проникали в их страну, чтобы затем потребовать себе их земли, уплатив племенам товарами, которые становились столь необходимы для их нужд, а также для самого выживания аборигенов. Индейские союзники обеих наций были не более чем орудиями их политики, когда они сражались между собой в ранних Бобровых Войнах. По условиям прокламации 1763 года британцы попытались умиротворить равно и своих жаждущих земли колонистов, и своих новых индейских подопечных путем создания индейских резерваций.

Хотя и не сразу, индейцы все таки поняли, что последняя война была завоевательной, где призом победителю служила их собственная земля. Они безуспешно пытались усвоить европейскую концепцию собственности на землю и суверенитета. Вскоре оказалось, что члены индейского племени совместно «владеют и пользуются» более-менее четко ограниченным районом. Они предоставляли французам права аренды определенных участков, но не более того. Теперь они настаивали на том, что британцы своей победой над французами приобрели себе только эти арендные права. Любые добавочные требования Договора 1763 года по индейским стандартам не имели силы. С британской точки зрения французы были подлинными хозяевами всей территории, уступленной им по договору. Французы приобрели власть по праву открытия и исследования, но потеряли ее из-за британского завоевания. Договор 1763 года внезапно раскрыл индейцам также и существование хорошо замаскированных французских претензий.

Британская концепция земельной собственности, из которой развилась и американская политика, была хаотичной. Доктрина *res nullis*, по которой абсолютное право собственности на имперские земли принадлежало Короне, подвергалось нападкам, особенно со стороны земельных спекулянтов. *Res nullis* отрицала право собственности индейцев на их земли, но признавала право их на содержание, владение и использование этих земель. Постоянным проводником такой политики становится сэр Уильям Джонсон. Генерал Эдвард Брэддок, главнокомандующий военными силами в Северной Америке, в 1755 году назначил Джонсона «суперинтендантом по индейским делам севернее реки Огайо» с целью добиться координации действий своих индейских союзников. В следующем году британская Палата общин назначила Эдмонда Аткина на ту же должность, но для южных племен. Оба они действовали под общим военным руководством. Та же самая личность запрашивалась пенсильванским губернатором Томасом Паунеллом относительно «правильного отношения, которого следует придерживаться касательно индейцев». Паунелл объяснял, что губернаторы колоний всегда сами руководили индейскими делами, но предлагал передать их всех в ведение Джонсона.

В течение войны Джонсон продолжал действовать по полномочиям Брэддока. Свое управление и использование индейцев в 1759 году он увенчал захватом форта Ниагара силами своего личного отряда. Эта битва была последним сражением на западе. Вскоре после этого, 7 августа, делавары, оттава и шауни послали делегацию вождей на встречу с Джорджем Кроганом, представителем

Джонсона. В сентябре майами и некоторые вожди оттава добрались до Питтсбурга, где заключили мир с британцами (3 сентября 1759 года; при этом присутствовали: вождь Машеконагта, военный вождь Мисчгха и 17 воинов «нагих индейцев» - твайтви). Долгая война показала неспособность французов обеспечить товарами западные племена. Индейцы, всегда чуткие к реальному превосходству сил и дешевизне товаров, готовы были забыть слабость и нерешительность британцев в 1752 году. Изоляция Детройта после захвата форта Ниагара доказала им, что война между Францией и Британией на западе заканчивается.

Вожди майами находились среди тысячи индейцев, собравшихся на «совещание доброй воли» Крогана и полковника Анри Буке. Оно состоялось у Питтсбурга в августе 1760 года и ознаменовало собой начало британского контроля над территорией западнее Аппалачей. Майор Роберт Роджерс был послан, чтобы овладеть Детройтом и разместить гарнизоны в небольших фортах и постах вдоль Огайо и около Великих озер. Роджерс и Кроган достигли Детройта 29 ноября 1760 года, а в декабре Роджерс выслал силы под командованием прапорщика Роберта Холмса, чтобы занять форты майамис и Уятанон. Однако лейтенант Эдуард Дженкинс занял последний из них лишь в ноябре 1761 года, после того, как была обеспечена безопасность гарнизона форта майамис.

На своих индейских советах Кроган всегда сопровождался ирокезами. Они были его наиболее могущественными агентами по обеспечению верности со стороны западных племен. Он наращивал свои усилия по их умиротворению и достижению взаимодействия с ними, что отчетливо проявилось на великом совете у Детройта 9 сентября 1761 года. Сэр Уильям Джонсон уделил внимание этому совету, чтобы произвести на индейцев впечатление великодушными намерениями Британии. Встреча прошла в согласии и казалось, что нет серьезных препятствий переносу племенной лояльности от Франции к Британии.

Тем временем окончательный мирный договор между европейскими державами ожидал своего подписания и Палата общин столкнулась с проблемой управления населением новых британских территорий. Британское правительство и власти колоний изначально игнорировали права индейцев на владение их землей. 23 ноября 1761 года Палата общин в присутствии короля Георга III объявила:

«Чтобы вникнуть в детали всех причин недовольства, которые наши индейские союзники имеют против нас... достаточно будет имеющихся результатов, чтобы увидеть, что первостепенными причинами недовольства, повлекшими за собой эти роковые результаты, были жестокость и то беззаконие, что было проявлено в отношении их охотничьих угодий, в открытом нарушении тех торжественных соглашений, согласно которым они отдали под наше господство себя, но не собственность на эти земли».

Месяцем позже Палата общин послала губернаторам колоний инструкции, приказывая наблюдать за соблюдением прав индейцев и условий всех ранее заключенных договоров, под угрозой отставки. Это последовало за назначением

сэра Уильяма Джонсона и Джона Стюарта королевскими агентами по делам индейцев. Их власть опиралась теперь на Парламент.

Департамент Джонсона включал в себя северные колонии и западные территории к северу от Огайо, где он служил начиная с 1755 года. Джордж Кроган у форта Питт был его главным представителем и агентом среди западных племен. Кроган столкнулся с трудной ситуацией относительно сенека, наиболее западного ирокезского племени и наиболее влиятельного среди племен Огайо и Индианы. сенека готовились пустить в обращение пояс войны.

Различные советы с индейцами в 1758-1761 годах не смогли решить всех проблем. Новый район нуждался в фортах с гарнизоном, откуда британские власти могли бы управлять французами, индейцами и торговцами. Требования предоставить для этого подходящие места были встречены индейцами без энтузиазма. Но еще более важным источником раздражения было то упорство, с каким британцы требовали освобождения всех белых пленников. Из-за своей политики «усыновления» индейцы противились потере новых белых «сородичей». Лицензионная система создавала помехи разрешенной торговле из-за чего возрастала торговля нелегальная, сосредоточенная главным образом на снабжении индейцев алкоголем. Генерал Джеффри Амхэрст, главнокомандующий британскими силами в Северной Америке (после 1758 года), ограничил средства, которые тратились на подарки суперинтендантами по делам индейцев при проведении советов. Индейцы также требовали заверений, что на их земли не будут посягать скваттеры – задача, выполнить которую британцы были совершенно не в состоянии.

Первое движение индейского сопротивления относится к 1761 году, когда вызвать восстание попытались сенека. Они были обеспокоены тем, что в 1756-1757 годах британцы использовали на северном фронтире скаутов из племен чероки и катамба. В 1762 году побудить к сопротивлению британцам свой народ попытался делаварский Пророк. Некоторые недовольные французы также поддерживали тлеющее недовольство среди обитателей Запада. Не хватало лишь более талантливого руководства, чтобы выплеснуть на поверхность все накопившиеся обиды. Вскоре этот недостаток был восполнен появлением вождя оттава Понтиака. Палата общин работала над проблемами, доставшимися Британии вместе с новой империей, и установки, включенные в Прокламацию 1763 года, приди к ним власть раньше, могли бы предотвратить вспышку индейской войны, известной как Восстание Понтиака.

Кроган сознавал, что французы и большое число индейцев – прежних союзников французов – не признают безысходности своего военного поражения. В 1762 году в сообщениях торговцев и коменданта форта Уятанон отмечалось, что некоторые французы разжигают беспорядки на Уобаше. Кроган послал своего помощника, прапорщика Томаса Хатчинса, собрать информацию о западных фортах и племенах. Хатчинс посетил форты майамис и Уятанон в июле 1762 года. Обнаружив, что среди племен, обитавших около последнего поста весной была тяжелая эпидемия (вероятно, оспы), он решил, что британский престиж повысится, если он раздаст щедрые подарки. Однако политика генерала

Амхэрста ограничивала щедрость, необходимую в индейской дипломатии, отчего страдали отношения британцев с индейцами.

Индейцы, конечно, не сразу осознали смысл британских усилий по установлению упорядоченной экономической и политической системы имперского управления, включающей в себя и покровительство аборигенам. Прокламация от 7 октября 1763 года, задуманная как временный акт, основывалась на прочных принципах, достигнутых в ходе недавних расследований Палаты общин. Однако, будучи принятым, такой акт мог стать постоянно действующим. Прокламация ограничивала западные границы прибрежных колоний, Флориды и Канады, резервировала за Коронай обширные пространства между этими районами и Миссисипи. Это были индейские территории под юрисдикцией имперских агентов, где туземцам не досаждали частыми покупками, договорами, межеванием или поселениями.

Имперская политика, положенная в основу Прокламации, проявлялась в первую очередь в обеспечении контроля над индейскими делами, а во вторую – в упорядочении будущей продажи земель. Индейская торговая политика, колониальные границы и западные поселения зависели теперь от колониальных и имперских чиновников. Между новыми индейскими суперинтендантами, военными чинами и губернаторами колоний шел спор за сферы влияния.

Позиция Короны предопределялась более ранними решениями. Договор Джонсона между Пенсильванией и восточными делаварами устанавливал, что колония не будет создавать поселений западнее Сакуэханны без согласия на то племени. В прокламации, выпущенной в октябре 1761 года, полковник Анри Буке, комендант форта Питт, распространял это правило на Мэриленд и Вирджинию, подкрепляя его перемещением поселенцев из района реки Мононгахела. Однако, вскоре стало очевидно, что невозможно удержать белых в стороне от новой индейской резервации, которая стала привлекательным убежищем для нежелательных в колонии лиц.

Другое изменение произошло в 1763 году, когда полномочия в индейских делах были переданы от губернаторов колоний двум индейским суперинтендантам. В апреле 1764 года Джонсон воспринимал свою должность, как положение «единственного агента и суперинтенданта по индейским делам для северных частей Северной Америки». Кроме того не имелось никаких положений по управлению французским населением, которое начинало беспокоить британские военные власти.

Прежние профранцузские племена недолго старались понять новую британскую политику. Несмотря на периодические конфликты с французами и нерегулярную торговлю с британцами, их культурная адаптация и лояльность были упрочнены столетним контактом с французами. Жестоким ударом по их самолюбию было осознание того, что их французские союзники, несмотря на многолетние заявления о братстве и равенстве, обошлись с ними как с невольниками, передав индейские земли британцам. Не будучи покорены чужестранцами, племена Великих озер чувствовали, что они не проиграли

последнюю войну, а потому и поражение французов не включает их в состав военной добычи победивших англичан.

Осторожность майами и их уважение к силе предотвратили поспешные действия с их стороны во время протеста сенека в 1761 году. Однако сочетание различных форм недовольства привело менее осторожные племена и менее предусмотрительных вождей к восстанию 1763 году. Непримируемость французских поселенцев, гнев индейцев на скупость британских властей и просачивание скваттеров в западные долины Аппалачей дали толчок к протестующему расизму делаварского Пророка (1762 год) и политическим перспективам вождя оттава Понтиака (1763 год).

Непримируемость сенека не спадала и в марте 1763 года, когда майами получили от них пояс войны. Прапорщик Роберт Холмс, комендант форта майамис, говорил, что они отказались принять пояс и не желали вступить в войну. Он переслал этот пояс коменданту Детройта майору Генри Глэдвину с заверением, что майами отказываются от какой-либо причастности к этому делу. Тем временем Понтиак оказался способен собрать близ Детройта крупные силы воинов, в первую очередь из селений оттава, чиппева и потаватоми. Когда 15 мая он начинал свою атаку на этот форт, другие воины приступали к захвату Сандаски и форта Сент-Джозеф у Найлса. Когда война оказалась столь близка, майами не могли остаться в стороне. Жак Годфруа и Мини Шэн, детройтские торговцы и наиболее активные французские приверженцы Понтиака, были посланы им с отрядами индейских воинов к иллинойским племенам. Когда майами узнали о первых успехах Понтиака, они решили захватить свой форт. Хотя гарнизон его уже был на стороже, 25 мая майами захватили трех британских солдат. Двумя днями позднее они устроили засаду и пленили Холмса и сержанта, использовав девушку майами, чтобы выманить их из форта. Оставшиеся в форте 11 солдат приняли предложенные условия сдачи. Четверо были отправлены к Понтиаку, а остальные семеро либо погибли, либо удерживались в плену.

Затем воины майами отправились вниз по Уобашу с Годфруа и Шэном. 1 июня они с помощью веа взяли форт Уятанон, пленив лейтенанта Дженкинса и 20 солдат. Пленников доставили к форту де Шартре на Миссисипи, где еще оставались французы. Здесь пленников могли использовать, как свидетельство успехов Понтиака и держать заложниками на случай, если британцы оправятся от своих первых поражений.

Вероятность последнего была очевидна для майами. Когда Понтиак потерпел неудачу при захвате Детройта и форта Питт, а многие союзники покинули его, уйдя от осажденного Детройта ради своей зимней охоты, майами послали для наблюдения за ситуацией делегацию из 100 воинов, прибывшую к Детройту 8 октября 1763 года. Их не обманули заявления Понтиака. Поскольку они были только наблюдателями, то половина воинов вернулась домой. Оставшиеся заявили, что будут следовать руководству и политике вайандотов. Влияние вайандотов было столь велико, что им предоставили право первыми говорить на любом совете даже в присутствии Шести Наций. Они не были столь близкими союзниками французов, как оттава и чиппева, а потому майами в это время

мудро полагались на их советы, что было значительным улучшением для их собственной политики. Враждебные Понтиаку общины оттава, Миссисаугов и чиппева послали делегацию в Детройт для обсуждения с майором Глэдвином условий примирения, а многие французские сторонники Понтиака бежали в поисках убежища на Уобаш и в Иллинойс.

Последнюю надежду на поддержку иллинойских племен Понтиак потерял 30 октября 1763 года. Майор Пьер Жозеф Нэуон де Вилье, который еще не был сменен британцами с поста коменданта форта де Шартре, направив ему письмо, побуждая к миру и отрицая, что французы будут предоставлять ему помощь для продолжения войны. Такое же послание было направлено к племенам Уобаша и живущим там французам. Понтиак вместе со своими сподвижниками из оттава, вайандотов и нескольких непримиримых французов удалился на остров Рок-де-Бу, что у порогов Моуми. Однако война еще не закончилась. В то время, когда племена у Детройта заключили мир, вождь приступил к восстановлению своего союза.

Англичане тоже готовились к возмещению своих потерь и восстановлению престижа. Генерал Томас Гейди сменил Амхэрста на посту главнокомандующего и составил план для общего индейского совета у Ниагары. Джордж Кроган поспешно вернулся в Англию, чтобы подкрепить западную политику Джонсона. Одновременно планировались и военные экспедиции для освобождения Детройта и наказания племен Огайо, поддержавших Понтиака. В марте 1764 года, когда Понтиак отправился в путешествие, намереваясь восстановить решимость своих союзников, Детройт все еще оставался в полуосажденном состоянии.

Восхищаясь своими соседями-майами, Понтиак мог не рассчитывать, что ему удастся продолжить боевые действия, перенеся их к Уобашу и Иллинойсу, не заручившись их полной поддержкой. Сердца молодых воинов майами легко воспламенились, ведь они упустили почти все тревоги и славу войны, исключая захват и грабеж форта майамис в прошлом году. Небольшие отряды воинов всегда слетались на призыв любого уважаемого воина (даже из другого племени) или известного французского торговца. Вожди майами не препятствовали этому и, без сомнения, использовали неблагоприятные сообщения, приносимые домой этими разбросанными повсюду воинами, чтобы убеждать совет племени сохранять видимый нейтралитет.

Первые попытки получить поддержку были сделаны Понтиаком у Кекионги. Майами еще удерживали некоторых английских пленников, двое из которых, вероятно, были подвергнуты пыткам и убиты по настоянию Понтиака. Возбуждая воинственный дух племен, он двигался через селения веа, кикапу и потаватоми вниз по Уобашу к форту де Шартре. Хотя де Вилье и советовал ему заключить мир, 17 апреля вождь провел близ форта военный совет с окрестными иллинойскими племенами. Он оставил их в состоянии войны и сделал регион опасным для будущих британских эмиссаров. Затем он вернулся к Моуми.

Во время отсутствия Понтиака под Детройтом пробританские группы оттава, воины вайандотов и делегация воинов майами опять встретилась с Глэдвином,

чтобы договориться о мире. В то же время союзники Понтиака направились к Олбани, чтобы говорить о мире с Джонсоном. Летом Джонсон устроил совет у Ниагары, где эти две группы были единственными, кто участвовал в нападениях на британцев. Там были некоторые меномини, сиу, фоксы, сауки, кри, а также селения оттава и чиппева, противившихся замыслам Понтиака.

Когда Понтиак вернулся из страны иллинойсов в свое селение на Моуми, он попытался продолжить войну с теми своими союзниками, которые отказались заключить мир. Наиболее непримиримыми оставались шауни и делавары, но Понтиак имел на них мало влияния. Они боролись не за индейскую конфедерацию или возвращение к французскому правлению, а за сохранение своих земель западнее Аппалачей. Майами, жившие между своими родичами-иллинойсами и племенами нижнего Уобаши, и своими союзниками делаварами и шауни, еще раз обратились за помощью к дипломатической целесообразности, ожидая результатов английского контрнаступления летом 1764 года. Оказалось, что майами еще не готовы поддержать Понтиака или принять его руководство в зарождающейся концепции индейской гегемонии.

Англичане начали свое наступление после совета Джонсона у Ниагары, отправив в августе 1764 года полковника Джона Брэдстрита из Ниагары к Детройту во главе 1,200 человек. Успокоенный делаварами и шауни относительно их собственных намерений и замыслов Понтиака, Брэдстрит поддался ложному ощущению безопасности и 26 августа послал капитана Томаса Морриса без военного эскорта, чтобы принять изъявления покорности от враждебных воинов.

Отряд Морриса представлял собой соперничавшие в войне силы. Он состоял из пробританского вождя оттава Атаванга, вождя чиппева и воинов онейда вождя Томаса Кинга. Жак Годфруа и Мини Шэн, арестованные у Детройта, были освобождены; их взяли проводниками для Брэдстрита и приказали сопровождать Морриса к селению Понтиака. За несколько дней до этого делегации делаваров и шауни привезли пояса войны вверх по Моуми к Кекионге, а Понтиак, поддерживаемый 600 воинов, выражал враждебность по отношению к британцам. Однако Атаванг и Томас Кинг напомнили Понтиаку о Джонсоне и его ирокезах, после чего он стал более миролюбив. Моррис послал Атаванга к Детройту, чтобы предостеречь Брэдстрита, а Понтиак добавил к отряду Морриса, чтобы обеспечить ему безопасное путешествие вверх по Моуми к Кекионге, своего племянника – сына Атаванга, и посетившего его вождя майами Наранеа.

В Кекионгу отряд прибыл 7 сентября и Моррису пришлось подождать, пока его союзники умиротворят майами. Когда же Моррис вступил в селение его пленили, но Ле Гри (Серый), в то время военный вождь, не позволил племени пасть слишком низко. Двое из младших предводителей, сын Ша Блана (Белого Кота) и Лицо в Воздухе (Вис ан Лэр – дословно Винт в Воздухе), укрыли Морриса, чтобы предотвратить его гибель под пытками, в то время как Франсуа Годфруа и Сен-Винсент, французские торговцы в селении, вместе с сыном Атаванга и Наранеа успокаивали толпу возбужденных воинов. Лебедь (Ля Синь), еще один из вождей майами, выступал за дружелюбное отношение с

Моррисом, так как британцы держали его детей заложниками в Детройте. Моррис оставил красочное сообщение о своем пленении и освобождении:

«Продолжается наш марш. Идем по спокойной воде и приятным утром достигаем луга близ форта майамис, не имея ничего, чтобы поесть. На лугу в пойме встречаем почти целое селение, где все имеют наготове копья, луки, стрелы и томагавки, чтобы предать меня смерти. Но я, по счастью, оставался в каноэ, когда подходили к берегу, хотя и не знал об их намерениях. Достигли форта. Вожди собрались, провели меня во главе индейцев к селению, расположенному на другой стороне потока. Они сказали мне, чтобы я оставался в форте с французом... шауни и делавары, 15 из которых присутствовали здесь с 14 поясами и 6 связками вампума, через которые сенека заявляли, что они погибнут до последнего человека, прежде чем заключат мир с англичанами. Семеро вернулись к своим селениям, пятеро к вайандотам, а трое ушли утром, в день моего прибытия (наиболее счастливое для меня обстоятельство, так как они хотели меня убить) к Сент-Джозефу. Шауни и делавары просили майами либо предать нас (индейцев и меня) смерти, либо связать и отправить в их селение, или же, по меньшей мере, отправить нас обратно. Они осыпали англичан упреками столь же чудовищными, сколь и ложными, какие только может измыслить злоба дикарей, и добавляли, что в то время, когда засияет солнце, они будут с нами в состоянии вражды. Кикапу, оказавшихся в деревне майами по пути домой, так впечатлили речи шауни и делаваров, что они заявили, что казнят меня в своем селении, если майами позволят им меня увести. В заключение, вручая последний пояс, шауни и делавары сказали: «Этот последний пояс мы должны передать вам до того, как пошлем вам топор, что произойдет примерно в конце следующего месяца (октябрь)». Несомненно, цель их – развлекать полковника Брэдстрита любезными речами, чтобы отрезать его армию у Сандоски, когда тот менее всего ожидает, а затем послать топор к другим нациям. План адский, но столь же неглупый, вполне достойный такой отвратительной расы.

Вернусь к себе. Я оставался в форте и двое воинов (сын Белого Кота и Лицо в Воздухе) с томагавками схватили меня за руки и поволокли с собой к берегу, где, как я подозревал, намеревались бросить меня в каноэ, но они тянули меня в воду. Я заключил, что они решили меня утопить, а затем скальпировать. Вскоре я обнаружил свою ошибку. На реке был брод и они повлекли меня почти к самому их селению, а там остановили и раздели донага. Они не могли стянуть с меня рубаху и я, в ярости и отчаянии, сорвал ее с себя. Затем они связали мне руки моим же кушаком и повели к хижине, и усадили у нее на лавку. В хижине находились мои несчастные доблестные индейцы, которые ни разу даже не высунули головы, чтобы посмотреть на меня. Все селение было в волнении. Годфруа убедил Сен-Винсента, который сопровождал меня к берегу, но повернул назад, пойти с ним и побудить племянника Понтиака и младшего сына вождя (Атаванга) принять участие в моей судьбе. Сен-Винсент принес великий пояс и племянник Понтиака заговорил. Оказалось, что Намамис (Наранеа) побудил Годфруа поддержать меня. Годфруа сказал Лебедю (Синь), что его дети в Детройте и если они меня убьют, то он не знает, что с ними произойдет. Он также поговорил с сыном Лебеда (юношей, который впоследствии часто посещал нас и говорил, что желает идти в Детройт, но боится), который что-то

шепнул своему отцу, и тот пришел и развязал меня. После этого встал сын Белого Кота и привязал меня за шею к столбу. Тогда молодой Паканне (король селения, но пока еще младший) шагнул вперед и развязал меня, сказав: «Я дарю этому человеку жизнь. Если вы хотите мяса, то идите к Детройту или на озеро - там вы найдете его в достаточном количестве. Какое дело вам до этого человека, который пришел, чтобы говорить с нами?» Когда племянник Понтиака закончил говорить, Лицо в Воздухе сказал: «Раз так, то я отдаю его». Затем индеец преподнес мне его трубку и я отделался лишь грубыми толчками. Я поспешил к каноэ и отправился к форту, получив по дороге жгучий удар прутом от верхового индейца. Мистер Леви и некоторые солдаты пришли меня повидать. Я никогда не оставался один, так как негодяи, раздевавшие и вязавшие меня, всегда таились поблизости, чтобы при удобном случае ударить меня в спину».

Один решительный поступок Паканне спас Морриса. Понтиак, Томас Кинг и Жак Годфруа были убеждены, что это их усилия спасли Морриса, но Паканне и другие вожди майами, вероятно, решили сохранить его жизнь именно от Понтиака. Проявления враждебности майами несомненно подгоняли Морриса на его пути к безопасному Детройту. Многие селения располагались у истоков Моуми, которые все вместе были известны, как Кекионга. Они пытались договориться с соперничающими силами, внешне имея видимость политической разобщенности. Фактически, майами рассчитывали выявить сильнейшую партию, а затем действовать на ее стороне. Поэтому не было ничего неожиданного, что у Детройта оказалась группа майами, следующая за мирными предложениями вайандотов, в то время как селения Кекионги были враждебны британцам, а Наранеа выступал как союзник и критический наблюдатель Понтиака. Наиболее ярко этот метод проявился, когда селения приветствовали военную делегацию шауни и делаваров, а на следующий день принимали пробританский эскорт Морриса, состоявший из оттава, чиппева и сенека.

5-7 сентября Брэдстрит держал совет у Детройта, где неофициальным представителем майами был Наранеа. Несмотря на мирные намерения совета, без присутствия на нем самого Понтиака не могло быть достигнуто ничего важного. Кроме того делавары и шауни оставались на тропе войны.

Ход всех мирных переговоров с этим племенем зависел от экспедиции Буке, которая выступила из форта Питт 1 октября. Он подчинил селения маскингамских делаваров и взял заложников, чтобы побудить вождей к мирным переговорам с Джонсоном; обнаружил две сотни белых пленников и добился освобождения более сотни из них; заставил делаваров и шауни выслать делегацию к племенам Уобаша, чтобы засвидетельствовать, что их ранние сообщения в сентябре о поражениях британцев были преувеличены. Это перенесло индейский барьер британского продвижения к западной части Великих озер и Миссисипи, эффективно нейтрализовало майами и лишило Понтиака шансов на поддержку вдоль Уобаша.

Сила, которую использовал Буке показывает тонкое понимание им индейской психологии, но, тем не менее, результаты его экспедиции не сразу были поняты Понтиаком и индейскими противниками Понтиака. На зиму 1764-1765 г.г. вождь отошел к своему селению на Моуми, будучи уверенным, что может получить

поддержку от индейцев южного Миссисипи, где непокорное население было еще многочисленнее, объединить их с обитателями Северо-Запада и возобновить борьбу против британцев. Он послал письмо Ле Гри, побуждая его перекрыть путь по Уобашу для всех, кто настроен пробритански. Даже генерал Гейди полагал, что Понтиак еще может повелевать племенами Уобаша и Иллинойса. Жан Батис Бобьен свидетельствует, что письмо это было написано Сен-Винсентом (французским торговцем, сопровождавшим Понтиака) и направлено вождю майами по имени Ле Пети Гри или Пятнистый Олененок, позднее известного, как Поврежденные Лодыжки. Это был вождь одного из селений на реке Сент-Джозеф у Кекионги и приблизительно до 1795 года влияние его равнялось влиянию Паканне или Маленькой Черепахи.

Буке и Гейди верно определили враждебность отдаленных племен Иллинойса, но ошиблись в оценке искушенности майами. Полукровка шауни по имени Каски и иллинойский вождь Лаваше отправились в Новый Орлеан, чтобы искать помощи у французского губернатора, но получили отказ. Они вернулись к форту де Шартре, чтобы противостоять намерению лейтенанта Джона Росса осуществить британский контроль над советом 4 апреля 1765 года. Понтиак прибыл 8 апреля и первым противостоял лейтенанту Александру Фрейзеру, посланному из форта Питт Гейджем и Джонсоном, чтобы подготовить почву для совета с Джорджем Кроганом. Воины чиппева, маскутинов, потаватоми и кикапу оставались неподатливыми. Впервые Понтиак усомнился в поддержке французов, делаваров и шауни. Он защищал Фрейзера в то время, как совет ожидал Крогана.

Представитель суперинтенданта Кроган, задержанный у форта Питт весеним советом с пятью сотнями воинов, выступил наконец вниз по Огайо с делегацией союзных и прежде враждебных индейцев (15 мая). 8 июня у Шаунитауна в Иллинойсе около 80 кикапу и маскутинов атаковали его лагерь, убили двух белых и трех шауни, захватив в плен уцелевших во главе с самим Кроганом. Победители были ошеломлены, обнаружив среди подвергшихся нападению воинов делаваров, шауни и сенека, так как полагали, что возмездие за это неизбежно. После того, как разгневанные индейцы освободились, они направились к форту де Шартре, чтобы заявить формальный протест. Белых людей увели к Винсенсу. Впавшие в уныние воины получили у этого поста некоторые утешения от пианкишо и увели пленников вверх по Уобашу к собственному селению близ Уятанона. Их соседи-веа были разъярены оскорблением, нанесенным восточным племенам и когда 30 июня вожди кикапу и маскутинов вернулись из форта де Шартре они освободили отряд Крогана. Большинство этих уобашских вождей прежде были друзьями Крогана; они торговали с ним у Пиккавиллани и были близко знакомы с тактикой военных отрядов шауни и ирокезов.

Кроган держал у Уятанона совет, на котором захватившие его в плен индейцы искали у него защиты от мести шауни и просили, чтобы британские гарнизоны вновь разместились в их пограничных фортах. Вождь майами с верхнего Уобаша прибыл на совет и предложил британцам принять изъявления покорности от его общины. Тремя неделями позже Понтиак послал Крогану сообщение о том, что возвращается от каскаскиа в сопровождении индейских спутников Крогана. По

прибытии Понтиака Кроган держал у Уятанона более долгий и официальный совет. Впервые Понтиак решил прекратить свое сопротивление и встретиться с сэром Уильямом Джонсоном.

23 июля 1765 года отряд во главе с Кроганом и Понтиаком двинулся вверх по Уобашу к Детройту. Собирая по пути белых пленников, содержавшихся в селениях майами и оттава, Кроган достиг места назначения 17 августа. Брэдстрит, уже собравший здесь для совета тех, кто проявлял недовольство на Великих озерах в 1763-1764 годах, немедленно обработал и племена Уобаша. Последние подчинились британцам, но не без настойчивого требования признания постоянной индейской границы. Когда условия Прокламации были полностью объяснены, индейцы с удивлением и облегчением поняли, что выполняются почти все их требования.

«...принимая во внимание справедливость, благоразумие, насущные наши интересы и безопасность наших колоний, несколько наций или племен индейцев, с которыми мы связаны, и которые живут под нашим покровительством, не должны более тревожиться и беспокоиться в их обладании такими частями наших владений и территорий, какие не могут быть проданы или куплены нами, так как закрепляются за ними или за любым из них, также как и их охотничьи угодья».

Предлагаемая встреча между Понтиаком и Джонсоном наконец состоялась в июле 1766 года на совете у форта Онтарио, расположенного в устье реки Онондага. Необходимо отметить, что в то время, когда почти все западные племена и ирокезы встречались с суперинтендантом Джонсоном, майами уклонялись от переговоров, надеясь избежать наказания за участие в восстании. Их двуличность была раскрыта вождем онондага, который объявил, что его племя недавно получило от майами пояс, предупреждающий, чтобы они остерегались злобы других западных племен.

В связи с этим разоблачением майами могли оказаться в совершенно невыносимом положении. Понтиак должен был вернуть пояс и, так как он быстро и добровольно сделал это, они, чтобы оправдаться, должны были не только обманывать его, но и быть готовыми пожертвовать соглашением со своими западными родственниками и союзниками ради достижения дружбы с ирокезами. Для них было удачей, что Понтиак позволял себе направлять политику всех западных племен – самонадеянность, которую Джонсон быстро использовал в своих целях и которая стала причиной того, что вождь оттава стал главным пунктом ссор среди его разбитых союзников. Соперничество устранило силу Понтиака и он не мог покарать майами.

Кроган активно действовал в 1766 году. После совещания у форта Питт он двинулся вниз по Огайо, чтобы встретиться с огайскими индейцами у устья р. Сайото. Затем он послал воинов этих племен в район Уобаша и Иллинойса, чтобы противодействовать имеющемуся там недовольству, особенно среди французов. Позднее Кроган последовал за ними и 25 августа встретился примерно с 1,000 воинов из 22 «северных и западных» племен, включая общины майами, у форта де Шартре. Индейцы сотрудничали с ним, но его тревожили

подозрения относительно француза, отправившегося на испанскую территорию. Годом раньше он говорил о кекионгских французах:

«Индийская деревня состоит из 40-50 хижин, а кроме того из 9 или 10 домов французов. Это колония бежавших из Де Труа (Детройт) во время Последней Индейской Войны. Они причастны к ней и потому боятся, что наказание придет к этому посту, где каждый из них настраивает индейцев против англичан, и не должно позволять им оставаться здесь».

Он не изменил своего мнения о торговцах и в течении последующих лет.

С трудом избежавшие кары за свою двуличность в отношении онондага, и забыв свои обещания, данные Крогану, майами продолжали рассылать военные пояса. Осенью 1766 года вождь веа Гусь, в 1765 году сопровождавший Крогана вверх по Уобашу, вместе с отрядом воинов майами доставил Понтиаку два пояса войны – один от французских офицеров с испанской территории западнее Миссисипи, а другой от племен Арканзаса. Понтиак отверг это искушение и послал своего племянника предупредить коменданта Детройта о том, что по фронтиру могут ходить и другие пояса.

Восстание Понтиака, завершившись, не успокоило всех индейских волнений на фронтире. Вождь все еще вел себя неопределенно, особенно в отношении делаваров и шауни, которые летом 1767 года возобновили свое сопротивление вторжениям скваттеров в Огайо, и профранцузских индейцев Иллинойса, которые надеялись убедить его продолжить антибританскую деятельность. Племена Огайо обнаружили, что британские обещания защитить их охотничьи угодья не могут сдержать скваттеров. Хотя его племянник возглавил по меньшей мере один удачный набег против поселенцев Огайо, сам Понтиак становился оплотом британцев в их попытках предотвратить всеобщее восстание. Его миротворческие усилия отвратили от него некоторых прежних соратников, но добиться доверия в пробританских фракциях их племен он так и не смог.

Превращение из воина в примиренца вызвало громкие крики о предательстве. Этот путь повторялся в будущем и с другими вождями, особенно Маленькой Черепахой из племени майами. Убийство Понтиака в 1769 году индейцем Пеория повлекло за собой многочисленные нападки на англичан, как его соучастников, но вызвало весьма мало актов мщения. Другие события оттеснили смерть вождя на второй план. В целом история Понтиака наглядно демонстрирует слабость, присущую любой конфедерации, какую только могли создать западные племена. Главным пороком был отказ каждого из племен занять в союзе подчиненное по отношению к другим положение.

Хотя некоторые общины были более лояльны к французам, чем другие, и несмотря не менее 125 французских семейств, которых в 1765 году Джонсон бранил, как «наихудший род» поселенцев, майами быстро приспособились к британскому контролю над их районом. Они были еще достаточно далеки от аппалачского фронта, чтобы избежать того давления, какое оказывали жители приграничья на делаваров и шауни. Относительно британского правительственного контроля над западом с центром в Детройте, племя также

находилось слишком далеко от форта и суверенитет его мог быть только фиктивным.

Сэр Уильям Джонсон, ожидая, что среди прежних сторонников Понтиака на западе вновь произойдут беспорядки, послал своего представителя, Крогана, осенью 1767 года к Детройту и Маккинаку, рассчитывая, что престиж Крогана предотвратит любое второстепенное восстание. Он узнал, что майами и иллинойсы приглашены на великий совет с сенекаи и шауни у Старого шаунитауна близ устья Сайото, но был убежден, что обсуждаться там будут лишь межплеменные конфликты. На самом деле индейцев беспокоило то, как им обходиться с белыми поселенцами Аппалачей. Алексис Лоранж ди Мэзонвиль, торговец-ветеран из Уятанона, говорил, что майами разочарованы неудачей британцев в обеспечении торговли, но они не будут ничего предпринимать без содействия шауни и делаваров. Эндрю Гурон, один из агентов Крогана на Уобаше, подтвердил это сообщение, но добавил, что майами готовы дружески относиться к британцам, если среди них будут размещены торговые посты.

26 апреля 1768 года Кроган держал совет у форта Питт. Этот совет предварял собой важный договор в форте Станвикс, заключенный позднее в том же году. Договор этот означал изменение в управлении индейскими торговыми делами, хотя королевское суперинтендантство было сохранено. Новая североамериканская политика началась примерно тогда, когда парламент создал в 1768 году Департамент американских дел. В результате, его первый министр, лорд Хиллсборо, возложил регулирование индейских дел, в соответствии с условиями Прокламации 1763 года, на плечи колониальных губернаторов.

Договор в форте Станвикс, подписанный 6 ноября, вместе с договором у Хард-Лейбор, заключенным в том же году с чероки, явился признанием того, что Прокламации 1763 года не удалось сдержать наплыва поселенцев, торговцев и спекулянтов. Однако сэр Уильям Джонсон и прочие авторы этих договоров сами были теми же земельными спекулянтами, которых следовало контролировать согласно новой политике. В результате договор отодвинул восточную границу индейской резервации западнее к р.Огайо. Это сделали дабы узаконить земельные права 30,000 поселенцев, уже обосновавшихся западнее первой линии, установленной Прокламацией. Сочетание британских и местных колониальных земельных спекулянтов в западных земельных компаниях оказалось удачным и потому на британский парламент оказывалось давление достаточной силы, чтобы свести на нет условия Прокламации.

По договору в форте Станвикс ирокезы уступили требуемую у них землю между Аппалачским водоразделом и рекой Огайо. Но шауни возражали против передачи земли, которая являлась их основными охотничьими угодьями, так как они никогда не признавали ирокезского завоевания или господства над собой. Поэтому, когда белые землемеры двинулись в долины Мононгахелы и Кановы (Kanawha-River), то они нашли там шауни, решивших отстаивать свои права. Кроме того, шауни никогда не соблюдали покорности, к какой привел индейцев полковник Буке в 1764 году. Теперь же они атаковали поселенцев из Вирджинии и Пенсильвании.

Хотя договора в форте Станвикс и у Хард-Лейбор и потеснили официальную индейскую территорию на много квадратных миль, этого не хватало, чтобы насытить жаждущих земли жителей пограничья. Неумолимая волна скваттеров вновь хлынула в индейские земли севернее новой границы. Направляли это движение прокламации генерала Гейджа 1772 и 1773 годов. Некоторые скваттеры могли проникать в индейские земли по подстрекательству спекулянтов, которые около 1773 года воспользовались удобным случаем, предоставленным им заключением Кэмден-Йорка, вынесенным в 1757 году по делу Могола. Это постановление, по которому покупатель мог спокойно узаконить свои права на землю туземцев без королевского согласия, отняло у Короны и колониальных губернаторов большую часть их контроля над индейскими делами.

Положение короны, в первую очередь, как землевладельца, было вновь подтверждено Земельным актом в феврале 1774 года. В следующем месяце генерал Фредерик Хэлдимонд переиздал относящиеся к делу положения Прокламации 1763 года и объявил недействительными все земельные покупки, сделанные в нарушение этих условий. Квебекский акт от 2 июня 1774 года подтвердил верховенство Короны и отверг применение Заключения Кэмден-Йорка к индейской резервации. В результате этого поселенцы и земельные спекулянты обратились к колониальным властям за гарантиями прав на западные земли.

Политика лорда Хиллсборо перепоручала защиту границы колониям и в 1771 году Гейдж удалил гарнизон форта Питт. Напряженность на границе возрастала и в 1774 году вылилась в «Войну лорда Данмора». Джонсон, пытаясь предотвратить ее с помощью своих агентов, Крөгана и Александра Макки, в мае 1774 года встретился у форта Питт с представителями колоний Вирджиния и Пенсильвания, и делегациями от каждого из западных племен, исключая шауни. Хотя индейские делегаты выказывали миролюбие, небольшие группы воинов, как из майами, так и из других племен, присоединялись к военным отрядам шауни в их набегах вдоль верховий Огайо.

Война достигла своей кульминации в битве на Пойнт-Плезант в устье Кановы, где 10 октября Стебель Кукурузы и его воины шауни были разбиты пограничной милицией полковника Эндрю Льюиса. Другие силы под командованием губернатора Вирджинии Данмора двигались к городам шауни на реке Сайото. На ее берегах во время совета в «Лагере Шарлотты» шауни и их союзники согласились уступить все права на земли южнее и восточнее Огайо в соответствии с условиями договора в форте Станвикс. Уступка шауни была победой приграничных скваттеров и земельных спекулянтов, но она дорого обошлась им в будущем. Сорок лет западные племена цеплялись за идею демаркационной роли Огайо, и белым пришлось сражаться в целой серии диких войн, служивших соблюдению этой роли.

Племена Уобаша увидели новую пугающую угрозу со стороны белых в осуществлении договоренностей, заключенных в форте Станвикс и в Лагере Шарлотты. До сих пор они имели только опыт дипломатии «Бобровых войн» и даже восстание Понтиака казалось им в первую очередь войной французских и

британских интересов. Майами узнали от индейцев Огайо, которые были изгнаны из колоний Атлантического побережья, что жители пограничья представляют собой угрозу их собственной земле и самому их существованию. Даже имперские и колониальные индейские агенты были неспособны защитить своих индейских подопечных от колониальной практики, не могли бороться с хищным земельным голодом скваттеров и спекулянтов.

Воины майами, участвовавшие в «Войне лорда Данмора», отошли в район рек Уобаш-Моуми, но шауни упорствовали в своих нападениях на белых поселенцев. К тому они имели и новые побуждения после 1774 года: Детройт и форт Питт стали штабом для решительной дипломатической схватки между британскими и колониальными торговцами и агентами.

Имеются многочисленные свидетельства того, что власти искренне пытались нейтрализовать индейские племена в течении ранних стадий Американской Революции или, по крайней мере, свести индейское вмешательство в ее ход до минимума. Часто проводились советы у Детройта и у форта Питт, большинство из которых посещались майами, но они не присутствовали на великом совете 1776 года у форта Питт, на котором американский агент Джордж Морган добился обещаний нейтралитета от большинства пограничных племен. Нет возможности определить степень участия майами в тех немногочисленных военных отрядах, что высылались против колонистов в 1774-1777 годах.

Американский Конгресс признал важность потенциальных военных сил на фронтире учреждением 12 июля 1775 года трех индейских департаментов и помещением племен севернее Огайо в Средний Департамент. Вначале были предприняты попытки удержать индейцев в мире, но невозможность нейтрализации этих племен с их воинской культурой принудила в 1777 году к отказу от этой политики.

Тем временем британцы надеялись управлять западным фронтиром из четырех постов, подчинявшихся губернаторам колоний. Эдвард Эббот, вновь назначенный на пост в Винсенсе, признал британский план неудовлетворительным и вскоре вернулся к Детройту. На плечи Генри Гамильтона, назначенного на пост в Детройте, легли основная тяжесть и ответственность за ведение индейских дел на Западе.

Детройт был центром британской активности среди индейцев и Конгресс рассчитывал использовать индейских союзников в борьбе против этого форта. Однако кампании на Атлантическом побережье помешали генералу Джорджу Вашингтону послать войска на фронт. Кроме того, американская милиция, всегда лишенная боевых качеств, исключая отдельных способных командиров, не была готова к такому заданию.

Случайные индейские набеги, обычно осуществлявшиеся путем Детройт-Моуми-р.майами через страну майами, способствовали взаимным преувеличенным подозрениям в использовании индейских союзников. Джордж Морган позднее считал, что общий индейский военный потенциал Северо-Запада насчитывал в то время 8,000 воинов, из которых только 800

принадлежали к майами. Подсчет не мог быть точен, так как он включал в себя лишь 400 воинов из крупного, но малоизвестного белым племени потаватоми.

Капитан Джеймс Вуд и Саймон Джирти были посланы к племенам Огайо, чтобы объявить им о первом Американском совещании. Хотя королевские агенты уже предшествовали им в вербовке союзников для британских сил в Монреале, британское влияние было ослаблено отставкой Джорджа Крогана с Индейской службы в 1772 году и смертью сэра Уильяма Джонсона в 1774. Американцы, устраивая совещание у форта Питт и в Олбани, более всего надеялись удержать в нейтралитете ирокезов. Они были готовы практически на любое обещание или угрозу другим племенам, чтобы помочь достижению этого результата. Они также желали выяснить возможность нападения с запада на Детройт и форт Ниагару для поддержки экспедиции на Монреаль и Квебек генералов Ричарда Монтгомери и Бенедикта Арнолда.

Первоначальная цель – нейтралитет ирокезов – была достигнута, но ирокезы противились проходу вооруженной экспедиции через их страну. Американский план наступательных действий на фронтире был примером грандиозных замыслов без адекватных ресурсов. В апреле 1776 года полковник Джордж Морган, способный и опытный индейский торговец, стал индейским агентом американского Среднего Департамента, сменив Ричарда Батлера. Чтобы пригласить племена Огайо на совет, Морган послал к ним Уильяма Вилсона и проамериканского вождя делаваров Белые Глаза. После посещения селения вайандотов близ Детройта эти двое совещались у форта с Генри Гамильтоном. Гамильтон был негостеприимен. Он обвинил их в измене королю, но из-за своего собственного рискованного положения не стал задерживать их. Вскоре он составил план создания конфедерации северо-западных племен для нападения на американский фронт. Но, несмотря на планы военных кампаний, военные отряды шауни и случайный рейд индейцев Уобаши в Кентукки, фронтир оставался относительно спокойным до самого 1777 года.

Хотя поселения Холстона и Ватауги выдержали несколько нападений южных индейцев, форт Питт и аллеганский фронтир не испытали ничего, кроме слухов о индейских набегах, распространившихся в конце 1776 года. Комиссионеры Континентального Конгресса и Вирджинии встречались с ирокезами и западными племенами у форта Питт в течении осени 1776 года, но майами там не присутствовали. После обещания вождей сохранять в войне нейтралитет, 12 из них удалось убедить отправиться в Филадельфию для представления Конгрессу. Это соглашение было удачей для американской защиты фронта на Огайо, где число фортов уменьшилось всего до трех. Сотня ополченцев размещалась в форте Питт, столько же в форте Рэндолф на Биг-Канове и 25 в форте Генри или у Поворота. Это был последний период мира на границе на ближайшие 20 лет.

Генри Гамильтон активно действовал в течении всего 1776 года. 17 июня у Детройта он провел главный индейский совет, на который прибыли все индейские племена региона, включая майами. Ободренный их откликом, он убедился, что сможет послать против американцев по меньшей мере тысячу воинов. Майами были среди племен, восприимчивых к его предложениям о

нападениях на американских поселенцев. Шарль Бобьен, влиятельный французский торговец из Кекионги, который служил Гамильтону переводчиком при майами, уже имел устоявшуюся завидную репутацию воина, полученную в набегах Науни на Кентукки.

Планы Гамильтона послать воинов против американского фронта были одобрены губернатором Гаем Карлтоном в 1777 году после полученных им приказов использовать индейских союзников, как на западе, так и для вторжения полковника Барри Сент-Леджера из Нью-Йорка. В июле 1777 года Гамильтон отправил из Детройта 15 военных отрядов и «кровавый год» в Кентукки был в полном разгаре. Американские надежды на создание индейских союзов, чтобы противостоять этому, были разрушены, когда пограничные ополченцы убили дружественного вождя шауни Стебля Кукурузы, находившегося в тот момент в заложниках.

Отчаянная пограничная борьба 1777 года выдвинула наиболее значительного лидера фронта времен Американской Революции - Джорджа Роджерса Кларка, и он принес Американскую Революцию к майами. Кларк, с предшествующим опытом «Войны лорда Данмора», а ныне майор милиции Кентукки, понимал свою задачу – охранять незащищенные поселения.

В 1778 году американские усилия стали казаться безнадежными, а опасность и высокая цена лояльности стали причиной дезертирства многих людей, включая Саймона Джирти и Александра Макки. В конце концов, тринадцать сотен пограничных поселенцев, завербованных британцами, а также индейские военные отряды Джирти и Макки нанесли американцам ряд жестоких ударов. Генерал Эдвард Хэнд, комендант форта Питт, попытался восстановить американский престиж, двинувшись в феврале на Детройт и Сандаски, но его усилия привели только к бесполезной «кампании скво». Разочарованный, он просил освободить его от командования.

Принявший командование генерал Лахлан Макинтош оказался перед лицом угрозы нападения почти 2,000 воинов. Решившись стремительным движением атаковать Детройт и Освего, он распределил среди дружественных общин делаваров подарки стоимостью 10,000 долларов, чтобы обеспечить своей армии позволение на происхождение через их страну. Затем Макинтош положил начало американской политике строительства цепи фортов, которые могли служить линией снабжения и барьером между индейцами и белыми поселенцами. Когда он двинулся на запад, его силы приостановились, чтобы выстроить форт Макинтош в устье Бобрового ручья. Вновь он остановился на р.Тускарауос, чтобы выстроить форт Лоренс, но истечение срока службы и нехватка припасов вынудили закончить экспедицию у этого пункта.

В то время, когда внимание было сосредоточено на действиях в верхней части Огайо, Кларк тайно готовил свои планы. Уже в апреле 1777 года он убедился, что «страна иллинойсов» - регион западнее р.майами – наиболее уязвимая точка в британской обороне Канады. Он рассчитывал, что Гамильтон сконцентрирует свои силы против американской угрозы из форта Питт и отлично сознавал, что британцы никогда не имели прочного контроля над Иллинойсами. Он надеялся

обеспечить себе поддержку французов и индейцев, вынудить Гамильтона защищать новый район южнее и западнее Детройта и удерживать племена, чьи военные отряды терзали Кентукки. Он послал двух лазутчиков к каскаска, чтобы узнать силу пробританских настроений в стране. Они нашли, что британцы имеют мало поддержки среди населяющих эту область примерно 1,000 белых людей, 600 рабов-негров и 400 «бедных индейских воинов». Кларк пришел к выводу, что это благоприятствует его планам и ранней зимой пришел через восточные горы для совещания с губернатором Вирджинии Патриком Генри.

Благодаря Томасу Джефферсону, Джорджу Уайзу и Джорджу Мейсону, Кларк заручился поддержкой Генри и, что то же самое, властей Вирджинии. Он был произведен в подполковники и обещал каждому из своих людей по три сотни акров земли. Получив после многих трудностей своих волонтеров, он перешел 2 мая 1778 года Мононгахелу, имея 150 человек, и достиг Водопадов Огайо спустя 25 дней после этого. С силами, возросшими в Кентукки примерно до 175 человек, 4 июля он захватил каскаска и его коменданта Филиппа де Растель де Рошблав. Затем Кларк послал отца Пьеро Жибо и д-ра Жана Лафона в Винсенс, чтобы выяснить, лояльно ли это селение британцам. Убедившись, что Винсенс политически пассивен, он направляет капитана Леонарда Хелма занять форт Сэквилл, что Хелм и выполняет в июле.

Чтобы упрочить свое положение, Кларк блестяще маневрировал, добываясь поддержки индейцев, французских поселенцев и, особенно, испанцев из Сент-Луиса. Воины майами посетили его пятидневный совет в Кахокии в августе-сентябре 1778 года. Там присутствовали племена от Великих озер до Огайо и Миссисипи. Кларк преуспел во временной нейтрализации наиболее отдаленных племен, обеспечил союзы с ближайшими соседями и произвел глубокое впечатление на всех них. Вождь пианкишо Табак, чья поддержка была жизненно важна для контроля над Винсенсом и нижним Уобашем, стал его наиболее важным союзником.

Новости об успехах Кларка достигли Гамильтона в Детройте 7 августа, когда он ждал предполагаемой американской атаки с востока. Хотя он мало боялся немедленного нападения сил Кларка, он понимал ненадежность лояльности индейцев (или их практичный взгляд на нее). Хотя Кларк и не остановил все военные отряды, направленные на кентуккийский фронт, он был способен нейтрализовать большое число не связанных обязательствами племен и даже обеспечить себе некоторое количество воинов, как союзников, чтобы использовать их против Канады.

7 октября Гамильтон выступил из Детройта с силами в 161 человека, включая 33 регулярных солдат, 128 волонтеров ополчения (из них 14 – служащие Индейского Департамента) и 70 союзных оттава, чиппева и потаватоми. Его путь по дороге Моуми-Уобаш должен был быть труден, а главной заботой для него было отношение с местными племенами. Он мог слышать сообщение Дэвида Цейсбергера о том, что в 1777 году Кекионга первой приняла военный пояс, но затем отказалась от него, после того, как майами посоветались с веа и кикапу. На Моуми Гамильтон встретился с французом, торговавшим с веа и тот

рассказал ему ложные новости о том, что Кларк будто бы уже двинулся вверх по Уобашу и захватил селения у Уятанона. Но наиболее значительное испытание ожидало Гамильтона 24 октября, когда он прибыл к истокам Моуми, где Паканне и Ле Гри осуществляли контроль над важнейшими общинами майями. Губернатор сообщает в своем дневнике:

«24-е... Около 8 часов мы отправляемся дальше, сойдя на берег у равнины близ селения майями, где молодые люди этой нации приветствовали нас, как обычно, несколькими залпами из ружей, а наши дикари ответили на их приветствие, после чего состоялась своего рода притворная битва с холостыми зарядами... Собрав вожде всех наций, я сообщил им о причине своего прибытия и благодарил всех присутствующих за их бодрое и спокойное поведение – сказал им, что завтра они получают по быку для каждой нации, но не ром.

...майями этого селения рассказали через Келорона, что Мятежники были у Уятанона, который был ими так встревожен, что некоторые укрывали свое имущество в лесу – Большой Волк (Гро Луп) с моими полномочиями... посетил вождей майями в их селении – Маленький Олень (Пети Гри, Маленький Серый) и Большой Волк сделали мне подарок из трех больших корзин молодой кукурузы, сушеной тыквы и фасоли, говоря, что такая грубая пища может служить моему скоту, если я не смогу ее есть сам, но они думают, что я не стану презирать их подарок, который,» хотя и такой незначительный, но подарен с искренней доброжелательностью... Затем были представлены Военные Пояса; когда были приняты мой собственный и майора Хэя, я спел военную песнь, в которой вторил агенту и ведущим воинам отдельных наций. – Большинство их сожалело, что я не смочил ромом точильный камень, и что они имели великие трудности в заточке Топора их отцов».

Хотя молодые люди часто объединялись в военные отряды, совет племени еще не дал своего согласия британцам. Прием Гамильтона сильно отличался от оказанного Моррису четырнадцатью годами раньше. Впечатляющий ответ Гамильтона на нападение Кларка склонил военный отряд Кекионги присоединиться к экспедиции, что обеспечило дружественный прием в селениях майями у устья реки Ил. Гамильтон так описывает воинские приготовления:

«Этой ночью индейцы воспевали *Nattes*, как то называют французы – это сумки, которые содержат маленькие фигурки различного рода, некоторые как амулеты, некоторые как домашних божков, эти, когда они идут на войну, они раскрашивают киноварью. Их жрецы, которые обычно являются их лекарями, снабженные инструментарием, который держат в сумках и состоит из голов, костей или шкурок определенных животных, чучула птиц с перьями, змеиные кожи, луки и стрелы приспособляли к связкам вместе с другими ценным имуществом, волчьими зубами, когтями пантеры, длинными орлиными когтями и прочим. Обманщики имели все это под рукой каждый раз, когда банейпотельней или рвотным они доставляли какие-либо облегчение одному из своих пациентов, они притворялись, будто вытаскивают медвежьи зубы и птичьи когти из органа, пораженного болезнью, которые, когда они вызывали у больного человека его воображение, редко терпели неудачу, становясь на сторону лекарского искусства и совершенного исцеления».

Когда британские силы достигли селений веа, к ним присоединилось несколько вождей, присутствовавших на совете Кларка у Кахокии, и вождь Маленькое Лицо с группой воинов веа. Гамильтон нуждался в них, так как следующая встреча у него была с пианкишо, сильнейшими сторонниками Кларка, и кикапу ниже реки Вермилион, настроение которых всегда было неопределенным.

Майор Дж.Хэй из детройтской милиции, посланный к Винсенсу шпионить, чтобы разведать положение американцев, присоединился к Гамильтону у форта Уятанон. Узнав от него, что Кларк оставил Винсенс незащищенным, Гамильтон направился туда 17 декабря 1778 года, после того, как французские жители подтвердили свою союзническую присягу Британии, Гамильтон и его 90 солдат заняли форт Сэкилл. Остальные его войска вернулись к Детройту, а его индейские союзники – к своим селениям. Так как гарнизон был слаб, то Кларк 24 февраля 1779 года вновь захватили селение и форт, а энтузиазм майами в пользу британцев испарился столь же быстро, как и возник.

Успехи Кларка никоим образом не остановили индейских нападений на фронтир. Тем не менее, он вывел большое число воинов из британской сферы влияния, чтобы, по возможности, предпринять нападение на Детройт. Тысячи же иммигрантов двинулись в Кентукки, полагая спастись там от индейских набегов.

Пограничные командиры имели большие надежды на то, что они смогут атаковать Детройт. Ожидая войска Кентукки и Вирджинии, Кларк послал эмиссаров к веа и майами, чтобы добиться их позволения на подъем по Уобашу. Пианкишо были стойкими сторонниками Кларка, но другие группы майами откладывали окончательное принятие обязательств до прибытия подкреплений милиции и возобновления приостановленной американцами кампании. Тем временем новый детройтский вице-губернатор Арент С.Де Пейстер провел лето в оборонительных приготовлениях вместо стремительных нападений на форт Питт или Винсенс.

События лета 1779 года разрушили британско-индейские союзы. Лишь Сиу и Меномини еще рассматривались как надежные союзники. Даже Чарльз Лэнглейд в Милуоки и Александр Макки в Мичилимаккинаке не могли удержать своих индейских союзников вместе для экспедиции в страну Уобаша. В дополнение к угрозе вторжения Кларка, прежде непобедимые ирокезы в Нью-Йорке были усмирены, и индейцев тревожила возможность французских или испанских экспедиций против британцев вверх по Миссисипи.

Кларк послал племенам Уобаша копии франко-американского союзного договора от 8 февраля 1778 года, но в то же время попытался утаить от них непреодолимые трудности, с которыми столкнулось предложенное им наступление. Он потерпел неудачу, когда близ Цинциннати индейцы разгромили отряд полковника Дэвида Роджерса из 70 человек и захватили депеши Кларка, которые раскрывали его военную слабость.

Престиж британцев среди индейцев восстановился благодаря неудачам американцев, последовавшими за первоначальными успехами Кларка. Весной 1780 года британцы вполне могли обдумывать завоевание Иллинойса. Чтобы

восстановить союзы, Де Пейстер распределил на индейских советах подарки, стоимостью 84,000 ф.ст. Планировалось послать Лэнглейда вниз по р.Иллинойс против каскаскиа и нового врага – испанцев, а другой отряд – вниз по Уобашу, против Винсенса; третий отряд должен был тревожить Кларка у Водопадов Огайо. Небольшие военные отряды возобновили свои нападения в Кентукки, где поток беженцев увеличил количество жертв.

Испанцы отразили экспедицию против Сент-Луиса, так как Кларк поспешил с подготовкой обороны Каскаскии. Полковник Генри Бирд выступил из Детройта, чтобы атаковать Водопады Огайо в отсутствие Кларка; с ним было 150 белых и 1,000 индейцев. Двинувшись по рекам Моуми и майами, Бирд отклонился к поселениям реки Ликинг, где захватил два поста. Кларк быстро вернулся из Каскаскии в Кентукки, собрал силы и 1 августа пересек Огайо. При его приближении шауни сожгли Старый Чилликоте на р.Литтл-майами. Кларк столкнулся с крупными силами воинов у сильно укрепленного селения Пикуа на р.Мэйд (близ современного Спрингфилда, штат Огайо) и уничтожил запасы пищи в обоих индейских городках. Его быстрый удар по племенам Огайо положил конец набегам на Кентукки с севера на остаток этого года.

Страх британцев перед прямой французской интервенции на западе стал реальностью в 1780 году. Огюстен Моттин де Ла Бальме, прибывший в Америку в 1776 году, вступил в западные области. В июле он достиг Винсенса и был сердечно принят как местными французами, так и эмиссаром Конгресса. В октябре он собрал у Винсенса и Каскаскии силы из 80 французских и индейских всадников и выступил в поход, очевидно намереваясь завоевать Детройт. Он двинулся вверх по Уобашу и спустя четыре дня после его ухода из селений веа, он атаковал и разорил Кекионгу. Затем Ла Бальме отошел к лагерю на реке Эбоит в 10 милях к юго-западу от Кекионги. Майами из этого селения уклонились от встречи с ним. Два французских торговца, Питер Лафонтен и Шарль Бобьен, помогли вождю с реки Ил Маленькой Черепахе собрать окрестных воинов. Той же ночью французские силы были уничтожены. Ла Бальме был отправлен пленником в Детройт. Это положило конец слабым французским надеждам на создание вооруженных сил в районе севернее Огайо. Это же событие выдвинуло наиболее значительного в истории майами военного вождя: Маленькая Черепаха был главной силой в войне и дипломатии фронта в последующие 30 лет.

Большая часть американского влияния, добытого первыми действиями Кларка на западе, была утеряна в 1781 году. Ни что иное, как покорение весной селений делаваров у Кошоктона на реке Тускароуас близ Маскингама полковником Дэниелом Бродхедом поставило фронт в оборонительное положение перед угрозой индейских нападений. Кларк вновь предлагал атаковать Детройт через Уобашский путь с целью сковать большинство враждебных индейцев, получающих оттуда припасы и инструкции. Так как он не получил поддержки от властей Вирджинии или от поселенцев Кентукки, то его план не был выполнен.

Хотя на востоке Революционная война закончилась в 1782 году, лишь маневры Кларка предотвращали разгром фронта на западе. Он делал показательные приготовления для наступательного движения через Огайо и распространял

прокламации о поражении Корнваллиса и вытеснении британских войск с морского побережья. Британские власти Канады противопоставили пропаганде Кларка увеличение числа подарков индейцам на советах, особенно на февральском совете у Детройта. Там присутствовали все их колеблющиеся союзники. Это привело к возобновлению весной индейских нападений на пограничные поселения. Борьба достигла нового пика жестокости с резней христиан-делаваров у Гнаденхуттена пенсильванскими фронтирсменами полковника Дэвида Уильямсона. Индейцы ответили на это уничтожением сил полковника Уильяма Кроуфорда близ верхних городов Сандаски в июне 1782 года.

Кларк начал собирать ополченцев в устье реки Ликинг, чтобы напасть на города шауни в Огайо. Это произошло после того, как крупные силы индейцев во главе с Александром Макки в августе совершили набег на кентукские поселения у Поста Брайанта и Блу-Ликс. В ноябре Кларк повел свои силы (1,000 всадников) против Чилликоте, затем разрушил Пикуа – твердыню шауни в устье Лорами-Крик на Грейт-майами. Он рассеял врага, сжег пять городов шауни и создал угрозу Детройту. С американской точки зрения это благотворно подействовало на боевой дух и моральное состояние индейцев.

Официальное сообщение о подписании в апреле 1783 года предварительного мирного договора остановило американские планы строительства новых пограничных фортов и усиления гарнизонов в старых. Начиналась новая эра, в которой индейские племена Северо-Запада получали величайшее значение. В это время земли майами становятся прибежищем для индейцев, сопротивляющихся американским попыткам умиротворения и оккупации территорий к северу от Огайо.

Британский контроль над прежними французскими территориями севернее Огайо в 1759-1783 годах имел для майами важное значение. Однако, имперская политика, если не ее осуществление, воплощенное в Прокламации 1763 года и Квебекском Акте 1774 года, хотя и одобренная майами, потерпела неудачу в обеспечении стабильности на фронтире. Она не смогла ни удовлетворить торговые интересы племени, ни остановить приток белых поселенцев. Договор в форте Станвикс, установивший Огайо рубежом белой экспансии, стал индейским *quit pro quo* на будущих советах и в будущих договорах.

Майами оказались разорваны противоположными призывами американцев и англичан на противоположных концах Уобаши. Из-за американских угроз веа и пианкишо и союза с ними, а также из-за британского контроля за регионом Кекионги, племенным советам не удавалось унифицировать политику всего племени майами. Остается выяснить, смогли ли майами при таких условиях воссоздать единый фронт в противостоянии американским и британским поселенцам севернее Огайо. Чтобы противодействовать этому развалу в своих внутриплеменных отношениях и помешать американским и британским усилиям, майами попытались сделать свои советы в Кекионге еще более важными для их племенного единства. Они поняли, что их судьба нерушимо связана с их восточными союзниками – вайандотами, шауни и делаваарами, но два последних племени были способны к объединению даже менее их самих.

Сила майами состояла в мудрости, с какой некоторые вожди осторожно сотрудничали с более могущественными племенами. Не страна Огайо, но долина Уобаши-Моуми была индейско-американско-канадской пограничной линией противостояния. В то время, когда от ее обитателей требовали лояльности и британцы, и американцы, она предоставляла индейским племенам последний район, из которого они могли защищать линию Огайо и ожидать неизбежной пробы сил в схватке с американскими поселенцами. Молодые воины майами набирались опыта в ходе многих набегов и битв, где они сражались под командованием индейцев и белых, используя современное оружие. Они росли и воспитывались в ходе непрерывной пограничной войны. Людские ресурсы племени при этом никогда не подвергались опасности и потери были незначительны.

Майами сделали выдающийся вклад в индейское дело. Маленькая Черепаха достиг положения военного вождя в то время, когда немногие из индейских лидеров избежали поражения. Паканне и Ле Гри достигли уважения, как искусные и проницательные вожди совета. В умах американских поселенцев сформировалось и развилось представление о гигантской «Конфедерации майами».

Племя постепенно приняло британскую имперскую политику, которая давала ему агентов и торговцев, одновременно пытаясь препятствовать белым поселенцам. Они также узнали, что белые люди непредсказуемы, но необходимые союзники. Нередко индейцы упрекали британских агентов за договора, принимавшие на себя непризнанные претензии на господство над их землями. Не имело значения, с кем должны были связать себя союзом индейцы, с британцами ли американцами; они должны были погибнуть или разделить участь всех покоренных наций.

Индейцы сознавали, что колониальные переселенцы давят на фронт, и что белые власти уже не могут защитить их от этой угрозы. Тем не менее, они принимали основные условия договора в форте Станвикс, как их последнее соглашение, и готовились защищать их. Так как британцы старались сохранить свой контроль над Старым Северо-Западом, то это есть факт первостепенной важности для понимания далеко идущего британско-индейского союза. Поэтому политика майами становится более решительной, когда американцы начинают устанавливать свой контроль над территориями северо-западнее Огайо.

4. КОНФЕДЕРАЦИЯ МАЙАМИ

Второй Парижский договор, подписание которого в 1783 году завершило Американскую Революцию, вновь передал земли майами прежнему врагу. Новая Американская конфедерация приобрела обширную область между Аппалачами и Миссисипи, унаследовав те самые индейские проблемы, которые безуспешно пытались решить и французы, и англичане. Фактически же эти проблемы с тех пор лишь усложнились. За столетие контакта с европейцами аборигены

утратили большую часть той доверчивости, которая позволяла французам и англичанам манипулировать ими в своих военных или торговых интригах. Они усвоили и извлекли пользу из многих сторон европейской культуры, хотя она и валила их с ног эпидемиями новых болезней, занесенных белыми людьми.

В ходе этого процесса майами во все большей степени становились искусными дипломатами, торговцами и, прежде всего, еще более умелыми воинами. Их вожди и воины принимали участие почти в каждой войне и в каждом совете между белыми и индейцами, начиная с 1740-х годов. С ограниченным количеством воинов, но занимая единственный регион, из которого могло производиться индейское военное наступление, племя стало бастионом индейского сопротивления белой экспансии севернее Огайо и сохранило это положение в течении десятилетия после Парижского договора. Майами стали теперь наиболее восточным племенем, традиционные земли которого были еще не тронуты. К этому времени они поняли не только стратегическую ценность расположения своих земель, но также и суть американских представлений о собственности на землю. Когда в 1795 году сопротивление майами завершилось, то исчезла и последняя надежда на постоянную линию разграничения между белыми и индейцами к востоку от Миссисипи.

Сопротивление майами этого периода кажется вначале лишенным характерных черт, однако, в предшествующую четверть столетия племя преобрело богатый опыт и понесло небольшие потери в численности и своем статусе среди союзных племен. Теперь майами были хорошо знакомы с политикой белого человека на фронтире. Когда индейский оратор заявлял, что пути белого человека заводят его в тупик, то он имел в виду «почему?», а не «что?» и «как?». Набить грязью рот и скальпировать мертвого белого поселенца было отнюдь не бессмысленным поступком, а вполне логической реакцией воина на проявленную белым человеком жадность к земле. Так как майами становятся лидерами индейской пограничной линии обороны, они оставляют свою прежнюю роль расчетливых оппортунистов и объединяются в бескомпромиссном сопротивлении вторжению белых.

Принять такое положение было нелегко. После Восстания Понтиака майами примиряются с британской политикой, поскольку это практически оставляло племя в покое: французские и английские торговцы свободно передвигаются вдоль Уобаша, а британские власти пытаются сдерживать поселенцев восточнее Огайо, поддерживая при этом среди племен относительный мир. Десятилетие между 1765 и 1775 годами позднее казалось расцветом Золотого Века для майами. Фактически то был последний период их племенного единства и спокойствия, если не силы. Майами знали о трудностях, которые испытывает британское правительство в попытках удержать рвущихся на их земли жителей пограничья, и о тех разрушениях, что вносят они в жизнь племени. «Война лорда Данмора», поселения в Кентукки и Теннесси, показали силу экспансии белых в направлении Огайо, и племя не имело иллюзий относительно политики нового государства, которое в 1783 году объявило о своей юрисдикции над ним.

Когда Парижский договор 1783 года распорядился землями западных племен без их на то согласия, индейцы сначала обратились к жившим среди них британцам. Умелая канадская индейская служба продолжала действовать среди племен южнее Великих озер, чтобы защищать интересы и безопасность канадских мехоторговцев, подвергавшихся опасности индейского мщения. Индейское сопротивление американским поселениям быстро усиливалось. На совете с 35 племенами в Сандаски в августе 1783 года индейцам гарантировалась канадская поддержка, и индейцы, в свою очередь, в подавляющем большинстве случаев решили противиться американским поселениям севернее Огайо. Чтобы добиться внутреннего единства, индейцы вновь возродили идею общеплеменной собственности на землю.

Соединенные Штаты пытались продолжить старую британскую политику, установленную после 1763 года, частично из-за того, что большинство американцев, которым поручили ведение индейских дел, приобрели свой опыт будучи агентами британских властей. Но это происходило также и потому, что то была наиболее привычная для индейцев система. Континентальный Конгресс актом от 12 июля 1775 года принял на себя управление индейскими делами и его функции были разделены между тремя департаментами. На практике агенты и суперинтенданты рапортовали Военному Департаменту Конгресса так же, как и Конгрессу, а окончательные решения в конечном счете направлялись главнокомандующему – генералу Джорджу Вашингтону.

1 мая 1783 года направил военному секретарю Бенджамину Линкольну резолюцию, предлагая ему проинформировать индейские племена о завершении войны. Линкольн сделал это, но не сообщил о том в первую очередь исполняющему обязанности комиссионера Северного Департамента генералу Филипу Скайлеру. Торговец и индейский агент Эфраим Дуглас выполнял поручение Линкольна, но не был способен созвать западные племена на единый совет. Ответственность за свою неудачу он возлагал на британских офицеров, которые все еще удерживали форты южнее Великих озер. Тем временем майор Де Пейстер 6 июля провел у Детройта великий совет, успокаивая своих раздраженных союзников. Майами откликнулись на приглашение Де Пейстера, но не отозвались на призыв Дугласа. Это было необычно и указывало на глубину растущей враждебности к американцам – ведь племя, как правило, посещало советы равно и друзей и врагов.

Конгресс вновь попытался следовать британской имперской политике, когда 22 сентября 1783 года принял акт, предназначенный для сдерживания скваттеров, вторгающихся на индейские земли. А 22 октября, в развитие этого плана, он предложил установить демаркационную линию между индейцами и поселенцами. 4 марта 1784 года были назначены комиссионеры для заключения договора с индейцами. Договорная политика получила благоприятное начало на переговорах с ирокезами у форта Станвикс 22 октября: они уступили все права на землю севернее и западнее Огайо, а также свое лидерство среди западных племен.

Эти племена разрывались от колебаний. Отряд шауни летом захватил торговца Джона Лейза и он содержался пленником в селении делаваров у истоков Грейт-майами, в то время как в октябре состоялся великий совет племен. Хотя индейцы еще казались нерешительными в своей политике, Лейз сообщал, что наибольшую воинственность проявляют воины шауни, минго, чероки и белые ренегаты, в то время, как вайандоты и делавары менее склонны к активному сопротивлению. Вожди веа, единственные на совете ораторы от племен Уобаша, поддерживали воинственных. Главные вожди Кекионги не компрометировали себя, участвуя в совете, который показывал им большую осторожность в принятии важнейших решений.

Майами и не могли вести себя иначе. Они были слишком близки со своими союзниками – делаварами, вайандотами и шауни, чтобы подвергать опасности свои взаимоотношения с этими разделенными племенами, и слишком хорошо сознавали необходимость единства, чтобы рисковать отчуждением любой из своих собственных общин на нижнем Уобаше. В последние годы Революции некоторые общины делаваров поддерживали американцев. Чтобы предотвратить дальнейший раскол важного племени делаваров, вожди Кекионги отважились совершить не совсем благоразумный поступок и произнесли речи, поощряющие проамериканские чувства.

Чтобы продемонстрировать перед индейцами свою добросовестность, Конгресс твердо придерживался договора в форте Станвикс и пограничной линии, установленной между поселенцами и индейцами. Летом 1785 года полковник Джозия Хармер послал прапорщика Джона Армстронга с отрядом вновь созданной пограничной Регулярной Армии к северу от Огайо, чтобы вывести скваттеров с индейских земель. Штаб свой Хармер разместил в устье Маскингамы, назвав этот новый пост фортом Хармер. Полковник был направлен из Франклина (в устье Французского ручья) к новому форту, но оказался не способен предотвратить заселение скваттеров или индейские набеги через Огайо. Он не располагал для этого нужными силами, имея с собой лишь 600 человек и всего 800 человек в 1788 году.

Для встречи с западными племенами в форт Макинтош была направлена комиссия Конгресса во главе с Джорджем Роджерсом Кларком. 21 января 1785 года она добилась соглашения с некоторыми вождями вайандотов, делаваров, оттава и чиппева. Договор в форте Макинтош был необычен: он закреплял за этими племенами земли в большей северной половине Огайо от реки Гайаога до Моуми. Взамен вожди уступали все права на земли южнее, восточнее и западнее этого рубежа. Договору не удалось гарантировать окончательное согласие, однако, из-за того, что все четыре племени были неполно представлены на этих переговорах, их делегаты действовали вопреки совету 1783 года у Сандаски, а майами и шауни вовсе не участвовали в соглашении. Основная отправная точка американской позиции развивалась из предложения 15 октября 1783 года. В итоге «уступка» была дарована, а племенные земли ограничены, ознаменовав собой торжество американского права «давать, чтобы не получать взамен».

Комиссионеры Кларк, Ричард Батлер и Сэмюел Хью Парсонс 31 января 1786 года пытались исправить эту слабость советом у форта Финни в устье Грейт-майами.

Вначале комиссионеры послали Сэмуела Монтгомери и трех других гонцов для приглашения всех западных племен. Делавары и вайандоты в конце концов появились, но лишь после того, как известили о встрече британцев в Детройте. Американские посланники достигли «майамитауна» 13 сентября 1785 года, но главенствующие вожди отсутствовали, а недружелюбные воины майами угнали их лошадей, которых вернули только после получения выкупа у американцев. Монтгомери просил майами передать слова совета племенам нижнего Уобаши, но они отказались. Эмиссары вскоре прибыли, но через несколько миль их лошадей снова украли, на сей раз близ одного из небольших селений, возникших вокруг Кекионги. Монтгомери порицал часть неуправляемых воинов майами, ведущих себя так в отсутствие главных вождей: Педике (Pedique) был в Детройте, а Паканне – в Винсенсе. Но положение Монтгомери могло быть еще опаснее, если бы не защита проводников вайандотов.

В конце концов, договор подписали одни только шауни. Они отказались от британского суверенитета, признав верховенство Соединенных Штатов, и отказались от владения землей южнее и восточнее линии, идущей из форта Макинтош к Уобаши близ Уятанона. Договор был одобрен на совете вождями шауни только из-за раздоров в племени, перемещения Хармером скваттеров на их земли и открытой демонстрации силы комиссионерами. Как и ожидалось, согласие это оказалось временным. Хармер обнаружил 600 белых семейств в районе Маскингама и 1,500 скваттеров между Сайото и майами.

Из-за возрастающей враждебности на пограничье ни один из договоров 1786 года не приносил ощутимых результатов, но они, в конечном итоге, послужили базой для Гринвиллского договора. Более важным событием 1786 года стало выдвижение майами, как естественных лидеров в движении к созданию конфедерации. Это произошло потому, что это племя оставалось единственным на огайском фронтире, которое было нерасположено встречаться с американцами на советах и отказывалось заключать договора с их комиссионерами.

Положение прояснилось. Племена имели в своем составе фракции, которые отказывались принимать любой договор, а вожди, согласившиеся на переговоры, теряли свое значение. Британские войска еще занимали форты южнее Великих озер, а канадские торговцы и индейские агенты свободно действовали севернее Огайо. Американские скваттеры подвергались опасности, когда продвигались вглубь вновь уступленных индейцами земель севернее Огайо и южнее линии форта Макинтош, сопровождаемые или даже предшественные землемерами, которые пытались провести свои линии согласно постановлениям Указа о земле 1785 года. Скваттеры преуспевали лишь в провоцировании индейских набегов.

Американские индейские агенты были сверхагрессивны, немногочисленны и скудно финансировались. Конгресс улучшил ситуацию принятием нового постановления о регулировании индейских дел, сократив число индейских департаментов с трех до двух. Во главе каждого находился суперинтендант, ответственный перед военным министром. Северный Департамент возглавил Ричард Батлер. Негражданам США запрещались торговля и проживание в стране индейцев, а путешествия позволялись лишь при наличии пропусков.

Торговцам было приказано обзавестись лицензиями. Более важным было решение не навязывать американские законы индейской стране.

Несмотря на эту благотворную политику, фронтир вновь захлеснула враждебность. Хотя индейские нападения на американских поселенцев, как на севере, так и на юге, были вначале нескоординированны, военные отряды шауни и майами часто увеличивались за счет воинов из других племен. Винсенс естественным образом оказался наиболее уязвимым для нападения поселением. Он не имел гражданских властей, которые могли бы руководить его обороной, но в 1786 году его 900 французов и 400 американцев имели в своих рядах наиболее предприимчивых и даже необузданных людей на фронтире. Муки Винсенса начались летом 1786 года, когда кентуккийская экспедиция во главе с Джоном Хардином атаковала индейское селение близ Старого Шаунитауна на Огайо ниже устья Уобаша. Индейцы Уобаша немедленно собрали отряд в 450 воинов и двинулись вниз по реке, чтобы напасть на американцев у Винсенса. Местные французы, во главе которых стояли Жан Мари Филипп Ле Гра, Франсуа Боссерон, Жан Батис Водри, Пьер и Антуан Гамелин, боясь индейской осады, жертвой которой мог стать каждый житель города, после первых же выстрелов убедили индейцев отказаться от своего замысла. Джон Смолл и Мозес Генри, известные винсенские американцы, отметили тем летом прохождение через Винсенс 26 военных отрядов. Одним из них был военный отряд майами с реки Ил, имевший при себе скальпы и пленников из Кентукки.

Винсенс присоединился к кентуккийским поселенцам, обратившимся с просьбой о помощи к Джорджу Роджерсу Кларку. Он откликнулся на призыв, нанеся удар по индейским селениям с отрядом в 1,200 ополченцев. Однако, после трехдневного марша выше Винсенса, некоторые из его людей взбунтовались и Кларк отступил. Он разместил небольшой гарнизон в блокгаузе Винсенса и добился от вождей нижнего Уобаша обещания, что будущей весной они встретятся с ним на совете.

Хотя первое нападение на Винсенс было совершено майами нижнего Уобаша и их иллинойскими соседями, это неизбежно должно было обеспокоить и общины майами верхнего Уобаша. По счастью, в это время племя возглавляли одаренные вожди. Верховным вождем был Ле Гри, Маленькая Черепаха был военным вождем, но наиболее видным из лидеров майами являлся Паканне.

Этот вождь, чье селение находилось на реке Сент-Джозеф, часто отсутствовал, оставляя в качестве оратора своего племянника – молодого Жана Батиса Ришарвиля. Небольшую часть своих людей, включая женщин и детей, Паканне взял с собой к низовьям Уобаша в 1785 году и оставался там около двух лет. Он был способен наблюдать за франко-американскими действиями, постоянно советуясь с буйными в прошлом веа и пианкишо, склонными следовать за обычно воинственными предводителями кикапу и маскутинов. Паканне часто возвращался к Моуми или Детройту, и его присутствие на нижнем Уобаше указывало на то, что совет племени информирован о планах отдаленных общин майами. Оба они, Паканне и Ле Гри, именуются современниками верховными вождями, но, очевидно, следует считать таковым Ле Гри, поскольку Паканне

большую часть времени отсутствовал на Моуми. Иногда утверждалось, что Паканне противостоял воинственному большинству кекионгских майами.

Несмотря на то, что во время войны верховный вождь майами обычно отходит на второй план, Ле Гри продолжал пользоваться великим влиянием и в собственном племени, и в селениях Конфедерации майами. Антуан Гамелин восхвалял его, а Генри Хэй полагал, что он пользовался решающим влиянием на совещаниях с делаварами, шауни и канадскими индейскими агентами на Моуми, и что он равен Джозефу Бранту и прочим уважаемым лидерам Индейской Конфедерации. Его индейское имя Накакванга произносилось в речи 1773 года, как Навуакунанде, а в Гринвилском договоре звучит, как Нагокуанго.

Во время войны военный вождь у майами главенствовал над всеми прочими. Нападения на врагов производились вообще небольшим числом воинов, подобным отряду Маленькой Черепахи из 15 человек, который в 1789 году грабил поселения вокруг форта Вашингтон. Победа Маленькой Черепахи над Ла Бальме и его успешные вылазки против американцев сделали его величайшим военным вождем своего племени. В 1790 году он был заслуженно избран верховным вождем объединенных отрядов Конфедерации майами. Его подвиги привлекали к себе больше внимания, чем само племя майами или любой другой из его членов. С.Ф.Калер и Р.Х.Маринг в своей «Истории округа Уайтли, штат Индиана» приводят утверждение Килсокуа и ее сына о том, что Маленькая Черепаха на самом деле был не наполовину Могиканом, а на четверть французом.

В 1786 году удачные летние кампании индейцев остановили осуществление договоров и соглашений, заключенных в течение предшествующих 12 месяцев. Еще важнее было то, что набеги облегчили консолидацию сопротивления Соединенным Штатам и появление могущественной Конфедерации майами. В ноябре-декабре у Сандаски состоялся великий совет, на котором вождь Могауков Джозеф Брант утратил свое господствующее положение в конфедерации. Целью совета было усилить решимость племен по сохранению границы на Огайо, и штаб конфедерации был установлен на Моуми, близ торгового поста Александра Макки, через которого осуществлялась канадская поддержка индейцев.

Имя майами было дано конфедерации частично и потому, что американцы были несведущи относительно размеров племени, придерживаясь преувеличенных представлений о его воинской силе. Однако, имелось и некоторое оправдание использованию названия «Конфедерация майами» - имя это подразумевало рубеж на реках Моуми и майами. Земли майами стали аванпостом – последней границей индейского сопротивления. Этот регион притягивал к себе остатки некоторых восточных общин майами, а также недовольных и непокорных из других племен, что увеличивало число селений и воинов. Реки Уобаш и Моуми, защищенные болотистыми «ветлендами» Индианы, районом ледниковых озер и черным болотом северо-западного Огайо, создали барьер, за которыми Конфедерация была недостижима. Отряды ее жестоких воинов били по американским поселениям и отходили под защиту страны майами.

Конфедерация майами была внушительным объединением. Она включала семь канадских племен, часть западных ирокезов и племена между Великими озерами и Огайо. Она была создана в то время, когда 13 бывших колоний, ставшие Соединенными Штатами, с трудом вставали на ноги, а британские имперские структуры были весьма восприимчивы к просьбам из Канады.

Американским ответом Конфедерации майами было создание новой правительственной организации и направление новых агентов. 13 июля 1787 года Конгресс принял «Постановление для правительства Территории Соединенных Штатов северо-западнее реки Огайо». Пенсильванец Артур Сент-Клер стал губернатором с внедолжностными обязанностями суперинтенданта по индейским делам на своей территории. Об исполнении своих обязанностей суперинтенданта он отчитывался перед военным министром Генри Ноксом.

Нокс приказал полковнику Хармеру разместить летом 1787 года в Винсенсе гарнизон из состава его небольшой армии, чтобы заменить неправомочные силы Кларка. Хармер занял Винсенс, договорился о проведении в июле индейского совета и пересек регион каскаскиа-кахокиа, чтобы поддержать ослабевший американский престиж. Проводником и охотником его экспедиции был Паканне, который, в конечном счете, устроился на американской службе, как эмиссар Соединенных Штатов. Хармер вернулся в Винсенс и в начале сентября встретился на совете примерно со 120 веа и пианкишо.

Майор Джон Френсис Хэмтрамк, который был оставлен командовать гарнизоном когда Хармер вернулся к фортам на Огайо, организовал местные власти, совещался с посещающим его группами индейцев, пытался удержать американцев от провокационных действий и приводил в движение систему шпионажа. В течение лета 1788 года его караваны с припасами подвергались и его переводчик Жан Батис Констан, торговавший с веа, сообщал, что в Кекионгу ежедневно приносят по пять-шесть свежих скальпов, а во время его посещения селения был сожжен один пленник. Военные отряды против кентукских поселений действовали непрерывно.

Дипломатические усилия Хэмтрамка были сведены к нулю в августе 1788 года, когда партия из 60 кентукийцев во главе с Патриком Брауном пересекла Огайо западнее Уобаши и двинулась к реке Эмбаррас. Они атаковали индейское селение в нескольких милях от Винсенса, убили 9 человек и захватили 20 лошадей. Хэмтрамк отказался поддержать их, но не мог конфисковать их добычу или отгеснить их от селения со своими небольшими силами. Он был ошеломлен, узнав, что это было селение Паканне и вождя пианкишо Ла Демуазеля, и что среди жертв оказались тесть первого из них и человек по имени Монтур из племени минго. Нападение произошло в то время, когда Паканне был на Моуми, чтобы обеспечить Хэмтрамку новости о летнем совете индейцев у торгового поста Макки. Его община отошла к Терре-Хоте, чтобы подождать его там. Ла Демуазель и большинство пианкишо и кикапу из окрестностей Винсенса двинулись к каскаскиа. После этого нападения Хэмтрамк и лидеры винсенских французов создали всех индейцев, каких только смогли собрать, чтобы заверить их, что партия Брауна будет наказана. Однако Хэмтрамк был не в состоянии контролировать каждого кентукийца, оставшегося в Винсенсе. Когда Паканне

вернулся, он полностью объединил свою группу и ушел к Кекионге, не сообщив о том Хэмтрамку. Это был по настоящему зловещий знак.

Из Мариэты, своей территориальной столицы, губернатор Сент-Клер делал в течении лета 1788 года неудачные попытки созвать совет. Однако зимой он заманил сомнительных представителей от потаватоми, оттава, делаваров, вайандотов, чипшева и сауков к форту Хармер, где 9 января 1789 года они подписали два договора. Первый подтверждал условия договора в форте Станвикс 1784 года, по которым ирокезы отказались от прав на землю западнее Огайо. Второй подтверждал условия договора в форте Макинтош 1785 года.

Одно из явно второстепенных положений договоров у фортов Макинтош и Финни теперь приобрело большое значение, как для индейцев, так и для американцев. Статья 5 договора в Макинтоше гласит:

«Если любой гражданин Соединенных Штатов или иная персона, не являющаяся индейцем, попытается поселиться на земле, предназначенной этим договором индейцам вайандотам и делаварам... то такие личности теряют право на покровительство со стороны Соединенных Штатов и индейцы могут наказать их так, как они того пожелают».

Статья 7 договора у форта Финни включала то же самое положение и подтверждалась в статье 7 обоих договоров у форта Хармер. Последние также предусматривали, что индейцы, которые совершили преступления против граждан Соединенных Штатов, вероятно, на прежних индейских землях, доставляются в Соединенные Штаты для суда и наказания. Индейцы согласились с этим, как со справедливой мерой, которая уравнивала привилегию применения индейских законов к американским гражданам на индейских землях. Комиссионеры должны были быть по настоящему несведущими, если ожидали, что индейцы смогут наказывать незваных американских гостей не возбуждая широкого протеста на фронтире. Военный министр Тимоти Пикеринг говорил, что в 1795 году Соединенные Штаты приостановили требования выдачи племенами индейцев, убивших белых, так как сами США неспособны наказать своих собственных граждан за убийства индейцев.

Договора в форте Хармер возобновили попытки американцев успокоить индейские притязания на южное Огайо так, чтобы район можно было размежевать и продать белым поселенцам. Принятие этих договоров Конфедерацией майами ослабило бы ее центральную цель: сохранение границы по Огайо, которая уже и так была пробита двумя американскими поселениями. Договора в форте Хармер молчаливо признавали, что племена долины Уобаша стоят перед проблемой, которая требует в будущем новых договоров. Несмотря на американские попытки умиротворить племена Огайо, эти договора не смогли предотвратить надвигающуюся войну и никогда так и не вступили в действие. Их цели оставались недостижимыми до Гринвилского договора.

Осенью 1789 года потаватоми из селения на реке Сент-Джозеф послали военный отряд к майору Хэмтрамку, чтобы сразиться против майами при условии, что

им выдадут боеприпасы и продовольствие. Комендант знал о скрытой антипатии между двумя племенами, и что несколько лет назад майами убили вождя потаватоми. Однако, опасаясь, что это может быть коварной уловкой, Хэмтрамк не принял их, хотя и не отказал им. Сент-Клер говорил, что цель договоров в форте Хармер – разделить племена, но американо-индейский союз в те времена не мог быть надежным. Осторожность Хэмтрамка была оправдана, так как некоторые общины потаватоми продолжали свои набеги на поселенцев Кентукки. Во время их возвращения в Огайо их перехватил отряд милиции и был убит как раз тот вождь, который вел переговоры с Хэмтрамком.

Сочетание весеннего сева и неизбежные обсуждения индейцами договоров в форте Хармер обеспечили в начале 1789 года короткое временное затишье на фронтире. Ходили непроверенные слухи, как обычно сообщавшие о великом совете племен на Моуми.

Спустя некоторое время племена нижнего Уобаша возобновили набеги на Кентукки и район Винсенса. Летом военные отряды начали похищать или уничтожать скот переселенцев. Хэмтрамк отмечал, что при этом гибли в равной мере и французские, и английские торговцы, но рабов-негров щадили из-за их ценности (известно несколько майами, владевших рабами, и среди них сам Маленькая Черепаха). В августе Джон Хардин возглавил другой кентукский отряд, атаковавший селение шауни в районе веа, где было убито 12 индейцев. И вновь комендант Винсенса оказался бессилен остановить или наказать участников набега.

Такие набеги можно было понять, но Сент-Клер, который еще надеялся на всеобщий мир, понимал также и то, что он не сможет обеспечить его до тех пор, пока не будет способен защищать индейцев так же хорошо, как и белых. Племена нижнего Уобаша часто выражали готовность заключить мир и часто заявляли о своем дружелюбии, но их военные отряды действовали беспрерывно. Ненадежной была и группа примерно из 80 воинов веа, с которыми Хэмтрамк заключил союз в феврале 1790 года. Единственными же индейцами, отказавшимися от каких-либо соглашений с Соединенными Штатами, были майами Кекионги. Хэмтрамк жаловался, что вот уже 15 месяцев к нему не просачивается никаких новостей из строго охраняемого вражеского региона.

Наиболее информативное сообщение о Кекионге и вождях Конфедерации майами представил британский подданный, посетивший расположенный близ Кекионги «майамитаун». Генри Хэй, сын майора Дж.Хэя, захваченного Кларком у Винсенса в 1779 году, посетил это небольшое селение зимой 1789-1790 г.г. Он был столь же общителен, сколь и восприимчив, а его британское прошлое сделало его желанным гостем и предоставило удобную возможность наблюдать обитателей тех мест, куда не могли добраться американцы. Он заметил, что семь селений около истоков Моуми были почти заброшены, когда индейцы находились в своих зимних лагерях в нескольких милях от них. Затем «майамитаун» был занят французскими и британскими торговцами, которые принимали Хэя в своих домах. Он ясно удостоверяет личности белых людей и индейских вождей, которые часто посещали город, чтобы торговать пушнину или совещаться с военными отрядами, возвращающимися из Кентукки. Хэй

восхищался личными качествами Ле Гри, которого считал верховным или гражданским вождем племени. Он проводил много времени с Жаном Батисом Ришарвилем, и часто завтракал с Ле Гри. Он видел, как военные отряды возвращались со скальпами, а иногда и пленниками, встречался с Маленькой Черепахой и двумя военными вождями шауни – Голубой Курткой и Капитаном Джонни.

В другом ближнем селении в это время находилась группа делаваров, угрожавших уйти в испанское Миссури из-за того, что майами отказываются дать им землю для постоянного проживания. Ле Гри поддерживал постоянную связь с другими общинами майами через гонцов от Маленького Лица и других вождей веа из селений близ устья Типпекану, и с Солдатом, вождем городков реки Ил близ современного Логанспорта. Комендант Детройта майор Патрик Мюррей еще выдавал пропуска для торговли в районе Уобаша, а такие люди, как Хэй, снабжали его информацией. Согласно Хэю, в начале марта верховный вождь шауни Волк прибыл в «майамитаун» и просил о встрече с торговцами, которым он сообщил, что разрозненные группы шауни сходятся с целью собраться на Моуми. Торговцам это доставило удовольствие, так как это защищало их от будущих нападений американцев.

В 1790 году смешанные браки между майами и французами были делом обычным и Хэй высказывается по этому поводу. Наиболее значительным из полукровок был Ришарвиль, но Пьер Лафонтен, Антуан Ривар и многие другие женились на женщинах племени. Хэй находит, что это смешанное общество занимает первое место в социальной жизни «майамитауна». Он пробудился ночью 22 марта от веселья в селении майами на противоположном берегу реки. Военный тотем деревни находился на тропе войны с прошлой осени и теперь возвращался на свое место в доме трофеев со всеми должными церемониями. делавары на реке Уайт после 1770 года не считались хозяевами района майами. В 1789 году с позволения испанцев одна группа делаваров двинулась к Миссури. Сообщение Хэя указывает, что и другие селения делаваров, неудовлетворенных жизнью в стране майами, намеревались присоединиться к первым переселенцам.

В то время, как сообщение Хэя указывало на уверенность индейцев в конечном успехе их нового союза, Соединенные Штаты готовились к нападению на их родину, чтобы разгромить этот союз. Сент-Клер сделал последнее усилие, чтобы в 1790 году обеспечить общий договор с племенами Конфедерации. Его «миссия мира» была послана к Хэмтрамку, который 16 марта 1790 года послал вместе с ней вверх по Уобашу Пьера Гамелина. У реки Вермилион индейцы отказались позволить Пьеру идти дальше, так что 5 апреля эту важную миссию возложил на себя Антуан Гамелин. Он держал совет с воинами шауни, веа и потаватоми. Все они говорили ему, что будут ориентироваться на кекионгскую группу. Затем ему было позволено следовать далее к Кекионге, где он встречался с индейцами многих племен и на формальных советах, и в частных беседах с воинами и вождями. Майами отказались принять какое-либо решение по предложению Сент-Клера пока не посоветуются с британцами в Детройте. Антуан так описывает эти события в своем донесении:

«23-го апреля я прибыл в город майами. На следующий день я пошел к нации майами, Шауанонов (шауни) и делаваров. Все собрались... В частном разговоре с великим вождем он сказал мне, чтобы я не заботился о том, что будут говорить мне Шауаноны, имеющие плохое сердце и являющиеся возмутителями всех племен. Он сказал, что майами имели плохую репутацию из-за сообщений о том зле, которое совершили они на реке Огайо, но, по его словам, то зло случилось не из-за его юношей, но из-за Шауанонов, его же юноши уходят только на охоту.

25-го апреля Голубая Куртка, военный предводитель Шауанонов, пригласил меня прийти в его дом и сказал мне: «Мой друг, от имени и с одобрения Шауанонов и делаваров должен я говорить с тобой... Мы не можем дать ответ, не услышав нашего отца из Детройта, и мы решили вернуть тебе две ветви вампума, чтобы послать тебя в Детройт, чтобы увидеть и услышать вождя...»

26-го апреля... я пошел к великому вождю майами, называемому Ле Гри; присутствовал и его военный предводитель (Маленькая Черепаха). Я рассказал ему, каким образом со мной обошлись Шауаноны; он отвечал мне, что слышал о том, а также что нации поступили противоположно его намерениям. Он желал мне не заботиться об этих чужаках и обещал вскоре дать мне положительный ответ; «Мы должны послать твои речи ко всем нашим соседям и к нациям Озера; мы не можем дать ясного ответа, не посоветовавшись с комендантом Детройта»... Он был весьма доволен речами и говорил, что они заслуживают внимания и должны быть переданы всем их союзникам, имеющим намерение не предпринимать ничего без единогласного согласия... В тот же день Голубая Куртка, вождь Шауанонов, пригласил меня в свой дом на ужин и перед другими вождями сказал мне, что после другого обсуждения они полагают необходимым, чтобы я пошел к Детройту повидать коменданта, который соберет всех своих детей, чтобы выслушать мою речь. Я сказал им, что не стану отвечать им ночью, поскольку не стыжусь говорить при свете солнца.

29-го апреля я пошел к ним, когда все они собрались. Я сказал им, что не пойду в Детройт; что речи были направлены к нации реки Уобаш и к майами, и чтобы доказать искренность и сердечность губернатора Сент-Клера, я охотно дам копию речей, чтобы показать коменданту Детройта; что Его Превосходительство обрадуется, услышав, что его речи были посланы в Детройт и соответствуют письму, написанному комендантом Детройта к майами, шауанонам и делаварам, где вам также напоминает о миролюбии по отношению к американцам... Голубая Куртка встал и сказал мне: «Мой друг, мы довольны тем, что говорим с тобой; мы не ставим себе цель принуждать тебя идти в Детройт; это лишь предложение, считающееся наилучшим; наш ответ тот же, что и у майами...» Ле Гри, вождь майами, спросил меня в частной беседе, какие вожди заключили договор с американцами у Маскингама. Я отвечал ему, что их имена упомянуты в договоре. Он сказал мне, что слышал их некоторое время назад, но они не вожди, не представители, которые заключают договора; они лишь юноши, которые без власти и инструкций от своих вождей заключили тот договор, который не должен быть утвержден. Они пришли к тому договору неправомочно и намередается упомянуть о том на следующем совете».

Наиболее тщетная попытка американцев отделить племена Уобаша от майами была предпринята в мае 1790 года. Томас Проктор был послан к ирокезам в Нью-Йорк в надежде, что часть этих влиятельных воинов будет сопровождать его к Уобашу. В то же время, ирокезов просили предоставить Сент-Клеру отряд воинов, если Конфедерация откажется прекратить свое сопротивление. Ирокезам не понравилось такое предложение и партия Проктора не была послана на Уобаш.

Верно заключив, что он не может победить на Северо-Западе с помощью дипломатии, Сент-Клер, после прочтения рапорта Антуана Гамелина, решил начать наступление. Лето было заполнено военными приготовлениями американцев, а штаб-квартиру губернатора перенесли в форт Вашингтон, нынешний Цинцинати.

Решительностью и уверенностью был отмечен совет Конфедерации майами на Моуми в то время, когда неуверенность, недовольство и привычные потери составляли нормальное положение дел среди жителей Винсенса и других американских аванпостов.

Полковник Джозия Хармер планировал главную атаку против Кекионги из долины майами и, чтобы быть уверенным в своем успехе, он приказал Хэмтрамку провести отвлекающий набег вверх по Уобашу. Хэмтрамк с отрядом в 330 человек выступил 22 сентября 1790 года. Кентукские ополченцы дошли до селений на Вермилионе, которые были покинуты индейцами при их приближении. Когда же Хэмтрамк приказал двигаться далее вверх по реке в страну веа и кикапу, то милиция отказалась, поскольку и так уже находилась на половинчатом рациионе. Тем не менее, его миссия достигла своей цели. 600 воинов с Уобаша, ожидавших его в засаде около Вермилиона, не могли вовремя вернуться к Кекионге, чтобы встретить главный удар Хармера.

Так как американцы обычно нападали на индейские городки осенью, Конфедерация приготовилась к тому, чтобы перевести всех небоеспособных под защиту болот к реке Элкхат севернее Моуми, перенеся туда и имущество на спинах людей и вьючных лошадей. В то же время воины ожидали нападения американцев. Так что когда армия Хармера достигла истоков Моуми, она нашла селения уже покинутыми.

30 сентября, во главе 1,453 человек, включая 350 солдат регулярной армии, Хармер двинулся из форта Вашингтон. Они продвинулись вверх по Литтл-майами, пересекли Грей-майами близ Пикау, затем двинулись вверх по Лорамикрик к волоку Сент-Мари и спустились по той реке к Моуми. Они достигли селений майами 17 октября, но нашли их пустыми.

19 октября полковник Джон Хардин и отряд в 300 человек, производившие разведку в поисках индейцев, к своему несчастью обнаружили Маленькую Черепаху во главе 400 воинов. В последовавшей схватке милиция была разбита и отброшена к главным силам Хармера. Следующий день армия потратила на разрушение пяти индейских селений, включая городки делаваров и шауни, упоминаемые Генри Хэм.

21 октября Хармер решил, что не имеет смысла строить форт, гарнизон которого будет невозможно поддерживать ни людьми, ни припасами, и приказал отступить к форту Вашингтон. Однако на следующий день Хардин убедил его, что если силы в 400 человек снова немедленно отправятся к Кекионге, то они смогут посеять панику среди ничего не подозревающих индейцев, когда те вернутся к своим селениям. Майор Джон П. Уиллис был отряжен той же ночью для предрассветной засады, которая, как того ожидал Хармер, восстановит престиж американцев и вселит некоторый страх в сердца индейцев. Эта надежда погибла, так как 340 солдат бросились по зарослям преследовать мелкие группы индейцев.

Тем временем Маленькая Черепаха с крупными силами хорошо дисциплинированных воинов, подкрепленных отава и ирокезами, увидел, что 60 регулярных солдат Уиллиса остались без поддержки и воспользовался удобным случаем, чтобы их уничтожить. На помощь этому отряду Хармер был в состоянии отправить лишь 30 человек. После того, как рассеявшиеся солдаты присоединились к основным силам Хармера, полковник отклонил все дальнейшие предложения Хардина возобновить атаку против Кекионги и отступил к форту Вашингтон.

Потери Хармера в кампании составили 183 американца убитыми и 31 ранеными, в то время как он, по его собственным предложениям, уничтожил 20,000 бушелей кукурузы, большое количество овощей, более ста вигвамов и хижин. Разрушение это было жестоким ударом для индейцев, но кампания потерпела неудачу в выполнении поставленных перед нею планов. В 1791 году была назначена следственная комиссия, чтобы изучить действия Хармера во время кампании. Она его оправдала. При отступлении Хармер угрожал повернуть свою артиллерию против любой группы солдат или офицеров, которая покинет своих людей во время сражения.

Потери индейцев были примерно равны потерям американцев. Уничтожение селений как раз накануне зимы стало для них серьезной проблемой, но духом они не пали. Краснокожие ожидали нападения, заранее переместили своих женщин, детей и большую часть запасов пищи, отразили вторгнувшуюся армию. Реальным значением кампании было восстановление уверенности индейцев в том, что они могут встречаться с американцами в битве и рассчитывать при этом на удачный для себя исход. Маленькая Черепаха вел воинов майами к победе в главном сражении. Центр индейской Конфедерации был безопасным убежищем для групп, которые перенесли свои селения в район Моуми. Вновь пограничная милиция оказалась нерасположенной или неспособной к тому, чтобы встретиться с имевшими хорошее руководство индейскими воинами. Индейцы чувствовали, что выиграли войну за сохранение своего огайского рубежа.

Президент Вашингтон быстро отреагировал на потери американцев. Он считал местонахождение майами военным ключом к фронтиру, пунктом, где любой ценой должна быть обеспечена сильная и постоянная база. В марте 1791 года военный министр Генри Нокс приказал Сент-Клеру разместить там гарнизон в то время, как генерал Чарльз Скотт произведет из Кентукки отвлекающее

нападение на города среднего Уобаша. В тот же месяц Конгресс предложил увеличить Регулярную Армию на границе до 3,000 человек. Вместо согласия с индейскими требованиями, чтобы американцы отошли к Огайо, Нокс на первое время предлагал разграничить индейцев и белых линией Уобаш-Моуми, вместо линии форта Хармер.

Скотт повел около 800 конных кентукских ополченцев за Огайо, перейдя реку близ устья реки Кентукки 23 мая 1791 года. Он проводил кампанию в сезон, когда индейцы обрабатывают свои посеы посеы и развлекаются. То было время, редко используемое американцами для военных экспедиций: они привыкли нападать после сбора урожая. Скотт двигался прямо через холмистую южную Индиану, чтобы достичь городков веа к 1 июня. В то время, когда его главные силы уничтожали посеы и запасы пищи, полковник Джон Хардин сжег ближнее селение кикапу, а полковник Джеймс Уилкинсон сжег Кезтипеканук – селение майами в 18 милях выше по реке. Не потеряв ни одного солдата, люди Скотта убили 32 воина и взяли 58 пленников. Отпустив нетрудоспособных пленников, Скотт вернулся к Водопадам Огайо. Это была наиболее эффективная и заслуживающая похвалы демонстрация американской силы со времен кампании Кларка в 1778-1779 г.г.

Сент-Клер рассчитывал на внезапность атаки Скотта. Его шпионы сообщали, что вожди Конфедерации сосредотачивают свои селения на Моуми позади барьера Черного Болота. Этим, однако, оголялся их отдаленный фланг на нижнем Уобаше. Затем Сент-Клер ударил своих застигнутых врасплох противников второй экспедицией – вновь против средних городков Уобаша.

1 августа полковник Уилкинсон повел из форта Вашингтон 500 всадников. Он провел отвлекающий маневр, двигаясь на Кекионгу к северу к волоку между реками Грейт-майами и Сент-Мари. Там он повернул и поспешил к своей истинной цели. Уилкинсон сжег Кенпакомаку, селение майами вождя Солдата в шести милях от устья реки Ил, затем двинулся вниз по Уобашу к селению кикапу и деревням веа, отстроенным после нападения Скотта. Всех их он разрушил, а так же захватил семью вождя веа Маленькое Лицо. Кентукская милиция хорошо выполняла распоряжения Уилкинсона, и он планировал марш против главных селений кикапу западнее Уятанона, но отсутствие хороших путей и утомление его людей и лошадей, стали причиной возвращения его по пути отступления Скотта к Водопадам Огайо.

Удачи Скотта и Уилкинсона доказали, что любое нападение на пианкишо, веа или кикапу на нижнем или среднем Уобаше требует выбора определенного времени и тщательных приготовлений, также как и надежного руководства. Помощь от потаватоми с севера могла достичь этих селений дня за полтора, да и воины Кекионги вряд ли могли находиться на большем расстоянии. Таким образом, чтобы американские рейды были удачными, их следовало готовить в тайне. Войска двигались днями, не встречая индейских военных отрядов и надеясь, чтобы в северных селениях отсутствовали воины. Затем единственным выходом для них был пятидневный марш к Огайо, где только они и могли почувствовать себя в безопасности от преследователей.

Хотя беспорядочный мятеж людей Хэмтрампа и стал счастливым и удачным событием, спасшим их от роковой засады, Скотт и Уилкинсон в равной мере извлекли пользу из хорошего планирования и внезапности. Подобная тактика предназначалась только для того, чтобы уничтожить индейские запасы пищи, и таким образом удерживать военные отряды индейцев от ухода из своих селений. Американские комиссионеры могли надеяться вести мирные переговоры только в то время, когда военные отряды не действовали и, если такая тактика терпела неудачу, альтернативой ей было крупное дорогостоящее наступление с целью разгрома воинов Конфедерации.

Летние американские кампании 1790-1791 годов предназначались для того, чтобы вывести Конфедерацию майами из равновесия, срывая ее традиционную летнюю деятельность, и беспокоя ее союзников так, чтобы они согласились встретиться с Сент-Клером на общем совете. Но все это имело противоположный эффект. Майами и шауни стали еще более непоколебимы, племена к северу и западу от Моуми встревожились, а британцы в Ниагаре, Маккинаке, Детройте и других постах поддерживали приготовления к отражению готовящегося американского наступления. Маленькая Черепеха, военный вождь шауни Голубая Куртка и вождь делаваров Баконгахелас с помощью Александра Макки, Мэтью Эллиота и других британских агентов и торговцев, которые кишели в каждом индейском селении, убеждали краснокожих стойко держаться своей конфедерации.

Сент-Клер и его заместитель Ричард Батлер собрали армию из регулярных солдат и милиции у форта Вашингтон. Пограничные форты были практически лишены войск и способных офицеров, таких, как Хэмтрамп, прикомандированных к армии Сент-Клера. Его адъютант Эбenezер Денни писал 8 ноября 1791 года:

«Предсказание поражения, высказанное генералом Хармером перед тем, как армия начала кампанию, обнаружило его опыт и исключительное знание дела. Он видел, из какого материала была составлена основная часть армии; людей собирали с улиц и из городских тюрем, поспешно отправляли во вражескую страну под командованием офицеров, совершенно не знакомых с делом, которым они занимались – они просто не могли не потерпеть поражения. Кроме того, никто в департаменте не был достаточно подготовлен. Предметом удивления его (генерала Хармера) было то, что командующий генерал (Сент-Клер), который, что общепризнано, был отлично осведомлен, намеревался рисковать с такими людьми, и при таких обстоятельствах своей репутацией и жизнью, а также столь многими жизнями других людей. И это он, знающий врага, с которым идет бороться – врага, с младенчества воспитанного в войне и, возможно, превосходящего при равной численности лучших людей, которых можно было бы взять против него. Правда, я надеялся, что шум и внешний вид марширующей армии, возможно, отпугнет врага от попытки серьезной общей атаки. К несчастью, оба старших офицера были выведены из строя болезнью. В такой ситуации возможно, что некоторые серьезные вопросы будут упущены из виду. Начальник строевой части полковник Уинтроп Сарджент, старый революционный офицер, был, однако, постоянно наготове. Он взял на себя все бремя. То была действительно серьезная и беспокойная работа. Но один,

наиболее важный предмет был упущен. Нельзя сказать, что им пренебрегали, но можно было сделать много больше в его достижении. Это была осведомленность о сосредоточении сил и положении неприятеля. В этом мы были совершенно несведущими».

Армия начала свое медленное движение к Кекионге в начале сентября 1791 года. 17 сентября в 25 милях вверх по Грейт-майами был выстроен форт Гамильтон. Двадцатью милями выше по течению построили другое укрепление – форт Сент-Клер. Затем, примерно на таком же расстоянии далее на север, шестью милями южнее современного Гринвила, штат Огайо, был сооружен форт Джефферсон.

Продвижение было медленным. Дезертирство и болезни уменьшили силы примерно до 1,400 человек. Индейцы Маленькой Черепахи кружили вокруг них, подстреливая отставших и захватывая припасы. Сент-Клер достиг истоков Уобаша близ современного форта Возмещение 3 ноября, после того, как его армия, начиная с 7 сентября, продвинулась на 90 миль. Полагая, что он находится примерно в 15 милях от Кекионги или основного расположения индейцев, он слегка укрепил свой лагерь, планируя атаковать индейцев следующим утром.

Индейцы воспользовались удобным случаем, чтобы деморализовать милицию с помощью нападения на рассвете. Отступление милиции сбilo резервные батальоны. Когда солдаты наносили контрудар, воины отступали, чтобы затем снова ударить по ослабленным линиям американцев. После того как Батлер и большая часть офицеров погибли, а артиллерия была захвачена, деморализованная армия начала отступление, которое продолжалось до самого форта Джефферсон, куда после преследования многочисленных дезертиров вернулся Хэмтрак с полком лучших солдат Сент-Клера. Потери были бы еще большими, если бы индейцы не прекратили погоню после четырех миль, чтобы захватить добычу. Тем не менее, потери американцев были значительны: 39 офицеров убито, 22 ранено; из солдат 593 убито и пропало без вести, 242 ранено. Тяжелые потери, также, понесла лагерная обслуга, а армейские припасы и снаряжение были утеряны.

В разгаре битвы сражающиеся стороны были примерно в равном числе. Индейцы потеряли, вероятно, не более 150 воинов, и даже сегодня эта битва остается классическим примером бедствия, происходящего в тех случаях, когда опытные индейские воины под хорошим руководством противостояли плохо обученным солдатам под дурным командованием.

Поражение Сент-Клера губительно отразилось на американском престиже, но существовали обстоятельства, которые удержали индейцев от возможности полностью воспользоваться удобным случаем. Лорд Дорчестер, генерал-губернатор Канады, летом 1791 года встретился на великом совете с племенами у Квебека, чтобы вновь подтвердить канадскую поддержку идеи нейтрального индейского государства. Он, равно как и индейцы, полагал, что недавняя победа приведет американцев к неизбежному выводу о невозможности завоевания этого района. То был роковой просчет Дорчестера и Конфедерации. Новый британский министр иностранных дел готовился навестить индейцев, чтобы они

приняли любое компромиссное решение, хотя он и оставался непреклонен в вопросе обладания британцами постами южнее Великих озер.

Так как британское правительство все более отвлекалось сменой союзов в Европе в ходе конфликта с французами, губернатор Джон Грейвс Симко, сменивший Дорчестера, который стал первым губернатором Верхней Канады, не желал ни компромисса, ни нейтрального индейского государства. Действуя по собственной инициативе, он работал над окончательным решением проблемы Огайо. Поэтому индейцы обнаружили, что находятся в состоянии войны при наличии союзника, дающего больше устной поддержки, чем реальной помощи. Они противостояли бесчисленным, как им казалось, американцам, которых теперь возглавлял первоклассный военный – генерал Энтони Уэйн.

Уэйн не хотел атаковать Конфедерацию прежде, чем предпримет новые усилия по привлечению индейцев на совет. Полковник Джеймс Уилкинсон, новый комендант форта Вашингтон, послал в Кекионгу двух гонцов с «речами» в апреле 1792 года. Оба были захвачены и убиты майами прежде, чем добрались до места своего назначения. После этого военный министр Нокс послал к западным постам торговца-ветерана Питера Понда. Тот быстро убедился, что решимость и единство индейцев могут быть сломлены только силой.

В конце концов Соединенные Штаты извлекли пользу из отношений, которые развивал Джордж Роджерс Кларк с племенами нижнего Уобаша. Фактически эти племена не были составной частью Конфедерации майами. Осенью 1792 года комиссионер Руфус Путнем заключил договор с девятью из них, включая пианкишо, веа и часть общины с реки Ил. Это стало бы лучшим средством сдерживания их набегов, чем военные атаки в прежние годы, но Конгресс не ратифицировал этого соглашения – ему был необходим окончательный договор для всего северо-западного фронта. 26 июля 1794 года полковник Александр Макки сообщал Симко, что колеблющиеся племена нижнего Уобаша пришли на совет, чтобы воссоединиться с Конфедерацией.

Индейцы-союзники пришли из Квебека со встречи с Дорчестером на совет на р.Оглейз в 1792 году и, вероятно, достигли твердого согласия на границу по Огайо. Затем они решили в следующем году встретиться с американскими комиссионерами. В апреле 1793 года президент Джордж Вашингтон послал Бенджамина Линкольна из Массачусетса, Беверли Рэндольфа из Вирджинии и Тимоти Пикеринга из Пенсильвании, чтобы встретиться с полковником Симко у форта Ниагара. Им было поручено обеспечить одобрение индейцами американских договорных уступок, особенно сделанных у форта Хармер и Грейт-майами. Однако они также имели секретную инструкцию снять американский контроль со всех районов севернее Огайо, исключая уступки, уже сделанные «Компанией Огайо», «покупку Симмеса и «уступку Кларка». Это было первое признание Соединенными Штатами того, что индейская политика Постановления 15 октября 1783 года недолго была возможна; она отказывалась признать требование Англии о сохранении фортов на американской земле.

Комиссионеры совещались с Симко до июня, когда Джозеф Брант привел делегацию вождей от костра совета Индейской Конфедерации у Порогов

Моуми. Брант сказал: «Братья, вы видите тут людей, присланных представлять индейские нации, владеющие землями севернее Огайо, как своим общим достоянием. Все они – один разум, одно сердце». Комиссионеры заверили его, что генерал Уэйн, сменивший Сент-Клера в форте Вашингтон, приказал приостановить действия своих войск до завершения переговоров, но сообщили военному министру Ноксу, что ходившие среди индейцев слухи о военной дорожно-строительной деятельности Уэйна, создавали угрозу проведению совета.

Было условлено провести главное совещание в устье реки Детройт. Американцы прибыли сюда 21 июля и продолжали переговоры с индейцами до 23 августа. Индейские доводы представляли шауни Кошачьи Глаза, вайандот Савадавунк и Саймон Джирти. Они заявили, что недавние американские покупки были сделаны не у племен, а у отдельных продажных или развращенных вождей. Они сказали, что этой позиции придерживаются племена, собравшиеся у Порогов Моуми, и что только граница по условиям форта Станвикс 1768 года является приемлемой.

Комиссионеры доказывали, что договор в форте Станвикс был заключен с британцами, которые отдали американцам новую землю западнее Великих озер еще десять лет назад. Договора в форте Хармер и на Грейт майами были заключены с американцами, и многие из подписавших их индейцев присутствуют и на этом совете. Комиссионеры допускали, что они могут уже не перемещать поселенцев севернее Огайо. В конце концов они сделали свою последнюю уступку, предложив уплатить более крупную сумму за предыдущие земельные приобретения. Индейское право на землю было признано в документе, который стал основополагающей частью индейской политики США:

«Так как он (король) не покупал у вас земли, то он, конечно, не мог ее отдавать. Он лишь оставил США свои притязания на нее. Те притязания основывались на праве, приобретенном договором с другими белыми нациями, чтобы исключить их от продажи или заселения любой части вашей страны; и это право король даровал Соединенным Штатам. Прежде, чем это даровать, король один имел от индейских наций право продавать любые земли между Великими озерами, Огайо и Миссисипи... Братья, теперь мы признаем это великое преимущество. Мы, определенной властью президента Соединенных Штатов, признаем земельную собственность или право на землю вышеназванной великой страны с тем, чтобы индейские нации занимали ее так долго, как того пожелают. Мы только требуем в ней отдельной полосы территории, как упоминалось перед тем, и общего права, дарованного королем, как сказано выше, которое хорошо известно англичанам и американцам и именуется «преимущественное право на покупку» или право покупки от индейских наций, расположенных продавать свои земли, исключая каких бы то ни было белых людей».

Вожди дали подробный ответ и закончили с неопровержимой логикой:

«Если белые люди, как вы говорите, заключили договор, чтобы ни один из них, исключая короля, не мог покупать у нас, и что король отдал это право

Соединенным Штатам, то это дело касается только вас и его, а не нас. Мы никогда никому не давали таких полномочий».

Вожди утверждали, что в форте Макинтош, в форте Станвикс и на реке майами подразумевались лишь договора о мире и они даже не представляли себе, что продают землю. Это объяснение едва ли заслуживало доверия, но следующий пункт был достоин их хитрости и проницательности. Они просили Соединенные Штаты взять деньги, предназначенные для индейцев, и использовать их для облегчения нужды бедных белых скваттеров. Затем они объявили, что нет надобности далее продолжать совет, и они встретятся с американцами вновь только для того, чтобы установить постоянную границу по реке Огайо.

Комиссионеры не предстали перед советом племен Конфедерации; индейские делегаты переправились к торговому посту Эллиота для встречи с ними. Племена постоянно встречались в течении месяца, высылая своих посланцев нерегулярно. Во всех делегациях имелись вожди майами, но ни одно имя не называется и неизвестно, что они говорили. Индейская политика ковалась на Моуми, а не на совещаниях с американскими комиссионерами.

В конце концов стало ясно, что окончательное решение проблемы может быть достигнуто только военными мерами. С того времени белые эмиссары более не находились под защитой мирного флага и для сношений противников оставалось единственное средство. Им было посредничество делаваров, селения которых в равной степени поддерживали и мир, и войну. Племя это еще сохраняло высокий престиж и среди белых людей, и среди индейцев, а его воины приветствовались в любом армейском лагере и в любом стойбище.

Генерал Уэйн провел 1792-1793 г.г. тренируя и экипируя свою армию. Осенью 1793 года, после неудачи мирных переговоров, он двинулся вверх по Грейт-майами за форт Джефферон. Там в ноябре он построил форт Гринвилл, ставший его зимним лагерем. Продвижение было медленным, так как индейские воины постоянно тревожили отстающих и обозы с припасами. Один из обозов был разгромлен близ форта Сент-Клер отрядом во главе с Маленькой Черепахой. При этом погибли лейтенант Лоури и 14 человек. В следующем месяце Уэйн послал полковника Уилкинсона, чтобы построить форт Возмещение и захоронить вызывающие ужас напоминания о поражении Сент-Клера.

Британцы готовились встретить продвижение Уэйна. Лорд Дорчестер на совете в Квебеке в феврале 1794 года побуждал индейцев к сопротивлению. Он выполнил поручение Симко, выстроив новый британский форт, названный форт майами, на Моуми близ торгового поста Эллиота.

28 июля Уэйн выступил на север из форта Гринвилл с армией, офицерский состав которой был укомплектован большим числом неопытных искателей политической и военной славы. Под командованием Уэйна были и наилучшие, и наихудшие люди фронта, и он не собирался жертвовать успехом своей миссии из-за введенных в заблуждение подчиненных. Он планировал основать и обеспечить гарнизонами линию фронта – новую военную границу в сердце Конфедерации.

Одним из наиболее ценных подразделений Уэйна была группа разведчиков чокто и чероки во главе с вождем Колибри. Эти закоренелые враги северных племен были для генерала страховкой от неожиданностей. Он действительно в них нуждался – враждебные индейцы окружали его армию и каждый отряд, отделившийся от главных сил, находился под угрозой уничтожения.

Другим разведчиком был Уильям Уэллс, захваченный в 1774 году в Кентукки военным отрядом майами в возрасте восьми лет. Усыновленный Маленькой Черепахой, он со временем женился на дочери вождя. Уэллс сражался вместе с майами во время их побед над Хардином, Хармером, Сент-Клером; однако, затем он раскаялся в своем участии в борьбе против американцев. С одобрения Маленькой Черепахи, он оставил жену и детей среди майами, а сам присоединился к армии Уэйна, где вскоре стал командовать отрядом разведчиков. Его поступок приветствовался белыми и одобрялся майами. Знание Уэллсом местности и отдельных лидеров Конфедерации было более обширно и достоверно, чем информация из любых других источников.

Уэйн неоднократно пытался созвать совет, но все усилия его были напрасны. С тех пор, как он углубился в индейскую страну и стал там обосновываться все более прочно, Маленькая Черепаха был вынужден предпринять попытку выбить его оттуда. Воины вождя были скудно снабжены и могли действовать лишь короткое время, будучи необходимы в своих селениях.

Маленькая Черепаха нанес свой главный удар 30 июня 1794 года, после того как его силы хорошо отдохнули и освободились от зимней охоты и весенних полевых работ. Более тысячи воинов атаковали отряд эскорта из менее чем 150 солдат у форта Возмещение. Войска нашли убежище в форте после того, как потеряли 25 человек и более 200 лошадей, нападения продолжались, но превосходно спланированные усилия Маленькой Черепахи оказались недостаточными, чтобы разрушить оборону Уэйна, хотя линии снабжения генерала постоянно обстреливались.

22 июля генерал Чарльз Скотт и 1,600 конных кентукских ополченцев соединились с регулярными частями Уэйна и медленный марш к Моуми был продолжен. На реке Сен-Мари, на небольшом расстоянии от форта Возмещение, был построен форт Адамс, а 8 августа армия достигла устья реки Оглейз, где близ покинутого селения шауни Голубой Куртки был выстроен форт Вызов. Форт был расположен примерно в 50 милях выше нового британского форта майами, сооруженного по приказу губернатора Дорчестера, чтобы предоставить индейцам менее отдаленное хранилище припасов, чем Детройт. Лейтенант Джон Бойер сообщал из района форта Вызов:

«Это место далеко превосходит по красоте любое иное в западной стране и не имеет себе равного в Атлантических штатах. Здесь изобилует разного рода растительность и мы двигались четыре или пять миль по кукурузным полям вниз по Оглейз, где городок окружало не менее тысячи акров кукурузы. Вообще же это еловая земля.

Эта страна оказывается хорошо приспособлена для владения ею трудолюбивым населением... природа щедрой рукой помогает обустроиться тут, и человек может посылать свою продукцию для торговли в собственной лодке. Земля ровная, а река судоходная, не более чем 60 миль от озера (Эри). Британцы выстроили крупный форт почти в 50 милях от этого места, и наши лазутчики сообщают нам, что противник расположился лагерем примерно в двух милях оттуда по реке...»

Еще надеясь в некоторой степени на мир, компромисс или капитуляцию, 13 августа Уэйн послал обращение к племенам Конфедерации. Вожди обещали обсудить его содержание в течении 10 дней – именно такое время требовалось им для совещания, имеющего важное значение. Они требовали, чтобы Уэйн оставался у форта Вызов на время проведения совета, но он отказался от этого, переправился на северный берег Моуми и продвинулся в направлении британского форта у Порогов Моуми. 19 августа он начал строить временный «форт Дипозит» на северном берегу Моуми в пределах видимости из форта майами.

Союзники держали совет 18 августа и он имел для майами решающее значение. Маленькая Черепаха был наиболее удачливым военным вождем Конфедерации на протяжении пяти лет, а среди майами – на протяжении 15 лет. Но на сей раз он пытался воспрепятствовать битве. Он знал, что тактика изматывания, применявшаяся последние два года, не ослабила сил Уэйна, и полагал, что Конфедерация потеряла многое из достигнутого ею после поражений Харнера и Сент-Клера при бесполезной атаке у форта Возмещение. Все долгое лето можно было видеть армию Уэйна расположившейся среди прекраснейших кукурузных полей Америки. В то же время большая часть противников Уэйна была рассеяна, собирая урожай в своих селениях в пределах современных штатов Индиана, Мичиган и Огайо. Его присутствие в нескольких милях от форта майами, центра британской поддержки Конфедерации, создавало тяжелые проблемы для британской Индейской Службы. Этот форт на американской земле не мог защищаться против американских войск. Подобно шпиону, он официально не существовал, и силы Кэмпбелла из 450 солдат с приближением Уэйна утрачивали свободу действий в помощи индейцам.

Маленькая Черепаха был неспособен разработать тактику, которая помогла бы разбить хорошо руководимую и дисциплинированную американскую армию, и боялся, что Уэйн может не потерпеть поражения. Но когда он выступил в поддержку идеи заключения мира, то был обвинен в трусости в ходе бурного совета. Мудрый майами говорил:

«Мы дважды били врага, возглавляемого разными командирами. Мы не можем ожидать, что такая удача будет сопутствовать нам всегда. Американцев теперь возглавляет вождь, который никогда не спит. Ночь и день одинаковы для него и в течении всего времени, что он движется к нашим селениям, несмотря на бдительность наших юношей, мы никогда не могли застать его врасплох. Обдумайте это хорошенько. Внутренний голос подсказывает мне, что будет благоразумно выслушать его предложения мира».

Не сумев убедить своих союзников, Маленькая Черепаха уступил свое почетное положение главнокомандующего вождю шауни Голубой Куртке, а сам возглавил только собственных воинов майами.

Индейцы атаковали продвигающиеся колонны Уэйна 20 августа 1794 года. Местность была удобна для засады, но индейская армия не была так же хорошо руководима, как при ее прежних триумфах. Овраги, кустарник и густые деревья на берегах Моуми дали название битве – Битва у Поваленных Деревьев или Битва в Буреломе. Вначале американцы, ошеломленные атакой, были отброшены назад, но оправились и в течении часа потеснили индейских воинов. Лишь около половины сил Уэйна находилось под огнем и не имел возможности использовать в бою свою конницу из-за лощин и оврагов. Когда индейцы были разгромлены, они стали отходить в сторону британского форта. Теодор Рузвельт описывает это столкновение с обычным своим красноречием:

«В то же самое время первая линия пехоты атаковала с равной стремительностью и успехом. Индейцы произвели один залп, а затем были выбиты из своих убежищ штыками. Они бежали и стреляли все слабее, а если и пытались остановиться и еще раз атаковать, то их вновь и вновь оттесняли штыками. Они не могли остановиться и битва была выиграна с легкостью. Успех был таким полным, что только первая линия регулярных войск смогла участвовать в сражении, вторая линия и конные стрелки Скотта на левом фланге, несмотря на все их усилия, не смогли достичь поля боя прежде, чем индейцы были оттуда выбиты. «Здесь нет достаточно врагов для Легиона», - писал Кларк. В целом бой завершился за сорок минут.

Вместо нападения на форт майами, Уэйн разорял индейские селения и кукурузные поля. Было уничтожено имущество Александра Макки и других канадцев на 50 миль вдоль Моуми. Британский командир не только не мог помочь индейцам, но даже отказался дать им убежище в форте, когда те умоляли его об этом.

Имеются различные подсчеты общей численности сил сражавшихся, но наиболее достоверными кажутся те, что сообщает Антуан Лассель из рейнджеров капитана Колдуэлла, который попал в плен. Он говорит, что среди общего числа от 1,500 до 2,000 хорошо вооруженных воинов и 7- белых волонтеров капитана Колдуэлла имелось 175 майами. Уэйн, который полагал, что более 900 из его солдат были под огнем, понес легкие потери: 33 убитых и 100 раненых. Индейские потери могут быть определены вдвое против этого числа.

Битва была проиграна и стоила Конфедерации того выгодного положения, которое она удерживала с 1790 г. Индейские воины собирались около канадских индейских агентов и беспомощно наблюдали за тем, как Уэйн бросает вызов британцам у форта майами. Тогдашние наиболее воинственные вожди не могли понять, что лорд Дорчестер и полковник Симс были слугами Британской Короны, которая как раз вслед за этим заключает новый договор с США, или что майор Кэмпбелл у форта майами был не уполномочен оказывать им военную помощь. Многие воины возвращались к своим селениям, особенно перед

началом надвигающейся канадской зимы. Вожди, которые предпочитали продолжить сопротивление, размещали своих воинов на линиях снабжения Уэйна. Но даже они вскоре перешли к обороне, так как генерал начал устанавливать постоянные гарнизоны в самом сердце индейской Конфедерации. Тем временем к поражению и раздорам среди индейцев добавились зима и голод.

Со дня битвы и до начала переговоров фронтир пребывал в волнении. Дезертиры и шпионы были деятельны и беспокойны; силы Уэна теряли людей и припасы в стычках с рассеянными военными отрядами, обе стороны постоянно брали пленных. Уэйн также содержал лазутчиков, кружащих по индейской стране и наблюдающих за колеблющимися советами все еще грозной армии ниже форта майами и за действиями майора Уильяма Кэмпбелла. В то время, как племена Канады и севера Великих озер могли уйти прочь под предлогом своих неудач и недостатка припасов, майами не могли так поступить.

Дав отдохнуть своей армии у форта Вызов, Уэйн начал действовать так, чтобы перерезать путь вдоль северной Моуми в направлении к ее истоку у Кекионги. Прибыв сюда 17 сентября, он нашел почти 500 акров расчищенной и обработанной земли – свидетельство решимости индейцев создать обширный центр Конфедерации. На восточной стороне Сен-Мари, примерно двумя милями выше места ее слияния с рекой Сент-Джозеф и на полпути между прежним бродом и северо-западной тропой к озеру Мичиган, Уэйн выстроил форт, названный его именем. Командование там, по возвращению генерала в форт Гринвилл, принял майор Хэмтрамк. Из этого пункта Уэйн мог, получив подкрепления из форта Вашингтон, атаковать индейцев в районе Моуми. Только после окончания строительства форта он начал предварительные переговоры о новом договоре.

Индейцы всегда наслаждались затяжными переговорами и дипломатическим выторговыванием выгод. Ничто лучше не иллюстрирует этот факт, чем девять месяцев, предшествовавших заключению Гринвиллского договора 10 августа 1795 года. Так как майами три года готовились к встрече американского вторжения, они держали своих женщин, детей и припасы к северу от рек Ил и Уобаш. В результате, лишь несколько стариков майами пришло зимой в форт, чтобы получить пищу, хотя урожай 1794 года с обширных полей на Моуми был уничтожен. Так как некоторые группы колебались, а другие все еще желали войны, то весенние советы затянулись и индейцы пытались сформировать единую политику.

Несмотря на попытки американцев достичь общего совета или заключения договора, такие решения никогда не принимались индейцами поспешно или необдуманно. Во-первых, майами, делавары и шауни, казалось, противились встрече с Уэйном. Генерал использовал таких широкоизвестных торговцев, как Антуан и Жак Лассели, бывшего пленника майами Уильяма Уэллса и Кристофера Миллера, чтобы убедить их в силе и честности американцев. В начале декабря Хэмтрамк полагал, что майами еще направляются Александром Макки, но в конце того же месяца он сообщал, что два «военных вождя» пришли в форт и обещали, что племя, находящееся еще в районе озера севернее

Кекионги, скоро выступит к Гринвиллу. Это было уже после того, как Маленькая Черепаха, Паканне, Голубая Куртка и Баконгахелас впервые встретились с Симко и Макки в Детройте, чтобы пожаловаться на недостаточное зимнее снабжение. Потом они договорились о проведении совета следующим летом. Жан Батис Ришарвиль, вернувшийся с низовий Моуми, обещал переместить свое селение к Лососевой реке в знак его доверия американским обещаниям.

После марта 1795 года, до того, как Хэмтрамк смог сообщить о том, что Ле Гри, убежденный Жаком Ласселем, решил, наконец, сдаться, майами были последним племенем, достигнувшем договорных земель. Хэмтрамк провел с Ле Гри четыре дня и нашел его «здравомыслящим и благоразумным стариканом», сознающим причины минувшей войны.

Военный министр Тимоти Пикеринг реалистично инструктировал Уэйна, чтобы тот укрепил район южнее и восточнее форта Макинтош; чтобы найти «истинных хозяев» индейских земель некоторых племен заявленного района, который не является их собственностью; и, когда он найдет совпадающие заявки, чтобы разработал систему выплат, которая удовлетворила бы всех претендентов. Пикеринг желал разгромить концепцию вождя Могауков Джозефа Бранта об общеплеменной собственности на индейские земли. Фиксированные племенные границы как раз и делали это, а кроме того встречали одобрение майами и других западных племен, чьи земли были нетронуты. С тех пор как индейцы начали понимать общность своих интересов, Уэйну было приказано обеспечить все договорные условия в одном документе с полным представительством всех вождей от всех племен. Его также проинструктировали, чтобы добиться резервирования участков для военных и торговых постов вдоль полной длины рек Уобаш и Моуми.

Уэйн мудро сконцентрировал свои требования на утверждении, что земля, требуемая Соединенными Штатами, уже была куплена или уступлена по ранним договорам, а индейцам уже было уплачено; что земельные заявки некоторых племен оспариваются другими; и что желаемые им участки в прошлом были уже подарены французам или британцам. Он вновь подтвердил индейскую собственность на землю и исключительное право одних только Соединенных Штатов приобретать ее. То был возврат к политике, впервые пущенной в обращение британцами в 1763 году и усвоенной американцами в сентябре 1783 года. Политика была изменена в октябре 1783 года, но восстановлена в инструкциях Пикеринга.

Когда Уэйн упорствовал в своих требованиях относительно американских постов там, где майами давали свои участки французским или британским властям, немногие вожди возражали против уступки. Военные посты и американские торговцы их не пугали. Страшнее было приближение американских поселенцев. Разбитая Конфедерация потеряла свою главную цель – границу по Огайо, а соперничающие заявки на контроль над определенными районами приводили к расколу между племенами на договорных советах.

Индейцы, вероятно, ожидали, что Уэйн потребует новой договорной линии, но он не сделал этого. Напротив, он настаивал на приблизительной линии первого договора в форте Макинтош и трех последовавших за ним договоров. Пять из дополнительных участков, которые ему было приказано обеспечить на территории майами, и племя охотно готово было освободить их, если, в свою очередь, ему дадут торговцев. Даже военные посты не были новшеством. Однако, теперь Уэйн мог игнорировать концепцию индейской границы по Огайо или британские претензии на право владеть американской землей южнее Великих Озер.

Скоро стала очевидна иная точка зрения индейцев. Как обычно, первым говорил вайандот – Журавль (Tarhe), представлявший также и делаваров. Он одобрил условия договора в форте Хармер и вставил новое понятие о том, что земли принадлежат равно всем индейским племенам. Оратор от Трех Огней (чиппева, оттава и потаватоми) соглашался быть ограниченным тем же самым договором, но требовал, чтобы его нации имели право на земли в Огайской уступке, за которую они не получили платы после 1789 года.

Маленькая Черепаха был оратором от майами, и его аргументы были информативны и впечатляющи. То была необычная роль для военного вождя, но Маленькая Черепаха был превосходным оратором и последовательным государственным деятелем. Всего он говорил десять раз – некоторые из его речей были произнесены для веа, пианкишо, кикапу и каскаска. Вождь майами оспаривал территориальные заявки делаварских «дедов» и вайандотских «дядьев», полностью игнорирующих любые заявки племен запада и севера. Он явно был весьма сведущ в истории племенных передвижений с 1700 по 1740 года. Он говорил, что все племена признавали собственность майами на земли от Детройта до реки Сайото, и от Огайо и Уобаша до Чикаго.

Аргументами майами Уэйн противопоставил указание на то, что другие племена также предъявляли требования, чтобы разделить эти земли с французами и британцами. Он настаивал на том, что Соединенные Штаты уже дважды уплатили за земли южнее линии форта Хармер и будут платить опять, но особенно он желал обеспечить участки, которые майами отдавали французам и британцам. Имел место спор относительно местонахождения этих участков, так как майами боялись, что торговый пост и военная база у форта Уэйн вскоре станут пунктом сосредоточения американских поселенцев.

Один из предметов спора стал яснее, когда Журавль предложил Соединенным Штатам установить пограничные линии между племенами. Уэйн был слишком опытен, чтобы попасться в эту ловушку. Любое решение, какое он мог принять в этом деле, стало бы основой для будущих обид, которые могут объединить индейцев против Соединенных Штатов или вызвать новые межплеменные войны.

каскаска, веа и кикапу избрали Маленькую Черепашу, чтобы он говорил от их имени, что он и делал дважды. В первый раз он выразил настойчивое желание поддержать своих союзников делаваров и вайандотов, заявив, что линия форта Хармер отнимает у этих племен некоторые из их лучших охотничьих угодий и

потому должна закончиться у устья Грейт-майами раньше, чем коснется Огайо напротив реки Кентукки. Он также пытался убедить восточных союзников майами в желании дружеских отношений с ними и подтверждения единства с майами относительно проблем, которые могут беспокоить группы нижнего Уобаша, если поселенцев не допустят в долину Уайтвотер. Он весьма подходяще назвал регион истоков Моуми «чудесными воротами, через которые все проходят», чтобы придать особое значение его важности для племен нижнего Уобаша. Его вторая речь была произнесена почти в конце переговоров, когда он говорил с вождем веа Маленьким Бобром, чтобы тот принял условия договора.

Заключительные речи Уэйна содержали примирительные обещания, также, как и его ответы на возражения майами. Он вновь напомнил их союзникам, что и у другие нации имеют требования о разделении заявленной майами земли; что и французские, и британские форты, также, как и торговые посты, уже находились у форта Уэйн и Чикаго; и что большинство союзников майами кажутся удовлетворенными условиями договора. Но он все же уменьшил район, требуемый им для гарнизона у форта. Уэйн обещал выдавать лицензии только торговцам, желанным в индейских селениях. Он также дал твердое обещание касательно защиты живущих среди индейцев французов. Тем не менее, майами не объединились вокруг своего вождя. В конечном счете договор подписали только Маленькая Черепаха, Ле Гри, Ришарвиль, Солдат, Кошкепохто, Белая Гагара, Маленький Бобр, Маленький Лис и Френсис. Паканне, Метосина и многие другие этого не сделали, несмотря на усилия Уэйна заставить вождей действовать сообща.

По окончательным условиям договора была одобрена видоизмененная линия форта Макинтош, и американцам дали право прохода по установленным дорогам. Вирджинская военная уступка Кларка в 150,000 акров через Огайо от Луисвиля и участок в две квадратные мили на Литтл-Уобаш у волока к Моуми были новыми приобретениями, вместе с 14 другими участками на стратегических пунктах южнее Великих Озер. Индейцы могли почувствовать, что получили действительно благоприятное возмещение от войны, в которой они были деморализованы поражением в Буреломе и покинуты своими канадскими союзниками. Несмотря на все, это был унижительный конец наиболее значительной попытки основать индейское государство восточнее Миссисипи.

Майами присудили ежегодные выплаты в 1,000 долларов в товарах, а веа, Пианкешо и группе с реки Ил каждой дали по 500 долларов. На переговорах присутствовали 73 воина майами с р.Ил, 12 веа и Пианкешо. Маленькой Черепахе теперь стало ясно, что индейцы попали под власть американцев и что единственным выходом для майами состоит в скорейшем приспособлении к этому положению. Племя видело результаты на примере общин веа и Пианкешо, размещавшихся близ французских, британских и американских постов, но оно еще не было готово к новой фазе контакта с белыми: оно еще не сталкивалось с ежегодными выплатами и их воздействием на индейцев.

Льюис Касс, произнося политическую речь в Форт-Уэйне в 1843 году, радовался устранению индейцев из этого богатого района. Тем не менее, его описание ужасов пограничной войны отнюдь не преувеличено. Процветало общество Вобено и в некоторых случаях практиковался каннибализм. Потери белых были больше, чем при любых других индейских войнах, как на поле боя, так и во время попыток в селениях, а возмездие зачастую падало на дружественных индейцев и было жестоким и безрассудным. В ходе этого конфликта, более, чем в Американской Революции или в Войне 1812 года, западные пионеры встретили наиболее мощное и длительное сопротивление, какое могли организовать индейцы.

Сосредоточение индейцев вдоль Моуми стало возможно благодаря их возросшим усилиям в области земледелия. Крупное скопление населения ограничивало охотничью активность и земледелие становилось основной жизни селений. Уэйн отмечал:

«Самые обширные и хорошо обработанные поля и сады являли собой труд многих рук. Берег этих прекрасных рек, Озерной Моуми (Моуми) и Оглейз, казался подобен одному протяженному селению, растянувшемуся на несколько миль выше и ниже этого пункта. Таких необъятных полей кукурузы я не видел до того ни в одной части Америки от Канады до Флориды».

Временами казалось, что Конфедерация майами могла развиваться в стабильное политическое образование, походящее на Шесть Наций ирокезов. Индейский дух был высок, так как они отразили американцев; их воинственное общество процветало. Кукурузные поля вдоль Моуми опровергают мнение о лени и непредусмотрительности индейцев. Едва не было создано индейское государство, которое смогло быть точно воспроизведено с успехом на Индейской Территории (Оклахома) столетием позже.

Кампания Уэйна не должна считаться конечной датой национального существования майами, хотя она завершила собой короткий период опоры их на войну при решении проблем с белыми. Теперь они обратились к другой тактике – и с известным успехом. Они усвоили многое из взглядов белых на земельную собственность, когда необходимо шли на компромисс и упорно сражались, чтобы сохранить свои родные земли – на договорных советах.

5. ПЕРВЫЕ ДОГОВОРА И ВОЙНА 1812 ГОДА

Гринвиллский договор открыл на фронтире новую эру внешнего мира. Старейшие вожди майами, такие, как Маленькая Черепаха, Ле Гри и Паканне, были полны решимости выполнять условия договора и делали это, несмотря на медленно растущую волну недовольства в небольших общинах, возглавляемых молодыми воинами. Вначале даже быстрая волна белой иммиграции в южное Огайо мало беспокоили племена Уобаша. Их единственные контакты поддерживались с избранными торговцами, а если какие-либо вожди отправлялись в Детройт или Канаду ради собственного любимого

времяпровождения – участия в совете – то и канадские инициативы их мало беспокоили.

Американцы расширяли свое проникновение в отношениях с прежними противниками. Они начали с путешествий в столицу нации и по городам Атлантического побережья, в ходе которых они продемонстрировали богатые стороны американской культуры. Индейцев баловали вниманием со стороны значительных людей, им давали медали и подарки, а в ходе визита обращались с ними по-королевски. Осмотр неисчислимой мощи американцев посещающими их вождями бывал не напрасен: обычно это убеждало их в бессмысленности дальнейшей войны. Такая дипломатическая обработка индейских лидеров была рассчитана на сохранение их влияния среди их людей. Например, с Маленькой Черепахой во время его первого визита в Филадельфию в 1797 году носились как со знаменитостью, а Гилберт Стюарт написал его портрет. Вождь выглядит на нем старым и нездоровым, в то время как современники говорили о нем, как о высоком, мускулистом и угрюмом человеке.

Первой и, вероятно, наиболее важной причиной перемен в племени в течении этого периода было разложение воинского общества майами. Оно ставило цели, которых необходимо было достичь мужчинам, прежде чем они могли принять на себя ответственную роль в племенном обществе. Способ их достижения основывался на опыте столетий и было невозможно обеспечить ему замену в течении немногих лет. Майами были неспособны изменить свою воинскую культуры, но равно неспособны они были поддерживать ее в силе. С тех пор, как наступили времена мира, недолго оставалось возможным посылать новичков в необходимые для этого экспедиции против потаватоми, Мускогских племен или белых поселенцев. А отношения вождей с американцами так изменились, что теперь они посылали преступников в форты белых людей для осуществления наказаний.

В то же время культурное отставание создавало благоприятные условия для призыва Текумсе к восстанию ради поддержания индейского статус-кво. Это было поводом для великого призыва шауни к индейскому единству, но подобная концепция оказалась противоположна мнению вождей майами, которые намеревались чтить свои договорные обязательства, и которые понимали, что их племя должно пойти на некоторое культурное приспособление. Брат Текумсе – Пророк, использовал более веский аргумент: полное возвращение к индейской культуре.

Сообщения о нравах и обычаях майами обогащаются в это время свидетельствами умного и сочувствующего наблюдателя, графа Константина Ф.С.Волни, который провел 1795-1798 года посещая различные индейские племена Соединенных Штатов. Его наиболее проницательные выводы связаны в связи с его беседами с Маленькой Черепахой.

Хотя Волни и не верил в «благородного дикаря в естественном состоянии», личные качества Маленькой Черепахи так поразили его, что он пришел от вождя в полный восторг. Вначале француз столкнулся с остатками веа и пианкишо у Винсенса в 1797 году. Он жалел их, но при этом возмущался их внешним видом

и обычаями. Он не мог достигнуть районов Детройта и форта Уэйн, но зимой 1798-1799 года навещал Уильяма Уэллса и Маленькую Черепаху во время их пребывания в Филадельфии.

После дюжины совещаний Волни решил, что Уэллс является единственным белым человеком в Америке способным оказать исследователю ценную помощь в нюансах любого индейского языка. Вместе они составили словарь языка майами, который многократно переписывался и, вероятно, менее испорчен наносами, чем позднейшие попытки Уильяма Торнтона или индейского агента Чарльза Н.Хэнда, которые воспроизводились Генри Р.Скулкрафтом.

Сообщения Волни о великом вожде и его племени перевешивают все позднейшие наблюдения. Этим они во многом обязаны Уэллсу, который прожил среди майами четверть века. По словам Уэллса:

«..все их (индейские) удовольствия состоят из еды и питья, что не всегда имеется, и охоты. Предельный взлет честолюбия - стать великим воином, иметь хорошую репутацию среди пяти-шести сотен людей... Индейцу никогда не прикажешь служить другому: служить или подчиняться в его глазах есть бесчестье, предназначенное только для женщины... Вернись Маленькая Черепаха домой и умри на следующий день, все его подарки, платья, шляпы, безделушки будут брошены в толпу его соплеменников и ничто не перейдет к его жене или детям. Таков обычай его племени и многих других: каждый обладает своим оружием, безделушками или другим имуществом пока жив, но после смерти даже его нож или трубка не попадет к его детям. Они не имеют никакого понятия о собственности, заключенной в земле или в недвижимости.

Жизнь их постоянно в опасности. Изменения, которым их жизнь постоянно подвергается, есть главный объект внимания индейца. Она – хрупкий сосуд, ежеминутно могущий разбиться из-за тысячи случайностей. Смерть становится ему так привычна, что он относится к ней с безразличием – когда она неизбежна, он примиряется с ней или с готовностью храбро встречает ее. Следовательно, он не привязан ни к чему, кроме оружия и, возможно, некоторых товарищей, чья помощь полезна для его безопасности. Он относится к своим детям также, как любое другое животное относится к своему молодняку. Он ласкает и заботится о них, когда имеет, но легко покидает их, когда идет охотиться или сражаться, более не думая о них. Они могут обходиться без посторонней помощи, жизнь и смерть для них не имеет значения, так как рано или поздно, смерть может быть их участью. Самоубийство среди них дело обычное: они убивают себя, когда устанут от жизни или расстроятся из-за безответной любви, когда будут раздражены без возможности отмщения. Они живут почти целиком в настоящем, практически не вспоминая о прошлом, и ни в чем не уповая на будущее. Здоровые, они скачут, смеются и поют; больные и усталые, они лежат, курят или спят».

Несмотря на пессимизм Уэллса и очевидное отсутствие симпатии к некоторым обычаям майами, несомненно, что он надеется обратить своих индейских друзей к обычаям белых людей.

«Индейцы Уобаша, майами, потаватоми и прочие, уже лучше, чем были несколько поколений назад. Долгие промежутки мира, которыми они обязаны упадку Шести Наций, позволили им выращивать кукурузу, картофель и даже капусту и репу. Их пленники сажали персиковые деревья и яблони и учили их разводить домашнюю птицу, свиней и коров. Вскоре они добьются таких же успехов, как крики и чокто».

Волни считал, что Маленькая Черепаха был человеком мудрым и более сведущим в вопросах раннего воспитания, чем Жан-Жак Руссо. Прийти к такому решению было для него нетрудно, так как он презирал теории Руссо, но его опровержение их все же производит сильное впечатление:

«Здесь мы имеем индейца, который, несмотря на ущербность своего воспитания, ущербность, утвержденную древними и всеобщими обычаями и взглядами его соплеменников, имел достаточную проницательность даже для того, чтобы открыть необходимый базис общественной формы возделывания земли и земельной собственности».

На протяжении жизни почти целого поколения на фронтире преобладал мир. Европейские события вначале поддерживали его, но, в конечном счете, они его и погубили. Наполеоновские войны занимали все внимание Британской империи, чьи частые столкновения с нейтральными Соединенными Штатами оставляли ее неспособной поддерживать усилия канадских пушных компаний по достижению контроля над районом Великих Озер. Но даже при таком положении дел американские торговые ограничения игнорировались севернее Уобаша, где пути перевозки мехов и товаров еще контролировались канадскими пушными компаниями, сосредотачиваясь у Маккинака и Монреаля. Индейские селения имели торговцев по своему выбору и могли обеспечить свои нужды путем продажи мехов. Сложная череда событий и изменений в политике, которые обобщенно могут быть названы «курсом перемен», медленно меняли ситуацию и в 1809 году фронтиру грозила новая пограничная индейская война.

В 1786 году постановление Конгресса запретило путешествия и проживание на индейской территории негражданам Америки, а торговые лицензии для поездок выдавались только суперинтендантом по индейским делам. Короче, право индейцев на их землю было признано, и федеральное правительство приняло на себя ответственность за их защиту от правонарушителей, в то время как индейцы сохраняли право изгонять тех нарушителей, не имеющих удостоверений от федерального правительства. Когда согласно северо-западному постановлению 1787 года территориальный губернатор стал суперинтендантом по делам индейцев на своей территории, губернатор Сент-Клер выстроил форты для защиты равно индейцев, и белых поселенцев.

В конституции США, в ст.1,ч.8,п.3 (1789 год), полномочия по урегулированию индейских дел отдаются в руки Конгресса, который в свою очередь поместил управление ими в руки Военного Департамента. Военный министр Генри Нокс годами контролировал индейские дела и вслед за Джорджем Вашингтоном был наиболее сведущим в этих проблемах человеком после 1775 года. В 1791 году новое правительство объявило через него свою новую политику, включающую в

себя, как новую характерную черту, формирование «государственной системы факторий», чтобы торговать с индейцами конкурируя с частными торговцами, которыми в значительной мере все еще оставались канадцы. Таким образом солдаты у армейских постов, федеральные агенты, многие государственные посредники и лицензированные торговцы являлись в тот период в истории майами значительную силу.

От системы факторий ожидали многого. При ее помощи предполагалось снабжать индейцев товарами и закупать их продукцию по высокой цене с целью ограничить или вовсе устранить торговцев и избавиться от практики использования при обмене виски. Одна из факторий была учреждена в 1802 году у форта Уэйн и действовала вплоть до ее сожжения индейцами (в 1812 году). Здесь размещался федеральный посредник или управляющий факторией, который зачастую содействовал политике, прямо противоположной той, что осуществлялась индейским агентом или комендантом форта. На практике эта система нередко поставляла худшие товары, иногда равные по цене тем же, но у частных торговцев. Американские торговые компании, особенно детройтские, боролись с ней, а сосредоточенные на Северо-Западе деятельности Джона Джейкоба Астора после 1808 года превратило это соперничество частного с государством в ожесточенную битву. Положение Астора в Нью-Йорке требовало в первую очередь его взаимодействия с монреальскими купцами, но 6 апреля 1808 года он создает Американскую Пушную Компанию, чтобы использовать условия принятых в 1802 году законов о запрещении захода в американские порты французских и английских кораблей и запрещении ввоза английских товаров. Он быстро объединился с Мичилимаккинской и Северо-Западной компаниями в Юго-Западную Пушную Компанию в 1811 году с условиями соглашения, зависящими от окончательного разрушения государственной системы факторий.

Солдаты на пограничных постах, включая форт Уэйн, оказывали на майами меньшее влияние, чем торговцы. Суть их службы ограничивала их контакты с индейцами; тесной дружбе препятствовали как их обязанности, так и нечастое посещение индейцами фортов. Исключениями из общего правила были командующие офицеры и маркитанты. Комендант типичного поста обычно бывал близок с отдельными индейцами и посвящен в их отношения, так как это было необходимо для выполнения его обязанностей. Карьеры французских и британских офицеров – например, Винсенса, Колдуэлла, Ришалвилля, - иллюстрируют участие офицеров в индейских делах вплоть до брака с представительницами индейских племен. Задача гражданских маркитантов по снабжению военных постов вела их к контактам с индейцами и часто приводила к конфликтам или к союзу с лицензированными торговцами или федеральными посредниками.

Из торговцев среди майами перед Войной 1812 года многие были по происхождению французами, а некоторые были франко-индейского происхождения. Почти все они имели торговые дела с индейцами уже много лет и были как дома в любом селении от Винсенса до Детройта. Те, кто был не по вкусу индейцам во время Восстания Понтиака или господства Конфедерации майами, уехали из района Миссисипи. Немного английских торговцев проникло

в сферу влияния майами и большинство из них, как семейство Эббот из Винсенса и Детройта, редко жили в селениях или охотились в лагерях майами. Они постоянно использовали проживающих там французских торговцев.

В мирный период браки между французами и майами стали действительно важны для племени. Такие торговцы, как Гамелины, Боссерон, Лассели, Джозеф Бэрн, Лафонтен, Эвелин, Бобьен, Кико и Ривар играли ведущую роль в индейско-белых взаимоотношениях. Одна из причин этого (причем одна из числа труднодоказуемых) – удачные усилия равно канадских и американских властей в использовании их, как средства контроля или влияния на политическую позицию майами. Так как то было время ненадежной лояльности, то многие торговцы являлись сотрудниками индейской службы и Канады, и Соединенных Штатов. Их них, вероятно, наиболее активным политическим агентом среди майами был Джон Кинзи.

Уильям Генри Гаррисон, губернатор вновь созданной Территории Индиана, получил инструкции, требующие, как можно скорее обеспечить земельные уступки со стороны индейцев. Так как в регионе имелось мало земли, открытой белым поселениям, то он приступил к действиям с великой энергией. На совете в Винсенсе 17 сентября 1802 года, собранном для подготовки Договора в форте Уэйн, вожди веа, реки Ил, пианкишо, каскаския и кикапу избрали своими ораторами Маленькую Черепаху и Ришарвилля вместе с вождем потаватоми Виннемаком. Гаррисон обстоятельно изложил и объяснил военному министру Генри Дирберну индейскую стратегию затягивания переговоров. Он был убежден, что Уэллс и Маленькая Черепаха контролируют только реку Ил и немногих вождей потаватоми. «Девять десятых племени (майами), которые признают своими вождями Ришарвилля и Пеккана (но реально управляются ловким парнем, прозванным Сова и Длинная Борода...), крайне ненавидят и Уэллса, и Черепаху,» - писал он. Губернатор порицал притязания майами на контроль над землями пианкишо и делаваров на Уобаше и Уайт-Ривер, и считал Сову ответственным за затягивание совета. Хотя Гаррисон был прав в предположении, что Уэллс популярен лишь среди немногих потаватоми, его главная ошибка состояла в заблуждении относительно ранга и влияния Ришарвилля (Сова – Озандия, один из нескольких вождей того же имени, которое часто принимали предводители миссисиневской группы майами).

По договору в форте Уэйн 7 июня 1803 года девять племен уступали земли, окружающие Винсенс в Индиане и Иллинойсе. Каскаския и пианкишо, имевшие лучшие участки, сократились до ничтожных групп и переместились из ближайшего района еще до 1794 года. Но делавары и шауни подписали окончательный договор. Этот документ давал Соединенным Штатам право на район вокруг столицы новой Территории и оберегал французские земельные права. Фактически это было расширение неясно очерченных границ Винсенского участка, уступленного в 1795 году в Гринвилле. Плата, которую племена получили за район приблизительно в 1500000 акров, состояло всего лишь в ежегодном распределении 159 бушелей соли.

Вслед тому Гаррисон заключает в августе 1803 года серию договоров с племенами реки Ил, вайандотами, пианкишо, каскаския и кикапу. По ним он

обеспечил несколько небольших участков, на которых правительство могло разместить «дома гостеприимства» на дороге между Винсенсом, Каскаска и Кларксвиллом. Участки никогда не межевались и позднее были уступлены вновь.

По Винсенскому договору 18 августа 1804 года делавары, живущие на западном рукаве реки Уайт, уступили землю между Уобашем и Огайо, а также южнее линии, идущей между Водопадами Огайо и Винсенсом. Претензии делаваров на этот район были признаны майами на отдельном совете двух племен у форта Уэйн в июне того же года. 27 августа пианкишо признали претензии делаваров на часть прав на уступленные земли.

21 августа 1805 года в Граусленде, особняке Гаррисона в Винсенсе, был заключен договор с другими группами майами. Веа, майами Кекионги и реки Ил совместно с делаварами и потаватоми уступили землю севернее «уступки Кларка». Участок лежал юго-восточнее линии, которая начиналась у северо-восточного угла винсенского приобретения 1803 года и шла к северо-востоку, перекрещиваясь с Гринвиллской линией в 50 милях севернее Огайо близ Бруквилла, Территория Индиана. Наиболее важной особенностью договора был отказ групп майами с верховий Уобаша от их признания любых прав делаваров. Они теперь утверждали, что делавары были всего лишь бессрочными арендаторами, без прав на землю. Однако, позволив пианкишо отдать восточную часть участка делаварам в 1760-е годы, они, в конце концов, приняли условия договора пианкишо с Соединенными Штатами. С этого времени три группы майами с верхнего Уобаша отказывались признавать любых других совместных собственников южнее Уобаша отказывались и севернее уже уступленных участков, став потому единственными передатчиками собственности в 1805 году. Группа у Кекионги дополнительно получила ежегодную ренту в 600 долларов, а группы веа и реки Ил – по 250 долларов каждая.

Тем временем Гаррисон обеспечил договорные приобретения от пианкишо и каскаска на западной стороне Уобаша и жаждал получить район на обеих сторонах Миссисипи от племен Саук и Фокс. В 1805 году он получил около 46,000 кв.миль индейской земли и исключил для индейских племен возможность доступа к Огайо от ее истоков до устья Уобаша.

Ясно, что Гаррисон был хозяином индейских советов. Они показали, что вожди майами, особенно Маленькая Черепаха и Паканне, не склонны воевать ради сохранения районов, не являющихся их собственными родными землями, и в которых они мало нуждаются. Неспособный разбить их логикой, какую использовал в Гринвилле Уэйн, Гаррисон пользовался эксплуатацией совместных прав собственности, которые соседние племена имели с майами как раз севернее Огайо.

Трудно дать любое другое объяснение согласию майами на эти уступки, кроме того, что племенная сплоченность уже была разрушена. Майами Кекионги недолго могли спланировать и руководить веа и пианкишо, много меньшими, чем их союзники делавары и шауни, для общей цели, как они делали это в прошлом. Гринвиллский договор уничтожил их веру в своих более могущественных

союзников и их родственники быстро исчезли. Кроме того, ослабленное воинское общество после десяти лет мирной торговли, ежедневного контакта с американскими агентами, посредниками и торговцами, восприняло философию выживания французского поселенца. Без войны не было славы, а пушная торговля и небольшие ежегодные выплаты подменили свободную жизнь величайшей зависимостью, которую некоторые научились принимать.

Последний, сам по себе неуловимый, фактор получил большое значение для покоя майами. Но эта летаргия была в большей степени результатом их похвальных усилий по соблюдению данных ими впервые в Гринвилле обещаний, чем последствием деградирующего воздействия виски. Несомненно, что торжественные договорные обязательства были столь же важны для Маленькой Черепахи, сколь незначительны для Ришарвилля. Вся история майами поддерживает гипотезу о том, что договора не были для них столь неудобны, чтобы вызвать их сопротивление до тех пор, пока они не становились непосредственной угрозой самому их существованию. Они еще не видели гаррисоновские договора в этом зловещем свете.

Тем временем противники гаррисоновских договоров породили одну из наиболее значительных попыток индейского сопротивления. Молодой воин шауни Текумсе, член общины Черного Копыта из Вапаконеты на р.Оглейз, постепенно принял на себя руководство теми, кто подвергся расширяющимся покупкам Гаррисона. Планы Текумсе по объединению индейского сопротивления подавались в виде эмоциональных намеков его братом, Пророком шауни. Международные дипломатические интриги, предшествовавшие Войне 1812 года, ободряли этих двух лидеров и представлялись им удобным случаем для осуществления своих идей.

Усилия Текумсе были, вероятно, преувеличены в воображении поселенцев центрального и западного Огайо. Американцы провоцировали индейцев, селясь за линией Гринвиллского договора, препятствуя им охотиться на уступленных территориях и отказываясь позволить им выселять неправомочных белых нарушителей. Однако Черное Копыто и делаварский вождь Андерсон или Коктованунд, чье селение было на р.Уайт, были еще способны сдерживать недовольство своих соплеменников. Следовательно, братья-шауни с небольшой группой сторонников из нескольких племен были вынуждены покинуть свое селение где-то после 1801 года.

Текумсе путешествовал по племенным советам от Великих озер до Мексиканского залива, распространяя свои взгляды относительно того, что земля принадлежит всем племенам сообща. Он преуспел в обеспечении контроля из небольшого делаварского селения у современного Манси, штат Индиана, где проповедь Пророка о индейском культурном очищении и аскетизме привлекала к себе пилигримов из ближних и дальних мест. Делавары вначале приветствовали группу Пророка, состоящую из шауни, потаватоми и немногих делаваров, но иллюзии их скоро развеялись. Старый вождь, подписавший договор 1804 года, его племянник и другой новообращенный христианин были сожжены у столба в 1806 году, что стало кульминацией одной из проповедей Пророка.

Губернатор Гаррисон направил предостерегающее послание к делаварам, в то время когда их селения, возглавляемые вождем Андерсон, протестовали против мятежных действий. Затем нежеланные гости двинулись у новому месту, которое было тщательно избрано для их стратегической позиции. Городок Пророка вырос на Барнеттс-Крик близ места слияния рек Типпекану и Уобаш, на перекрестке путей племен. Сюда к Текумсе и Пророку могли прибывать предполагаемые союзники и тайные делегации. Более важным, однако, было то, что отсюда вожди могли наблюдать или даже перехватывать гонцов, направлявшихся в форт Уэйн и Детройт от губернатора из Винсенса.

Теперь майами стали величайшим препятствием для Текумсе. Хотя немногочисленные молодые воины майами и соединились с недовольными в селении, сила которого стала внушать трепет соседним общинам веа и пианкишо, Маленькая Черепаха, Паканне и другие вожди намеревались соблюдать подписанные ими договора. Предпосылка Текумсе об общей индейской собственности на землю нарушала основу силы и престижа майами. В то время, как майами принимали группы беженцев от делаваров, шауни и других племен, они не собирались терять контроль над районами верхнего Уобаша. Они уже потеряли часть своего значения с упадком групп веа и пианкишо на нижнем Уобаше и понимали, что без контроля над районом Уобаша-Моуми они станут просто небольшим и незначительным племенем.

К этому времени система факторий и индейских агентов приобрела среди майами величайшее значение. Во время своего второго путешествия в Вашингтон в 1802 году Маленькая Черепаха просил о контроле за торговлей и ежегодными выплатами. Его обращение произвело такое впечатление на Томаса Джефферсона, что президент назначил Уильяма Уэллса индейским подагентом, а Джона Джонстона из Пикуа —управляющим новой государственной факторией у форта Уэйн. Джефферсон, вероятно, побудил квакеров послать в 1804 году Филипа Денниса с двумя спутниками, чтобы основать на Уобаше, близ современной границы округов Уобаш и Хантингтон, учебную сельскохозяйственную ферму. Проект потерпел неудачу за год, так же, как и попытка Уильяма Кирка продолжить фермерство в следующем году.

Джонстон и Уэллс предполагали, что сотрудничество в политических и коммерческих делах затронет правительство и майами, но потерпели неудачу. Их разногласия были порождены тем, что селения шауни располагались близ Гринвиллской линии. Уэллс предлагал переместить шауни подальше от линии, в то время, как Джонстон поддерживал их гарантированные договором права на защиту от вторжения белых людей.

Сам Джонстон приписывал проблемы своей фактории у форта Уэйн пяти канадцам, которым были даны лицензии на торговлю у этого поста. Он порицал Уэллса за неудачу квакерских ферм, обвинял его в интригах и обмане, отсутствии принципов и увлечении своей личной выгодой. В результате, в 1807 году Уэллс был сурово осужден Военным Департаментом и передан под начало Джонстону. Гаррисон допускал, что Уэллс и Маленькая Черепаха в 1804 году пытались помешать его усилиям по заключению договоров в Винсенсе, и в 1805

году – в Граусленде. Хотя даже Гаррисон считал Уэллса необходимым, военный министр уволил его в начале 1809 года и назначил вместо него подагентом майами Джонстона. Таким образом, Джонстон занял в форте Уэйн обе государственные должности.

Несмотря на недоверие Гаррисона к майами, которые склонялись к уменьшению значимости старых вождей, они еще были способны поддерживать традиционную власть сильнее, чем вожди у других племен. Губернатор также сомневался во многих гражданах и торговцах Территории, особенно в Детройте, которые занимали должности в округе или в милиции и в то же время состояли на секретных должностях в Канадской Индейской Службе. Подозрения Гаррисона были вполне понятны: фронтир был районом, равно состоящим из лояльности и шпионажа.

Увольнение Уэллса могло стать несчастьем для мира на границе. Отвергнутый агент не был расположен сдерживать воинов майами, обещавших примкнуть к Текумсе. Немедленное восстание тем же летом, когда многие группы находились у форта Уэйн, чтобы получить свои ежегодные выплаты, могло привести к ужасным последствиям. Однако, время выплаты осталось небогато событиями. Из положенных в том году 4,050 долларов, распределяемых Гаррисоном и Джонсоном, селения Кекионги получили 1,600 долларов, а общины с реки Ил – 150 долларов (согласно недавнему договору). Так как выплата производилась в условиях относительного мира, Гаррисон решил в том же году предпринять следующую попытку добиться новых отчуждений земель майами, находившихся у форта Уэйн.

Следующие три года Уэллс оставался загадкой индейской дипломатии на Уобаше. Не будучи агентом, он оставался влиятельным человеком, и если его участие в решениях советов майами очевидно, то к корреспонденции всех тех, кто о нем писал, надо относиться чрезвычайно осторожно.

Гаррисон был уверен, что его ранние договора были приемлемы для индейцев. После нескольких переговоров с Пророком он в конечном итоге стал преуменьшать потенциальную силу любой конфедерации, которую мог собрать Текумсе. 30 сентября 1809 года у форта Уэйн Гаррисон встретился с майами Кекионги и реки Ил, потаватоми и делаварами. Основные уступленные участки не соприкасались и на карте Чарльза Ройса отмечены под номерами 71, 72 и 73. Они включали в себя верхнюю долину реки Уайтуотер и завершали установление американского контроля над нижним Уобашем. Вдобавок майами признали, что делавары вместе с ними владеют бассейном реки Уайт (несмотря на свои претензии на исключительную собственность, высказанные в 1805 году) и потому могут согласиться на любую продажу участка номер 72. Перед уступкой участка номер 71 требовалось согласие веа. Согласие кикапу требовалось для уступки маленького участка номер 73. В статье договора, который индейцы одобрили годом позже, Соединенные Штаты переуступали группе веа уятанонские участки, которые никогда не были размежеваны или заняты. Майами предоставили дополнительные ежегодные выплаты: 700 долларов Кекионге, 400 долларов веа и 350 долларов группе с реки Ил.

Особое значение имело то, что в договоре 1809 года индейцы Кекионги внесли ясность в свои границы. Они избавились от районов, основную часть которых делили с другими племенами и общинами майами, и перенесли все свои претензии на сохраненную ими землю. Это был практический поступок. Но уступки, вызвавшие бурю протеста среди их соседей, стали лучшим аргументом Текумсе для других племен. Даже в селениях майами имелись несогласные, заявлявшие, что кекионгские уступки еще сильнее приблизят к ним белых поселенцев. При ежегодном распределении 1810 года селения Миссисиневы отказались от причитавшихся им выплат, чтобы показать свое недовольство договором, а некоторые воины (немного больше, чем раньше) двинулись к Городу Пророка.

Обвиняя Текумсе американцев в том, что они используют при подписании договоров спаивание и подкуп, получал хорошую поддержку среди индейцев. Вожди майами не могли игнорировать проходившие на советах племени обсуждения и решения. Договор 1809 года был отречением племени от нарастающего в других племенах сочувствия к земельной политике Текумсе. Это повторяло позицию, занятую майами при подписании Гринвиллского договора.

В своих договорах 1809 года Гаррисон обеспечил права почти на три миллиона акров. Пророк посетил его летом 1809 года и отрицал любую связь с британскими интересами, но когда в 1810 году Текумсе отправился в Винсенс, он поклялся, что будет сопротивляться любой попытке размежевать новые приобретения, чтобы подготовить их для белых поселений. Каждое индейское преступление в 1810 году сразу же преувеличивалось слухами и взгляды Гаррисона на силу конфедерации Текумсе начали меняться. Он полагался на сообщения винсенских торговцев с Уобаша. Джон Коннер имел влияние среди делаваров, а агент Джозеф Бэрон сообщал наиболее точные сведения из селений майами. Однако Гаррисон по-прежнему доверял Уэллсу и большинству торговцев форта Уэйн (например, таким, как Джон Кинзи), так как их коммерческие дела были связаны с Детройтом и Монреалем. С тех пор, как пятнадцатью годами ранее, во время компании Уэйна, Гаррисон получил из первых рук сведения о политическом влиянии майами, он вполне мог опасаться, что они тайно поддерживают Текумсе и потому преувеличивал значимость племени.

С фронта до губернатора доходило много тревожных сообщений. Особое значение в них придавалось присутствию канадских агентов среди индейцев, воинственным речам у форта Мелден и планам Текумсе по объединению индейских племен для нападения на западные американские поселения от Великих озер до Флориды. О каждом событии на границе губернатору сообщали дружественные индейцы или торговцы, а также личности, старающиеся находить выгоду в отношениях с обеими сторонами. В их число, несомненно, входили некоторые майами и торговцы.

На значение майами в ситуации 1810 года указывает гаррисоновская переоценка влияния Уэллса. Теперь он считал, что Уэллс в состоянии влиять на Маленькую Черепаху, что делало майами важными и для Гаррисона, и для Текумсе. Если

майами останутся нейтральными, то Город Пророка будет изолирован. Хотя некоторые из их воинов двинулись к Городу Пророка, майами не желали начинать войну, которая неизбежно привела бы к сражениям на их земле. Поэтому Маленькая Черепаха и Паканне продолжали поддерживать условия предыдущих договоров. Племя пыталось достичь решения на совете летом того же года на Миссисиневе. Вождь веа Лапузье сказал Гаррисону, что племя еще разделено поровну – часть поддерживает Текумсе, а часть Соединенные Штаты.

На совете с Гаррисоном в Винсенсе 15 августа 1810 года Текумсе отверг советы и угрозы губернатора и заверил его, что конфедерация воинов шауни, вайндотов, кикапу, оттава, виннебаго и потаватоми будет противиться любому размежеванию или занятию вновь уступленных земель. В начале 1811 года Пророк захватил судно с грузом (ежегодную выплату соли), направленное вверх по Уобашу. Гаррисон начал готовиться к войне.

Текумсе вновь посетил Винсенс в июле 1811 года, отверг предложение о поездке в Вашингтон и отказался прекратить свои усилия по созданию индейской конфедерации. Когда Текумсе посещал племена Юго-Востока и Миссисипи, Гаррисон готовил армию для похода вверх по Уобашу. Вначале он направил гонцов к племенам Территории, требуя, чтобы они выслали к нему всех лиц, замешанных в растущем числе убийств белых поселенцев, а также требуя от майами полного отказа от любого союза с Пророком.

Лапузье, поддержанный Поканне, Ле Гри, Черными Ногами, Оседжем и Поедателем Камней, так ответил посланцу Гаррисона:

«...Отец, твоя речь застала нас здесь, мы слышали ее, но она не пугает нас, мы не боимся того, что ты говоришь. Теперь мы идем в ту страну, которую часто посещал Текумсе и в ходе нашего путешествия узнаем, лжет он нам или нет. Все индейцы считают так же, как и он. Вернувшись, мы сможем рассказать тебе, лгал нам Текумсе или нет.

Отец, мы, майами, народ не вспыльчивый, мы не так легко поддаемся гневу, как ты думаешь. Наши сердца тяжелы как земля и разум наш раздражается нелегко. Нам не надо говорить людям, что мы сердимся по пустякам. Мы остерегаемся приходить в ярость без причины, делая себя посмешищем в глазах других людей.

...Мы говорим тебе, что мы не сердимся из-за пустяков. Мы имеем глаза на наших землях на Уобаше и полны решимости защищать свои права, препятствовать вторгающимся из любой части света...Теперь ты предлагаешь нам воспользоваться палицей, ты положил ее у наших ног и говоришь, что мы можем поднять ее, если решимся. Мы отказываемся поступить так и надеемся, что это обстоятельство подтвердит тебе, что мы – люди с хорошими сердцами...»

Затем от Пророка и его доктрины отказался вождь делаваров Миссисиневы Серебряные Пятки. Вождь потаватоми вновь подтвердил дружбу своего племени с майами, а Маленькая Черепаха, поддержанный Белой Гагарой, заявил:

«...Сделка, имевшая место между белыми людьми и индейцами у Гринвилла, еще свежа в наших воспоминаниях. У того места мы говорили друг другу, что будем друзьями, поступающими друг с другом хорошо, и будем растить детей наших в мире и покое. Таковы еще чувства твоих детей майами.

Отец, ты говорил нам, что будешь делать так, чтобы дети твои стали по одну сторону, а Пророк – по другую. Мы, майами, желаем считаться теми же людьми, которыми были при подписании Гринвиллского Договора, стойко придерживающимися того договора, что соединил на, майами, и потаватоми...

...Отец, я должен опять повторить тебе, ты говорил, что будешь проводить линию между твоими людьми и Пророком. Мы не хотим этого, потому что думаем, что ты не в праве сомневаться в нашей дружбе к тебе...»

Затем майами потребовали от вождей делаваров, чтобы те прояснили позицию своего племени. Когда делавары не смогли выполнить этого требования, так как были не в силах отговорить Пророка от его планов, их вожди направились к Гаррисону, чтобы тот защитил их от Текумсе. Вожди майами, не знающие позиции делаваров, которые оставили их без поддержки, поспешили вниз по Уобашу, чтобы попытаться умиротворить губернатора.

Когда Гаррисон уверился, что делавары и майами не будут поддерживать Пророка, он немедленно осуществил свои приготовления к нападению на Город Пророка. Он выступил из Винсенса в октябре 1811 года с восьмью сотнями бойцов, включая полк регулярных войск, выстроил форт Гаррисон и послал 29 воинов майами из числа своих индейских разведчиков, чтобы те попытались убедить Пророка не оказывать сопротивления. Разведчикам майами не удалось успокоить Пророка. Возвращаясь назад по южному берегу Уобаша, они разминулись с силами Гаррисона, находившимися на северном берегу. Так как отряд майами не вернулся, у губернатора возникли опасения, что Пророк перетянул их на свою сторону. Это помогло Гаррисону решиться перейти в наступление 6 ноября.

На следующее утро произошла Битва у Города Пророка, обе стороны понесли примерно равные потери, но американцы удержали поле боя, тогда как индейцы рассеялись на другой день. Разведчики майами не вернулись ко времени сражения, но находились так близко, что слышали шум битвы на расстоянии. Демонстрация агрессивности белых во многом восстановила тускнеющий престиж Маленькой Черепахи, Паканне, Метосины, Оседжа и других старых вождей майами, противостоящих Текумсе. И это, конечно, опровергло заявления Пророка о том, что его последователям не может быть причинен вред. (Капитан Джозия Снеллинг сообщал Гаррисону, что вождь майами-веа Маленькие Глаза был с военным отрядом в пределах слышимости места битвы, которое посетил на следующий день).

Мир временно пришел на Уобаш, когда Гаррисон вернулся в Винсенс, а Пророк отошел, ища убежища в селении среди майами Миссисинева. Агент Джонстон руководил выдачей ежегодной выплаты 22 ноября 1811 года и индейцы, участвовавшие в битве, единогласно обвиняли в своих несчастьях Пророка.

Джонстон мудро прощал преступников, восхваляя при этом нейтральных и проамериканских вождей. Гаррисон, полагавший, что вожди шауни, особенно Черное Копыто, могут теперь противодействовать влиянию Текумсе, еще не доверял лояльности майами и потаватоми, также как и возможности Маленькой Черепахи сдерживать эти племена. Недоверие постоянно усиливалось благодаря вражде между Уэллсом и Джонстоном и беспокойству Гаррисона о контроле над путем на Детройт по Уобашу-Моуми.

Согласно имеющимся новостям, Текумсе еще был враждебен и потому новый агент Бенджамин Ф.Стикни прибыл в сопровождении подкрепления для гарнизона. Текумсе находился у форта Уэйн с небольшим отрядом телохранителей, но и он, и Пророк отказались прибыть на совет, который Стикни созывал в апреле, намереваясь говорить с вайандотами, потаватоми, вождями с реки Ил и майами. На встрече Чарли или Китунга, вождь с реки Ил, заявил, что майами намерены соблюдать Гринвиллский Договор, но выступают против поездки делегации в Вашингтон.

В следующем месяце майами, потаватоми, виннебаго, кикапу, оттава, вайндоты и шауни провели совет на реке Миссисинева. Вождь вайандотов бранил уобашских индейцев и заявил, что его племя и британцы более не желают кровопролития. Текумсе обвинял потаватоми в пограничных конфликтах, так как они продали землю, им не принадлежащую. Вожди потаватоми решили, что вина лежит на некоторых их молодых воинах. делавары сказали, что они не заинтересованы в обвинениях, а желают мира, в то время, как майами утверждали, что они не нарушали мира и надеются, что северные племена не позволят своим воинам нарушать его. Затем большинство индейцев в течении двух дней вновь собралось у форта Уэйн, чтобы сообщить агенту свое мнение. Они уверяли Стикни, что британские намерения миролюбивы, но Уэллс не согласился и сказал, что новый агент вводится в заблуждение.

После своих дальнейших путешествий Текумсе вернулся к форту Уэйн. Он отбросил в сторону все оговорки и сказал Стикни, что идет в форт Мелден за порохом и свинцом. Другие вожди говорили Уэллсу, что Текумсе намеревается набрать силы из чиппева и поселить их на Уобаше для своего усиления, хотя майами до того отказали этому племени в позволении переселиться. Гаррисон знал, что великий шауни может привлечь к себе некоторую поддержку и потому просил позволения возглавить новую экспедицию. Военный министр Уильям Юстис мудро отказал в этой просьбе, так как чувствовал, что подобное движение окончательно толкнет майами и северные племена в ряды британцев.

18 июня 1812 года Соединенные Штаты объявили войну Британии и северо-западный фронт стал основным театром военных действий. Индейцы оказались перед лицом знакомой им альтернативы: союз с британцами, которые покинули их в прошлом, или помощь Соединенным Штатам, которые неумолимо вторгались на их земли. Третьей альтернативы, нейтралитета, не существовало. Хотя Гаррисон в 1814 году говорил военному министру о майами, как о людях «бедных, жалких, пьянствующих, слабеющих с каждым годом. Становясь еще ленивее к охоте, они ощущают выгоды своих ежегодных выплат», в 1812 году он был серьезно обеспокоен контролем над стратегическим

волоком Уобаш-Моуми и расстроен двусмысленным маневрами хитрых вождей майами. Хотя он и сомневался в их лояльности, он был вынужден использовать Сову и Поедателя Камней в качестве своих посредников в отношениях с вождями потаватоми и кикапу, предлагая тем заключить мир. От них он также узнал дополнительные подробности своей Битвы у Города Пророка.

В этот критический момент умер Маленькая Черепаха и майами потеряли военного вождя, способного управлять их судьбами в течении сорока лет. Маленькая Черепаха участвовал в подписании всех договоров с майами с 1795 по 1809 год и был оратором от всех групп майами при заключении большинства из них. Его политика и влияние неоднократно подвергались нападкам на его собственных советах, но после поражения индейцев у Города пророка его престиж восстановился. Конфедерация Текумсе была блокирована бескомпромиссным сопротивлением Маленькой Черепахи. Дальнейшее соблюдение нейтралитета майами теперь зависело от его наследников: старого Паканне, Ришарвилля, Франсуа Годфруа и других молодых вождей, которые были менее предсказуемыми лидерами и могли быть сбиты с пути Пророком и его немногими сподвижниками (позднее они переместились к Миссисиневе под защиту селений майами).

В середине июля Пророк шауни пришел к форту Уэйн с сотней своих сторонников, большинство из которых были воинственными виннебаго и кикапу. Вдвое большее количество индейцев уже было там. Когда войны проводили лето путешествиями к селениям и фортам, это было верным признаком приведения в действие планов и контр-планов различных сторон. Несмотря на это Стикни и Джонстон были настроены оптимистично благодаря миролюбивым речам Пророка. Уэллс, вновь назначенный в 1811 году под-агентом майами, был лучше информирован и говорил Гаррисону, что Пророк на деле не более, чем лазутчик Текумсе. Гаррисон теперь иронично бранил Стикни за его легкоеверие в отношении с искусными индейскими дипломатами.

Объявление войны, занятие Детройта генералом Уильямом Халлом для подготовки вторжения в Канаду и угроза Пророка (еще раз расположившегося на реке Типпекану, в то время, как Текумсе свободно передвигался среди различных индейских племен), в сочетании сделали первую половину лета временем нервного напряжения и мрачных предчувствий одинаково и для индейцев, и для американцев. Капитан Джозия Снеллинг, комендант форта Гаррисон, и его преемник, капитан Захария Тейлор, обнаружили, что даже почти уничтоженные веа вождей Маленькие Глаза и Лапузье были привлечены перспективами войны. Кекионгский вождь Черные Ноги был неспособен противодействовать военной лихорадке, возбужденной соседними воинами виннебаго, кикапу и потаватоми. Уильям Уэллс также сообщал Тейлору, что крупные силы индейцев собирались атаковать Винсенс и форт Гаррисон, и что он не мог более удерживать Лапузье и Поедателя Камней от следования Пророку, чьи ранние планы ухода на запад от озера Мичиган были изменены.

Неистовые усилия губернатора Гаррисона по усилению западной границы были вознаграждены 22 августа, когда он был произведен в генералы армии Соединенных Штатов, и 25 августа, когда Кентукки произвело его в

командующие милицией, также как в Индиане и Иллинойсе. Гаррисон планировал выстроить цепь фортов вдоль реки Иллинойс до Чикаго, укрепить форт Уэйн, послав туда полк, и усилить Халла в Детройте. Даже в начале августа Гаррисон полагал, что единственный путь к обеспечению контроля над Убашем – послать конные силы с востока в район Типпекану до того, как майами встревожаться и таким образом покончить с их колебаниями раз и навсегда.

Джонстон призвал соседние племена встретиться на совете 15 августа у Пикуа, центра своего нового агентства шауни. Прибыли только шауни и вайандоты, давшие генералу Халлу позволение на проход его армии к Детройту через их земли. Казалось, что они твердо поддерживают сторону американцев, хотя майами неохотно готовились идти на совет.

Перед тем, как майами выступили, Уэллс получил от Халла приказ идти к форту Дирберн с инструкциями для капитана Натаниэла Хилда по эвакуации укрепления. Он собрал отряд из 30 или более воинов майами и поспешил к Чикаго, где обнаружил крупные силы собравшихся там воинов виннебаго и потаватоми. Хилд решил оставить пост несмотря на протесты Уэллса и торговцев городка. Когда 15 августа они выступили из форта, его маленький отряд был сокрушен атакой враждебных воинов. Было убито 38 солдат, 2 женщины и 12 детей, а 28 человек попало в плен. Лишь немногие из американцев сумели бежать благодаря уловкам их личных индейских друзей. Уэллс, предупрежденный дружественными вождями потаватоми о том, что их воины задумали его убить, был зарезан при попытке защитить эту группу. Два вождя, Винемак и Вобоси, пытались его спасти, но тщетно. По некоторым сообщениям его отряд из воинов майами присоединился к резне после того, как он был убит. Это вполне возможно, так как подобная сцена могла возбудить любого воина. Согласно другому сообщению, майами отступили тотчас после убийства Уэллса и обещали за него отомстить. Хотя они и угрожали возмездием, престиж майами был подорван, так как их воины оказались неспособны защитить своего предводителя Уэллса.

Гаррисон запоздало искупил свое прежнее осуждение Уэллса («Бедный Уэллс также погиб, стремясь спасти капитана Хилда и его роту»), но не отказался от своей ошибочной идеи о том, что Уэллс будто бы имел большое влияние среди потаватоми, чем среди майами, или что он когда-то утверждал, будто потаватоми – стойкие приверженцы американцев.

К 16 августа 1812 года делегация майами проделала только однодневный марш на пути к Пикуа, когда до нее дошли слухи о падении американского форта и резне в форте Дирберн. Майами немедленно вернулись к форту Уэйн, чтобы пересмотреть свою позицию. Теперь ее меняла перспектива усиления положения Текумсе среди индейских племен, а также тем фактом, что в отличие от ситуации 1794 года британцы теперь были способны вступить в пограничную кампанию, будучи в формальном состоянии войны. Позднее, в том же месяце, они провели совет со своими индейскими союзниками у Сент-Джозеф близ Маккинака, на котором были выработаны планы одновременных нападений на американские посты на Великих озерах, включая набеги, предпринятые вскоре

после на форты Уэйн и Гаррисон. Последние действия были поддержаны британскими силами, собранными у форта Мелден под командованием полковника А.Мюра.

Новости о несчастье в форте Дирберн породили панику на американском фронтире. Комендант форта Уэйн капитан Джеймс Риа сообщал находившемуся в Пикау Джонстону (19 августа):

«...мой дорогой друг, сделай все, что можешь, чтобы подать нам некоторую помощь. Из наиболее достоверной информации я могу сделать вывод, что они (индейцы) решили идти сюда...и кажется, что все складывается против нас. Ради Бога, призови губернатора Мейгса нам в помощь послать больше людей...»

Он сообщил Джонстону, что женщины и дети ради их безопасности отосланы в форт Пикау. Однако, несмотря на такую настойчивость, Риа с неохотой отправил послание Гаррисону, когда торговец Антуан Бонди принес от вождя потаватоми Метеа известие о том, что воины, напавшие на форт Дирберн, уже начинают наводнять леса вокруг форта Уэйн. Лишь благодаря Стикни он послал письмо Мейгсу. Подобное же известие было отправлено самим Стикни к Гаррисону, находившемуся в тот момент у Цинциннати.

Гаррисон набирал волонтеров и инспектировал пограничные посты, когда 28 августа получил весть о падении форта Дирберн и Детройта. Он немедленно выступил к Пикау, где отрядил полковника Джона Аллена и 900 человек для усиления милиции Огайо, которая была послана в качестве подкрепления форту Уэйн, но задержалась у Джиртистауна (на Сент-Мари). К 1 сентября форт был полностью изолирован и Аллен также остановился у Джиртистауна до получения достоверных сведений о воинах, преградивших ему дорогу. Он послал Логана, своего главного разведчика-шауни, чтобы установить силу врага. Логан ухитрился проскользнуть через индейский лагерь, заверил гарнизон, что помощь близка и вернулся к Джиртистауну, где Аллен вновь решил ожидать подкрепления. На счастье Риа, индейцы не предприняли целенаправленной атаки и гарнизон был в состоянии продержаться до 10 сентября, когда осада была снята прибытием Гаррисона и его главных сил. Риа был арестован, обвинен в пьянстве и некомпетентности, и принужден выйти в отставку.

Майами, несомненно, не желали принимать участие в действиях, которые приведут Гаррисона в их собственную страну. Возможно, они пытались избежать этого, отговаривая индейцев от осуществления общей атаки на форт Уэйн. Вместо этого маленькие отряды их воинов уходили вниз по Уобашу, чтобы принять участие в нападении на форт Гаррисон 4-5 сентября. Капитан Тейлор едва спас форт в отчаянной борьбе против объединенных сил виннебаго, шауни, кикапу, потаватоми и майами. Правдоподобное объяснение таким действиям может быть дано на основе обычаев майами: они были готовы вести войну, но не в селениях своих друзей и родственников около форта Уэйн.

Прибыв в Пикау, Гаррисон немедленно отправил отряды против соседних селений, которые могли выставить воинов для нападения на форт Уэйн и которые фактически послали военные отряды на юг до самого городка

Голубиный Насест близ р.Огайо. Полковник Джеймс Симерел сжег селение Маленькой Черепахи на реке Ил к северо-западу от форта Уэйн, пощадив лишь имущество вождя, которое ему приказали защищать. Полковник Джон Пейн сжег селение майами у излучин Уобаша и все прочие на несколько миль ниже, в то время, когда полковник Сэмюэл Уэллс разрушил селение вождя потаватоми Пять Медалей на реке Элхат. Гаррисон решил предотвратить создание другой индейской конфедерации на Уобаше-Моуми (которая могла бы помешать планируемой им атаке на Детройт и Канаду) разрушением всех селений, которые могли предоставить британцам припасы и воинов, или же войти в союз с крупными проанглийскими племенами Великих озер.

Совещание американских офицеров у форта Уэйн постановило обращаться с майами, как с враждебным племенем. Нападения, к которым майами были неготовы, заставили многих из них пересмотреть свою нейтральную позицию, после чего они послали девять вестников войны к делаварам на реку Уайт. Один из последних вестников прибыл 1 октября – в тот же день майами послали к Гаррисону в Джиртистаун еще одну мирную делегацию.

Теперь майами были безнадежно расколоты. В то время, когда Ришарвиль в поисках собственной безопасности бежал в Канаду, большинство людей племени собралось на Миссисиневе. Делегация следовала за американской армией к Сент-Мари, чтобы заключить мир с Гаррисоном. Он поспешил к Пикюа, где получил известия о том, что он назначен командующим северо-западной армией на смену Халлу. Он немедленно начал приготовления к маршу на Моуми, чтобы вернуть Детройт.

Перед тем, как оставить форт Уэйн, Гаррисон послал генерала Джеймса Винчестера вниз по Моуми, чтобы собрать запас индейской кукурузы. По пути к форту Вызов Винчестер был вымотан нападениями индейцев и Гаррисон вскоре получил депеши, сообщающие о том, что Винчестер оказался перед лицом 2,000 индейцев и отряда британских регулярных войск. Гаррисон повел к Вызову подкрепления, но когда обнаружилось, что индейцы у форта Уэйн ненадежны, силам полковника Мора было приказано отступить.

Затем Гаррисон вернулся к Сент-Мари, чтобы обнаружить, что вожди майами все еще ожидают его там. Первая делегация, состоявшая из французского торговца по имени Лонгли, Поедателя Камней и Маленького Грома, была увеличена за счет включения в нее Совы, Чарли, сына Маленькой Черепахи и других. Гаррисон был тверд и требовал, чтобы ему прислали пятерых вождей по его выбору, чтобы держать их в заключении в качестве заложников. Резкость генерала объясняется в письме:

«Факты, которые мы можем подтвердить им - это помощь, оказанная Шаппимом, одним из главных вождей, во время осады форта Уэйн. Один из этих воинов участвовал в убийствах, совершенных в округе Кларк штата Индиана (в Голубином Насесте) и показывал скальп (взятый им) в городке на Миссисинавей, сделав заявление к делаварам (с призывом) поднять томагавк против Соединенных Штатов. К тому же я могу добавить их отказ прибыть на совет к Пикюа... Имеется немало оснований полагать, что веа участвовали в

последнем нападении на форт Гаррисон и мистер (Джон) Джонсон думает, что его брат был убит индейцами майами. Я не сомневаюсь, что некоторые вожди делают все, что в их силах, чтобы воспрепятствовать молодым людям идти на войну с нами, но основная масса племени бесспорно враждебна. Смена их отношения к нам была внезапной. Объявление враждебности к нам, которое, как я говорил, было сделано в обращении к делаварам... Мне следует отметить, что они могут причинить нам значительный вред, если отойдут и соединятся с враждебными группами, которые собираются в направлении южной оконечности озера Мичиган».

Вслед за удачной защитой форта Уэйн генералу Сэмуэлю Хопкинсу было приказано очистить нижний Уобаш. Первая экспедиция оставила форт Гаррисон 14 октября, но волонтеры армии Хопкинса взбунтовались и он отступил к Винсенсу. Собрав новую армию, он покинул форт Гаррисон в начале ноября с силами в 1,250 человек и сжег покинутые селения веа. Он отбил нападение из засады, но не сумел заставить индейцев принять бой и вернулся в форт Гаррисон.

Тем временем майами на Миссисиневе, казалось, были достойны недоверия Гаррисона. Пять заложников, которых обещала прислать делегация к Сент-Мари, так и не прибыла. Гаррисон ответил на это отправкой доверенного торговца Уильяма Коннера, который приветствовался на их советах, чтобы тот наблюдал за миссисиневскими майами. Коннер обнаружил, что они почти все настроены против американцев, потому что те выказали мало стойкости, оказавшись лицом к лицу с британцами в Детройте, а теперь пытались хотя бы частично восстановить свой военный престиж операциями в долине Уобаша-Моуми. Хотя наиболее воинственные майами участвовали в летних и осенних кампаниях, а некоторые из них ушли к Детроиту или присоединились к Текумсе, те, кто оставался на Миссисиневе не намеревались братья за оружие, по крайней мере сейчас. Гаррисон сообщает:

«Освобожденные от страха быть уничтоженными последним вторжением в их страну, индейцы с верхней части реки Иллинойс к югу от озера Мичиган теперь направят все свои усилия против форта Уэйн... Их местом встречи будет Миссисиневей... Отсюда они могут установить периодичность отправки конвоев из Сент-Мари, имея уверенность в том, что смогут их перехватывать...»

В предшествующей войне против Соединенных Штатов майами, когда их селения оказывались под угрозой, рассеивались в районе северных озер. Их сборище на Миссисиневе было серьезной военной и политической ошибкой, если не принимать в расчет их решимость остаться нейтральными. Если бы они в 1812 году планировали присоединиться к британцам, то скорее всего обосновались бы на р.Ил или даже р.Элкхарт, где имелись пути для отступления к убежищам потаватоми и чипшева. Майами не приняли во внимание тот факт, что в военное время они не смогут оставаться нейтральными. Если они решат не участвовать в боях, то им следует двинуться восточнее или севернее зоны ведения боевых действий. Хотя Ришарвилль и укрылся в Детройте, большинство вождей племени полагало, что им следует бояться скорее сторонников Текумсе,

чем Соединенных Штатов, и они ощущали себя на Миссисиппе в полной безопасности.

Гаррисона пугало неизвестное, но явно преувеличенное число воинов сомнительного настроения на флангах форта Уэйн. Он верно оценил опасность со стороны племен севернее и западнее Уобаша, и полагал, что Оседж-Таун близ устья Миссисиппе может стать их сборным пунктом. После неудачи Хопкинса на среднем Уобаше такое предположение было вполне разумным, но казалось определенным, что миссисиппские селения стали убежищем для неучаствующих в войне, включая и проамериканских делаваров. Вождь майами Метосина годами держал свою общину вне конфликтов, да и другие проамериканские вожди составляли весьма длинный список.

Обоснованной причиной для нападения на селения был страх Гаррисона перед существованием в тылу вражеских сил. Поэтому он приказал подполковнику Джону Б.Кэмпбеллу с отрядом в 600 человек из Франклинтона, Огайо, разрушить Оседж-Таун и все служащие помехой селения на Миссисиппе вместе с зимними запасами провизии. Проводником и разведчиком служил Уильям Коннер. Гаррисон также приказал Кэмпбеллу защищать Ришарвиля и его сыновей, а также Белую Гагару, Старого Годфруа, Паканне и делавара Серебряные Пятки, поскольку все эти вожди были проамериканскими, либо нейтральными.

17 декабря маленькая армия достигла селения Серебряных Пятки. Хотя из-за суровой погоды Кэмпбелл мог проникнуть в селение незамеченным, он предпочел атаковать его. Было убито 8 воинов, большинство индейцев бежало, а 42 человека – мужчин, женщин и детей – захвачено в плен. Каждый второй из них принадлежал к делаварам, племени, союзному США. Солдаты уничтожили все зимние запасы, что оказалось серьезной ошибкой, так как их собственная армия имела мало припасов. Затем Кэмпбелл двинулся вниз по реке и сжег два больших селения, в том числе деревню Метосины у устья Джозина-Крик, где майами храбро сражались, укрывшись за бруствером.

Наконец Кэмпбелл отступил, чтобы стать лагерем близ селения Серебряных Пятки. 18 декабря он был атакован раздраженными индейцами во главе с Франсуа Годфруа (в то время его обычно называли Френсис), Жозефом Ришарвилем и Маленьким Громом. Кэмпбелл потерял при нападении 10 человек убитыми и 48 ранеными. Майами горячо теснили его войска. Он убедился, что не может достичь своей главной цели, Оседж-Тауна. Обремененный пленниками и ранеными, стесненный в движениях плохой погодой и полагающий, что вблизи находится Текумсе с крупными силами воинов, он отступал так быстро, как только могли передвигаться его войска. При отступлении его, фактически, тревожило менее 200 воинов майами, но его решение отойти было единственно верным для его 303 человек, непригодных для исполнения своих служебных обязанностей из-за обморожений и ран (позднее их доставили в Гринвилл спасательной партией).

Кампания Кэмпбелла, будучи оправданной с военной точки зрения, была политически неудачной. Майами никогда не принимали мнения о ее

необходимости, утверждая, что они удалились с театра военных действий, намереваясь оставаться нейтральными. Ранние поражения воспринимались ими, как последствия переменчивого военного счастья, в то время как нападение на Миссисиневе представлялось им неспровоцированным разгромом нейтральных и беззащитных селений, наполненных мирными жителями – ранний вариант резни на Сэнд-Крик.

Когда полковник Ричард М.Джонсон, будущий вице-президент США, предложил более претенциозную экспедицию через индейскую страну от форта Уэйн к озеру Мичиган и реке Иллинойс, Гаррисон отверг его план. Генерал так описал зимние обычаи индейцев:

«Я, к сожалению, неспособен решить с моим другом, полковником Джонсоном, вопрос об уместности предполагаемой конной экспедиции. Такого рода экспедиция, направленная против отдельного города, будет удачной. Индейские города нельзя последовательно захватить врасплох, так как они передают тревогу от одного к другому с большой скоростью, чем могут передвигаться наши войска. В феврале, марте и апреле все города пустуют. Мужчины охотятся, а женщины и дети, особенно севернее Уобаша, рассеяны по всей территории, заготавливая сахар. Кукуруза в тот сезон обычно прячется индейцами в вырытых в земле в тайниках и обнаружить ее невозможно. В том направлении нет крупных селений. Те, что имеются, состоят из сделанных из коры хижин....., которые в течении зимы совершенно пусты. Отряд может пройти через всю страну не встретив ни одного индейца, исключая первый город, по которому будет нанесен удар, и более чем вероятно, что он будет пустым..... Такая экспедиция будет наиболее полезной летом и осенью, так как тогда индейцы находятся в своих городах и их кукурузу можно уничтожить».

Серия потерь, которые Гаррисон нанес индейцам в Индиане и Огайо, стали причиной того, что многие группы отошли к Детройту и Мичигану. Они, однако, несли пораженческие настроения северным племенам, таким как чиппева, что вело их к повторным размышлениям о способности британцев защитить своих союзников южнее Великих озер.

Антиамериканские настроения возросли весной 1813 года, когда силы Гаррисона понесли серию потерь на Территории Мичиган. Генерал противопоставил этому совет со своими союзниками в своей штаб-квартире во Франклинтоне, близ современного Колумбуса, который состоялся в июне. Он убеждал шауни, делаваров, сенека и часть вайандотов оставаться на стороне американцев и впервые стал использовать силы индейских союзников из этих племен.

Перед началом своего главного наступления для освобождения Детройта, Гаррисон послал полковника Уильяма Рассела очистить свой уобашский фланг. Рассел двинулся из Валлонии, Индиана, к делаварским городам на р.Уайт и разгромил все миссисиневские поселения, включая и те, что были отстроены после вторжения Кэмпбелла. Он проследовал по Уобашу и убедился в отсутствии собранных близ него индейских сил. Во время месячного марша к Винсенсу его 600 солдат не встретили никаких препятствий, и Гаррисон

успокоился. Планируя двинуться против Детройта по воде, Гаррисон 24 сентября 1813 года погрузил свою армию на суда у форта Мейгс. Хотя он имел с собой 260 вайандотов, сенека и шауни во главе с Черным Копытом, воины майами не присоединились к экспедиции. Однако и с Текумсе, который в конце концов собрал силы в 2,500 индейцев, оставалось немного майами.

Британская армия отступила от Детройта 27 сентября, но перед тем, как начать свое преследование, Гаррисон обеспечил прекращение военных действий с соседними племенами. 5 октября британцы заняли позицию на Темзе и в последовавшей битве были разбиты, а Текумсе убит. После американского триумфа племена собрались у Детройта, признали свою ошибку в доверии британским обещаниям, и предложили дать победителям по меньшей мере видимость военной помощи. Семь племен во главе с чиппева и оттава, включая веа и майами Кекионги и р. Ил, решили отправить своих советников в форт Уэйн и оставить американцам заложников. Условия прекращения огня подписали: от майами – Паканне, Оседж, Ванкема; от группы с реки Ил – Китунга (Чарли); от веа – Нева Шоса (Поедатель Камней) и Папахонга (Лапузье); Жан Батис Ришарвиль подписался вместе с вождями потаватоми.

Армия Гаррисона, ослабленная уходом большого числа кентукских и огайских ополченцев, чьи сроки службы истекли, вынуждена была занимать оборонительную позицию до самого 1814 года, в то время как пограничная война продолжалась восточнее Великих озер. К счастью, последние события войны происходили в Европе, а кампании на Северо-Западе закончились практически в 1813 году, хотя еще имели место немногочисленные бои у северных фортов в верхней части Великих озер.

Гаррисон сдал командование 11 мая 1814 года, добившись от индейцев обещания в июле прибыть в Гринвилл на общий совет. Вместе с Льюисом Кассом, новым губернатором Территории Мичиган, он завершил совет в Гринвилле 22 июля. На нем присутствовало около 4,000 индейцев, сражавшихся в этом конфликте за обе стороны. Среди них были майами, группы реки Ил, веа и части племен потаватоми, оттава, кикапу. Воины вновь решили присоединиться к американцам в случае возобновления войны, но Гентский договор завершил войну 24 декабря 1814 года.

Чарли, вождь майами с реки Ил, и Паканне выступали в Гринвилле от имени майами. Они возражали против принятия любого обвинения за действия немногих воинов майами, сражавшихся против американцев. Касс и Гаррисон отказались согласиться с этим и обвинили племя в двуличности, которую могло искупить только решение майами сражаться против британцев. Только двое младших вождей майами отказались подписать договор вместе со 113 вождями других племен. Число это было таким значительным потому, что американские комиссионеры, не особенно полагаясь на способность вождей контролировать несогласных воинов, обеспечили подписи под условиями договора со стороны практически каждого главы семьи. Гаррисон явно желал предотвратить новое восстание.

Майами совершили ошибки в ходе войны, в первую очередь, заявив о нейтралитете, чем надеялись добиться некоторых мер безопасности благодаря британскому и американскому покровительству. Они попали в положение, которое в конечном счете привело к тому, что Гаррисон стал рассматривать их, как потенциальную угрозу. Их другая ошибка состояла в том, что они оказались неспособны понять значения для себя лояльности их буферных племен (вайандотов, шауни и делаваров) по отношению к американцам. Без этого, и не желая принять альтернативный выход – отход в страну потаватоми, кикапу и виннебаго – они подвергли свои земли вторжению американских сил.

Маленькая Черепаха или Уэллс, будь они живы, сумели бы убедить майами принять союз с американцами, как лучшую из альтернатив. Им пришлось принять в Винсенсе обвинения Гаррисона в том, что они виновны в отправке вестников войны к делаварам в 1812 году, когда он разрушил их селения около форта Уэйн. Но они полагали, что набег Кэмпбелла на их города после того, как они отвергли инициативы Текумсе и отказались участвовать в военных действиях, не имеет оправдания. Гаррисон 20 лет не доверял побуждениям этого племени, а теперь, в 1814 году, он решил обеспечить их покорность.

Второй Гринвиллский совет означал конец военной мощи майами и их влияния на фронтире. Это было достигнуто не столько соглашениями, заключенными на совете, сколько неумолимой американской экспансией на запад и переменами внутри племени. Гарольд Е.Драйвер точно заметил, что сердцем индейской культуры была ее воинская ориентация. Любая потеря мужчинами воинских функций вела к неминуемому разрушению индейского общества, в то время, как другой путь жизни еще не принимался в качестве замены. Различные индейские агенты у майами и даже сам Маленькая Черепаха делали много попыток направить племя в русло сельской культуры белого человека. Заслуживающим внимание усилием была помощь, оказанная в 1804 и 1808 годах квакерами через Филипа Денниса и Уильяма Кирка. Тем не менее, это была только попытка и она мало дала для достижения цели и развития среди майами самостоятельных земледельцев. В то же время, занятие пушной торговлей дало воинам майами возможность сохранить некоторую видимость их прежней жизни, с ее кодексом воина, но без какой-либо возможности воевать.

После войны к должностям вождей поднялось новое поколение. Племя нуждалось в блестящем руководстве, так как ему пришлось столкнуться с более разрушительной ситуацией, чем военный фронт – наступлением гражданского фронта белых людей.